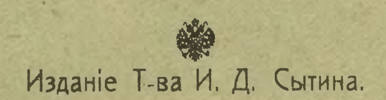
В. М. Дорошевичъ.

Собраніе сочиненій.

Т. VI.

Юмористическіе разсказы.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

В. М. Дорошевичъ.

Собраніе сочиненій.

Томъ VI.

Юмористическіе разсказы.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ
МОСКВА.—1907.

Южные журналисты.

Южные журналисты.

(ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ МАРКУ ТУЭНУ.)

Докторъ послалъ меня на югъ, и я съ большимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе „Южнаго Тромбона“.

Редакторъ этой почтенной газеты, когда я входилъ въ святилище, называемое редакціей „Тромбона“, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, уставленнымъ разными бездѣлушками, — фунтовъ по 20 вѣсомъ каждая, — и, поглядывая время отъ времени на лежавшій передъ нимъ заряженный шестиствольный револьверъ Смита и Вессона, писалъ статью съ такимъ видомъ, какъ будто онъ вырѣзывалъ печенки у живого человѣка.

— Очень радъ видѣть васъ въ числѣ сотрудниковъ,—сказалъ онъ, энергически сжимая мою руку,— очень радъ...

Я выразилъ не меньшую радость.

— Боюсь только, что незнакомство съ иными условіями...

— О, вы скоро съ ними освоитесь! Для начала просмотрите вотъ эту дрянь!

Онъ придвинулъ ко мнѣ кипу мѣстныхъ газетъ: „Ежедневное Ура“, „Самую Распространенную“, „Въ Участокъ!“ „Громъ и Молнію“ и другія.

И принялся снова потрошить живого человѣка.

Черезъ полчаса моя статья была готова.

Я писалъ слѣдующее:

Злобы дня.

„Къ сожалѣнію, мы должны начать обзоръ мѣстной печати съ указанія на ошибку, сдѣланную нашимъ почтеннымъ собратомъ газетой „Ежедневное Ура“. Ошибку, конечно, невольную и неизбѣжную при такомъ спѣшномъ дѣлѣ, какъ газетное: кандидатъ Ужицынъ, на вчерашнихъ выборахъ, получилъ не 2 голоса, какъ говоритъ уважаемая газета, а 432 и не „забаллотированъ съ величайшимъ позоромъ“, а, напротивъ, какъ видятъ читатели, вышелъ изъ борьбы съ величайшимъ торжествомъ. Ни на минуту не сомнѣваемся, что „Ежедневное Ура“ впало въ эту пустячную ошибку совершенно случайно и, быть-можетъ, уже исправляетъ ее въ ту минуту, какъ мы это пишемъ“.

* * *

„Послѣдняя гололедица, надѣлавшая не мало бѣдъ въ городѣ, вызвала появленіе на свѣтъ массы проектовъ, изъ которыхъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ проектъ „Самой Распространенной“, предлагающей замѣнить деревянные столбы чугунными. Основательность этой удачной мысли, пришедшей нашимъ коллегамъ изъ „Самой Распространенной“, не нуждается въ доказательствахъ. Чугунные столбы, дѣйствительно, какъ извѣстно, не подвергаются гніенію. Даже если поставлены директорами телефонныхъ компаній, подъ наблюденіемъ членовъ городской управы“.

* * *

„Нашъ почтенный коллега, г. Чертополоховъ, изъ газеты „Громъ и Молнія“, вчера благополучно возвратился изъ своего кругосвѣтнаго путешествія“.

* * *

„Во вчерашнемъ номерѣ уважаемой газеты „Въ Участокъ“ помѣщенъ очень дѣльный отзывъ объ исполненіи на сценѣ нашего театра оперы „Гугеноты“. Статья, видимо, принадлежитъ перу очень компетентнаго музыканта, и въ ней сдѣлано очень много мѣткихъ замѣчаній относительно отступленій отъ партитуры. Къ сожалѣнію, мы должны, однако, замѣтить, что въ вечеръ, о которомъ говоритъ почтенная газета, шли не „Гугеноты“, а „Норма“, такъ что отступленія отъ партитуры „Гугенотъ“ въ этотъ вечеръ являются вполнѣ извинительными“.

Затѣмъ слѣдовала моя подпись.

— Милліонъ чертей и одна вѣдьма!—воскликнулъ редакторъ, пробѣгая мою рукопись и сверкая глазами.

— Что? Вы находите, что слишкомъ рѣзко?—испуганно спросилъ я.

— Милліонъ чертей и одна вѣдьма! — повторилъ онъ.—И вы думаете, что мои читатели удовольствуются такой мякиной, такой простоквашей? О, чортъ возьми, вы напоминаете мнѣ человѣка, который хочетъ кровожадныхъ тигровъ накормить манной кашей! Вы можете писать, — это безспорно. Но вамъ нужно дать тонъ. Ступайте, ваша статья будетъ напечатана съ исправленіями. Прочитайте—и вы поймете, какъ надо писать. До свиданья!

И онъ продолжалъ потрошить живого человѣка.

На слѣдующій день я съ трепетомъ развернулъ газету.

Злобы дня.

За моей полной подписью шли слѣдующіе строки:

„Высоко держа знамя печати, мы начинаемъ нашъ обзоръ съ обличенія новой плутни той банды мошенниковъ, которая называется на ихъ воровскомъ жаргонѣ редакціей (???) „Ежедневнаго Ура".

„На этой мятой бумагѣ напечатано, будто нашъ достопочтеннѣйшій, нашъ многоглубокоуважаемый кандидатъ Ужицынъ получилъ на вчерашнихъ выборахъ только 2 шара, тогда какъ читателямъ „Тромбона" извѣстно, что онъ получилъ не 2, а 432 шара.

„— Куда же дѣвались остальные 430?

„Читателю рисуется уже страшная картина.

„Ихъ раскрали сотрудники „Ежедневнаго Ура".

„Къ урнѣ г. Ужицына, переполненной избирательными шарами, на цыпочкахъ подкрадываются „лѣтиратары" (?) „Ежедневнаго Ура" и, пока городскіе служащіе по обыкновенію зѣваютъ, спѣшатъ нагрузить свои дырявые карманы избирательными шарами и бѣгутъ на Толкучку продавать общественное добро за безцѣнокъ.

„Въ урнѣ остаются только два шара, которыхъ не могли заграбастать эти шарлатаны своими отмороженными пальцами

„Вотъ картина, которая рисуется нашему читателю.

„Но успокойтесь, дорогой читатель! Все это могло бы имѣть мѣсто, если бы „лѣтѣратаравъ" (?) „Ежедневнаго Ура" допускали въ залъ выборовъ.

„Къ счастію, городское управленіе предусмотрѣло такой случай и сдѣлало распоряженіе при первомъ появленіи „лѣтѣратара“ (?) изъ „Ежедневнаго Ура“ немедленно отправлять его въ полицію.

„Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ такое мѣропріятіе городского управленія къ очищенію города отъ мусора“.

* * *

„Гололедица, случившаяся въ нашемъ городѣ, испортила не одни только телефонные столбы, но и людей, — конечно, если можно считать таковыми тѣхъ недоносковъ, которые взяты изъ Воспитательнаго Дома редакціей (?) „Самой Распространенной“.

„Вчера мы прочли въ этой газетѣ (ха-ха-ха!) поистинѣ идіотскій проектъ замѣны деревянныхъ столбовъ чугунными.

„Ха-ха-ха!

„Намъ кажется, что еще удачнѣе было бы предложить замѣнить столбы сотрудниками (ха!) этой почтенной (ха-ха!) газеты (ха-ха-ха!).

„Серьезно. Если ихъ хорошенько обтесать, изъ нихъ вышли бы недурные дубовые столбы.

„Что же касается до вопроса о томъ, способенъ ли чугунъ къ гніенію, — то мы рекомендуемъ почтеннымъ (?!) сотрудникамъ газеты (?!) „Самой Распространенной“ обратить вниманіе на ихъ собственныя головы.

„Вѣдь можетъ же въ ихъ чугунныхъ башкахъ быть такая гниль и труха, которую они въ простотѣ сердечной называютъ „мозгами“ (ха-ха-ха!)“.

* * *

„Вчера выпущенъ изъ тюрьмы „литераторъ“ Чертополоховъ, что на языкѣ „Грома и Молніи“ называется

„вернуться изъ кругосвѣтнаго плаванія“. Сограждане, берегите ваши серебряныя ложки!“

* * *

„Капельдинеръ, пишущій рецензіи для газеты „Въ участокъ!“, вчера снова былъ пьянъ и потому принялъ „Норму“ за „Гугеноты“.

„Можете судить, что эта вышла за рецензія!

„А неграмотный редакторъ, печатающій все, что придетъ въ голову пьяному капельдинеру, ничтоже сумняшеся, напечаталъ всю эту чепуху.

„Откровенно говоря, когда дуракъ-разносчикъ подалъ намъ эту газетишку, мы пришли въ ужасъ:

— „Боже, и это печатное слово!“

Слѣдовала моя подпись.

Читая, я падалъ четыре раза въ обморокъ.

— Вы будете имѣть успѣхъ!—сказалъ г. редакторъ.

Я купилъ себѣ два револьвера.

Статья, дѣйствительно, произвела потрясающій эффектъ. Эффектъ бомбы, лопнувшей въ стеклянной лавкѣ!

На слѣдующее утро я былъ разбуженъ воплями и рыданіями моей жены.

— Посмотри, что пишутъ про тебя и про меня хотя бы въ одномъ „Ежедневномъ Ура“!!!

Вниманію прокурорскаго надзора.

„Шайка воровъ, грабителей, лжесвидѣтелей и конокрадовъ, пріютившаяся въ „Южномъ Тромбонѣ“, увеличилась вчера еще однимъ вполнѣ достойнымъ ея экземпляромъ, г. такимъ-то. Г. такой-то, видимо, об-

любовалъ для своихъ уголовныхъ похожденій нашъ городъ и думаетъ прочно здѣсь поселиться, что мы видимъ хотя бы изъ того, что онъ привезъ сюда и свою жену (?), отставную шансонетную пѣвицу, выгнанную за кривобокость и дурное поведеніе изъ всѣхъ кафешантановъ. Г. такой-то увѣряетъ, будто онъ пріѣхалъ только съ цѣлью оклеветать всѣхъ наиболѣе уважаемыхъ гражданъ нашего города, но мы полагаемъ, что у него таятся и другія мысли, — почище! Какія, — мы узнаемъ это на судѣ, конечно, если прокурорскій надзоръ своевременно не приметъ мѣръ противъ этого субъекта, что онъ *обязанъ* сдѣлать на точномъ основаніи ст. 45, пункта 5, ст. 89,114, 3-го примѣчанія къ статьѣ 239 „устава о пресѣченіи и предупрежденіи преступленій“ (изд. 1886 года, по продолженію 1887, см. кассаціонное рѣшеніе сената по дѣлу Иванова съ Петровой о незаконномъ сожительствѣ № 14983). Мы слишкомъ уважаемъ себя, чтобы даже говорить о подобномъ субъектѣ, но для интересующихся все-таки сообщимъ вкратцѣ, что онъ судился: за побѣгъ съ каторги, убійство родной тещи, совращеніе въ скопчество, 7 кражъ и вытравленіе плода. Лицъ, интересующихся болѣе подробной біографіей этого „литератора“, отсылаемъ къ „справкамъ о судимости“

Другія газеты выражались обо мнѣ въ подобномъ же духѣ, а газета „Въ участокъ!“ замѣчала кратко и меланхолически:

„Вчера въ газетѣ „Южный Тромбонъ“ появился новый сотрудникъ г. такой-то. Число кражъ въ городѣ замѣтно увеличилось“.

Я кинулся въ редакцію какъ сумасшедшій.

— Вы имѣете успѣхъ!—сказалъ мнѣ г. редакторъ.— Васъ замѣтили!

Долженъ ли я добавлять, что всѣ лица, съ которыми я успѣлъ познакомиться, отворачивались или переходили на другую сторону при встрѣчѣ съ мной. А какая-то баба даже завыла, схватившись за карманы, когда я къ ней приблизился.

— Батюшки, зарѣжетъ!

Чтобы сразу прекратить всякіе толки о моей персонѣ, я на слѣдующій же день напечаталъ въ „Южномъ Тромбонѣ" всѣ документы относительно своей личности: метрическое свидѣтельство, указъ объ отставкѣ, брачное свидѣтельство, постановленіе объ освобожденіи отъ воинской повинности, институтскій дипломъ моей жены

И на третій день, въ 9 часовъ утра, имѣлъ удовольствіе прочитать въ „Ежедневномъ Ура":

„Вновь появившійся „литераторъ", именующій себя г. такимъ-то, началъ свою „дѣятельность": вчера имъ были напечатаны документы, принадлежавшіе лицу, убитому въ 1887-мъ году въ Харьковѣ".

А въ 11 часовъ меня потребовали въ участокъ.

Околоточный надзиратель встрѣтилъ меня очень любезно, но все-таки убралъ со стола золотой портсигаръ.

— Скажите, пожалуйста, что вы можете сказать по поводу молодой дѣвушки?

— По поводу какой молодой дѣвушки?

— А вы не читали сегодня газеты „Въ участокъ!"?

Я чувствовалъ, что краснѣю подъ пристальнымъ взглядомъ г. околоточнаго надзирателя, и изъ пятаго въ десятое прочелъ отчеркнутую синимъ карандашомъ замѣтку.

Въ ней сообщалось о найденномъ въ окрестностяхъ города трупѣ зарѣзанной молодой дѣвушки, и замѣтка заканчивалась таинственными словами: „Не потрудится ли, по этому поводу, г. „литераторъ“ такой-то объяснить намъ, гдѣ онъ провелъ вчера время отъ пяти до семи съ половиной пополудни?“

— Что вы можете сказать въ свое оправданіе?— спросилъ г. околоточный надзиратель, впиваясь въ меня глазами.

— Но я... Помилуйте! Зачѣмъ я стану рѣзать молодую дѣвушку! Я терпѣть не могу молодыхъ дѣвушекъ! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я женился на молодой дѣвушкѣ...

Я чувствовалъ, что путаюсь.

— Н-да?.. Но вы покраснѣли?! Къ тому же ваше прошлое...

— Клевета, а не прошлое! Мои документы...

— Да, но они подложные! По крайней мѣрѣ такъ пишутъ въ газетахъ. Извините, мы не можемъ не обратить на это вниманія. Конечно, пока вы останетесь на свободѣ. Законъ пока безсиленъ, съ сожалѣнію, противъ васъ. Но вы потрудитесь все-таки передать намъ ваши документы и подвергнуться антропометрическому изслѣдованію.

— Да клянусь вамъ...

— Это дѣлается для вашего же удобства: лучшій способъ установить, рецидивистъ вы или нѣтъ. Кстати,— внезапно спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ мое лицо, — вы никогда не назывались докторомъ Покровскимъ?!

Я не могъ не покраснѣть до корней волосъ.

— Идите въ антропометрическое бюро!

Это было ужъ слишкомъ! Когда я съ измѣреннымъ носомъ, ухомъ и большимъ пальцемъ возвратился домой, меня встрѣтила рыдающая жена:

— Петя! Зачѣмъ ты это сдѣлалъ.

— Что?!

— Петя! Не запирайся хоть передъ мной. Петя, я была у адвоката, онъ мнѣ сказалъ, что въ твоемъ положеніи самое лучшее пойти и чистосердечно сознаться. Тебѣ смягчатъ тамъ что-то. Петя, пойди и сознайся!

— Да что, въ чемъ?

— Петя, хоть теперь, когда я знаю твое прошлое! Петя, зачѣмъ ты мнѣ раньше не сказалъ, что ты имѣешь эту ужасную наклонность рѣзать людей. Я такъ тебя любила, Петя! Я поняла бы и простила... Ахъ, Петя, зачѣмъ ты зарѣзалъ?

— Да кого?

— Этого нищаго старика, про котораго пишутъ въ „Громъ и Молніи".

Я схватился за голову.

— Но ты не отчаивайся, Петя! Я пригласила психіатра, онъ скоро будетъ. Адвокатъ говоритъ, что если тебя найдутъ сумасшедшимъ...

— Матушка!!!

Къ вечеру у меня разлилась желчь, я исколотилъ психіатра, спалъ въ горячечной рубашкѣ, а утромъ проснулся потому, что плачъ и вой наполняли всю квартиру.

— Дѣтей выгнали изъ гимназіи! — объявила жена, блѣдная, какъ полотно — На, читай!

„Ежедневное Ура" подъ заголовкомъ „Преступникъ въ рукахъ правосудія" писала, что ихъ „предположенія сбылись", что вчера было произведено антропометрическое изслѣдованіе „литератора" такого-то, чѣмъ

и установлена „его полная идентичность съ извѣстнымъ разбойникомъ Чуркинымъ, когда-то наводившимъ ужасъ на Москву“.

„Преступленія продолжаютъ раскрываться“, и въ заключеніе газета сочувственно добавляла:

„Намъ болѣе всего жаль, конечно, незаконнорожденныхъ дѣтей несчастнаго. Куда дѣнутся теперь эти несчастные, къ тому же больные, покрытые коростой, которой они могутъ перезаразить всѣхъ своихъ товарищей. Вниманію милосердныхъ людей“.

Прилагался мой адресъ.

„Самая Распространенная“ дѣлала такое же воззваніе къ сердобольнымъ людямъ, сообщая о сумасшествіи „нашего пріѣзжаго коллеги“.

А газета „Въ участокъ!“ писала обо мнѣ въ двухъ рубрикахъ подъ заголовками „Буйство литератора“ и „Брошенныя дѣти“.

Во всѣхъ газетахъ возлагались надежды „на нашихъ добрыхъ, всегда отзывчивыхъ, согражданъ“, и онѣ не ошиблись въ своихъ надеждахъ.

Съ 10 часовъ начали поступать пожертвованія.

Какая-то старушка принесла шаль, какая-то молодая дѣвушка для моихъ 12-и 10-лѣтнихъ сыновей распашонки, заготовленныя для новорожденнаго, какая-то вдова фунтъ сахара, кофейную мельницу и рубль „для вѣчнаго поминовенія за упокой раба Божія Ивана“...

А въ 11 я шелъ въ редакцію.

Шелъ, потому что ни одинъ извозчикъ не хотѣлъ меня везти.

Долженъ ли я описывать это путешествіе по улицамъ города, когда оно уже описано Флоберомъ въ его романѣ „Саламбо“. Прочтите эти необыкновенныя стра-

ницы о томъ, какъ рабъ шелъ по улицамъ Карѳагана, побиваемый камнями.

Извозчики при моемъ приближеніи настегивали лошадей, конки перепрягали своихъ клячъ и ѣхали назадъ, испуганно трубя. Прохожіе съ визгомъ кидались въ окна, разбивая стекла. Какая-то женщина отъ испуга на тротуарѣ разрѣшилась мертвымъ младенцемъ. А дѣти падали на колѣни и кричали:

— Дяденька, не бейте!

Довольно.

— Я прекращаю сотрудничество!—сказалъ я голосомъ настолько твердымъ, насколько могъ.

Если бы громъ прогремѣлъ въ его собственномъ карманѣ, г. редакторъ былъ бы изумленъ менѣе.

— Какъ?! Въ то время, какъ вы имѣете такой небывалый успѣхъ, какого у насъ не имѣлъ еще никто? Когда вы стали самымъ моднымъ журналистомъ? Когда о васъ только и говоритъ весь городъ?

— Пусть чортъ возьметъ и городъ, и моду, и славу, и ваши газеты! Баста! Довольно! Мнѣ очень нравится ваша система такой горячей борьбы, но, — чортъ возьми,—я къ этому не приспособленъ. Я пріѣхалъ сюда для здоровья, а облысѣлъ въ одну ночь.

Когда я такимъ же порядкомъ, среди воплей, стоновъ, слезъ, рыданій и криковъ отчаянія бѣгущей отъ меня толпы, вернулся домой, я не засталъ ни жены ни дѣтей.

Вмѣсто нихъ была только записка:

„Я покидаю тебя, потому что не могу жить съ сумасшедшимъ убійцей. Я дѣлаю это ради нашихъ дѣтей. Дѣти сумасшедшаго! Ихъ я помѣщу въ сумасшедшій домъ, а сама уйду въ монастырь“.

Два дня мнѣ потребовалось, чтобъ прошли тѣ шишки, которыхъ я себѣ надѣлалъ, колотясь головой объ стѣны и объ полъ.

И въ теченіе этихъ двухъ дней я имѣлъ удовольствіе читать, какъ всѣ газеты въ одинъ голосъ извѣщали публику, что:

Единственный талантливый журналистъ, украшавшій страницы „Тромбона", г. такой-то, вышелъ изъ состава этой бездарной редакціи".

И выражали увѣренность, что:

„Теперь „Тромбонъ", разумѣется, покончитъ свое существованіе".

На что радакторъ „Тромбона", очевидно, чтобъ выйти изъ неловкаго положенія, отвѣчалъ, что г. такой-то вовсе не думалъ „выходить" изъ состава редакціи, а что, напротивъ, редакція выгнала его „за неспособность, малограмотность, ложь, пасквилянство и предосудительные поступки".

„Такъ что съ уходомъ такого сотрудника редакція „Тромбона" не только ничего не теряетъ, но еще и много выигрываетъ".

Я ужъ не возражалъ.

Нужно ли разсказывать конецъ?

Когда я вернулся на сѣверъ, меня вышвырнули изъ всѣхъ редакцій, въ которыя я обращался:

— Мы и не знали, что вы за птица! Спасибо, южная пресса раскрыла.

Я умеръ на улицѣ съ голоду.

Этотъ посмертный разсказъ посвящается мною вновь возникшему „Союзу русскихъ писателей".

Двадцатый вѣкъ.

Двадцатый вѣкъ.

— Господина редактора!!!

— Пожалуйте въ кабинетъ!

Господинъ съ разъяренным лицомъ влетаетъ въ кабинетъ.

— Вы г. редакторъ?

Сидящій за столомъ мужчина молча наклоняетъ голову.

— Въ вашей газетѣ напечатана про меня гадость, клевета, гнусность. Вы смѣете утверждать, будто я совершилъ мошенничество, когда я сдѣлалъ только подлогъ!

Сидящій за столомъ молча наклоняетъ голову.

— Ага! Вамъ нечего сказать! Вы молчите. Но я не позволю, милсдаръ, позорить мое доброе имя! Я никогда мошенникомъ не былъ. Я честный человѣкъ, милсдаръ: меня даже по суду шесть разъ оправдали по обвиненію въ кражѣ!

Сидящій за столомъ молча наклоняетъ голову.

— Нечего кивать головой. Вы потрудитесь напечатать въ завтрашнемъ номерѣ вашей газеты извиненіе передо мной. Вы публично покаетесь, что смѣли назвать меня мошенникомъ, когда я совершилъ только подлогъ. Иначе...

Въ то время, какъ сердитый господинъ такъ раз говариваетъ съ посаженнымъ за столомъ манекеномъ г. редактора, самъ г. редакторъ спрашиваетъ у управляющаго:

— Ну, какъ мой новый автоматъ, сдѣланный г. Молинари?

— Похожъ изумительно. Отлично кланяется. Всѣ принимаютъ его за васъ. Еще и сейчасъ съ нимъ объясняется какой-то господинъ.

— Старый, работы Эдвардса, былъ великолѣпенъ. Но этотъ каналья Симоновъ влѣпилъ ему въ голову шестнадцать пуль. Надѣюсь, что новый манекенъ представителенъ?

— О, какъ нельзя болѣе. Очень солидная фигура. Внутри часовой механизмъ,—онъ чрезвычайно важно наклоняетъ голову каждыя двѣ минуты. Въ общемъ онъ возбуждаетъ величайшее почтенiе въ гг. посѣтителяхъ.

— Великолѣпно. Когда подумаешь, что въ XIX вѣкѣ гг. редакторы объяснялись со всей этой шушерой лично! Ха-ха-ха! Кто сегодня дежурный боксеръ!

— Иванъ.

— А сколько явилось молодыхъ поэтовъ со своими стихами?

— Шестнадцать.

— Пусть дастъ имъ всѣмъ боксомъ, а рукописи съ поэмами, по обыкновенiю, отправитъ на нашу писчебумажную фабрику для превращенiя въ бумажную массу. Слава Богу, благодаря изобилiю молодыхъ поэтовъ, мы избавлены отъ расхода на покупку тряпокъ для нашей писчебумажной фабрики.

Г. редакторъ переходитъ въ „спиритическую комнату“ редакцiи.

— Какъ дѣла?

— Только что вызывалъ духъ Цицерона. Ничего не отвѣчаетъ. Должно-быть, занятъ съ другой редакціей.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, врете вы или на самомъ дѣлѣ тамъ что-нибудь существуетъ. Это меня не касается. Но на завтра въ номерѣ непремѣнно должно быть новое стихотвореніе Пушкина, продолженіе поэмы Лермонтова, легкій фельетонъ Гоголя и нѣсколько остротъ Вольтера. Можете написать все это сами или при помощи вашихъ молодыхъ поэтовъ. Но эти имена должны быть у насъ въ газетѣ. Мы обѣщали ихъ сотрудничество.

— А не поинтервьюировать ли Наполеона: что онъ чувствуетъ, когда на сценѣ нашего театра играютъ „Magame Sans-Gêne".

— Это идея. Но я надѣюсь, что вашъ Наполеонъ будетъ такъ любезенъ, что хорошенько отдѣлаетъ актрису, играющую королеву. Она была недостаточно любезна со мной.

Г. редакторъ переходитъ въ редакцію.

— Что новенькаго, г. завѣдующій иностранной политикой?

— Пока ничего: ни по телеграфу, ни по телефону, ни съ голубиной почтой. Мы ждемъ прилета аэростата. Быть-можетъ, онъ принесетъ какія-нибудь новости.

— Когда нѣтъ новостей, ихъ надо выдумывать. Самыя интересныя политическія новости, это всегда тѣ, которыя выдумываются. Вы помните этотъ огромный успѣхъ, который имѣло наше извѣстіе о бѣшенствѣ Гладстона-внука.

— Да, но потомъ пришлось опровергнуть.

— Ничего не значитъ. Публикѣ это доставило только удовольствіе. Всѣ сказали: „И слава Богу, что этого не случилось“. Всѣ очень любятъ этого государственнаго человѣка. А что сегодня у нашихъ конкурентовъ?

— Описаніе революціи въ Испаніи, которой не было.

— Ничего не значитъ. Публика съ интересомъ будетъ читать подробности. Однако, эта скверная газетка начинаетъ итти въ гору. Попросите ко мнѣ г. завѣдующаго полемикой.

— Здравствуйте, г. редакторъ.

— Что вы сдѣлали въ смыслѣ полемики съ нашимъ конкурентомъ?

— О, великолѣпная штука, г. редакторъ. Останутся довольны. Я нашелъ въ Крыжополѣ однофамильца ихъ редактора, извѣстнаго вора Тоже Иванъ Ивановичъ Ивановъ. Сегодня онъ пріѣзжаетъ въ Одессу и завтра совершаетъ первую кражу. Публика будетъ читать напечатанныя крупнымъ шрифтомъ замѣтки о кражахъ, которыя совершаетъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, и будетъ думать на редактора враждебной намъ газеты.

— Я васъ понялъ. Это отличный полемическій пріемъ. Но зачѣмъ же откладывать первую кражу на завтра? Никогда не должно откладывать на завтра то, что можно сдѣлать сегодня. Пусть украдетъ что-нибудь сегодня же. Даже въ нашей редакціи. Это будетъ эффектнѣе. А вы пока составьте хорошенькую замѣтку: „До чего дошелъ нашъ почтенный Иванъ Ивановичъ Ивановъ!“ Поставьте двадцать восклица-

тельныхъ знаковъ. Это пикантнѣе. Публика любитъ восклицательные знаки, какъ спаржу.

— Слушаю, г. редакторъ.

— Но этого мало. Ихъ фельетонистъ „Хамелеонъ“ имѣетъ успѣхъ. Позвать ко мнѣ нашего г. Бреттера!

— Я къ вашимъ услугамъ, г. редакторъ!

— Вы должны принять мѣры противъ г. Хамелеона.

— Я ужъ подумалъ объ этомъ, г. редакторъ. Сегодня въ театрѣ я наступлю ему на ногу, самъ сдѣлаю скандалъ, вызову на дуэль. Пистолеты. Двадцать шаговъ. Но, говорятъ, онъ самъ попадаетъ въ бубноваго туза. Вдругъ...

— Это не должно васъ особенно пугать. Въ случаѣ неблагопріятнаго для васъ исхода редакція имѣетъ уже три предложенія на ваше мѣсто отъ молодыхъ людей, одинаково владѣющихъ пистолетомъ и шпагой. Жалованье, платье отъ лучшаго портного, расходы на первые рестораны и ничего не дѣлать. Что можетъ быть лучше для человѣка, отъ котораго ничего не требуютъ, кромѣ эффектной внѣшности и умѣнья стрѣлять. Но попросите ко мнѣ г. корректора.

— Г. редакторъ...

— Я вами недоволенъ, г. корректоръ. Сегодня въ номерѣ ни одной опечатки. Вы могли бы вставить передъ фамиліей гласнаго Х. слово „дуракъ“. Это произвело бы сенсацію, а на завтра мы объяснили бы все опечаткой и недосмотромъ корректора. Пожалуйста, чтобъ въ номерѣ всегда были ошибки.

— Будутъ, г. редакторъ!

— Гдѣ г. хроникеръ?

— Здѣсь, г. редакторъ.

— Я вами тоже недоволенъ. Въ описаніяхъ дамскихъ туалетовъ на скачкахъ вы позабыли упомянуть, что г-жа Y. была ужъ въ третій разъ въ одномъ и томъ же платьѣ. Вы могли бы добавить: „Какъ не стыдно“, и выразить сомнѣніе, ужъ идутъ ли достаточно хорошо торговыя дѣла хлѣбной конторы ея мужа. Коммерческій міръ это любитъ.

— Да, но мужья и такъ собираются, г. редакторъ, переломать мнѣ ребра за описанія дамскихъ туалетовъ. Дамы нашего города прямо посходили съ ума и тратятъ послѣднія деньги на туалеты, лишь бы попасть въ газету.

— Тѣмъ лучше. А вы... Вы можете носить подъ пиджакомъ кольчугу. Кстати, съ кѣмъ вы теперь наиболѣе близки?

— Съ закройщицей отъ m-me Аннетъ.

— Бросьте и начните ухаживать за мастерицей отъ m-me Жозефинъ. Тамъ теперъ получены новыя парижскія модели. Надо описать, потому что держится въ секретѣ. А нашъ модный романистъ! Чѣмъ вы готовитесь насъ подарить?

— У меня теперь четыре романа съ дамами изъ общества. Я опишу ихъ со всѣми подробностями... Вы понимаете?

— Отлично. Вашъ романъ съ артисткой Z не заинтересовалъ публику. Ее и такъ всѣ знаютъ. Подробности никому не были новы. А романъ-хроника, который вы даете ежедневно?

— Подвигается впередъ. Мой красивый молодой человѣкъ каждый день имѣетъ успѣхъ и потому мнѣ разсказываетъ все. Сегодня онъ отправился объясняться въ любви къ г-жѣ W.

— Только еще объясняться въ любви!!! За ней ухаживаетъ Троглотиторъ изъ конкурирующей съ нами газеты! Онъ будетъ имѣть успѣхъ раньше, — и мы будемъ имѣть удовольствіе прочитать о ней всѣ подробности у конкурентовъ...

— Но что жъ дѣлать?!

— Пустяки! Вы говорите о добродѣтели, какъ будто мы все еще живемъ въ XIX вѣкѣ! Просто вашъ молодой человѣкъ никуда не годится, онъ слишкомъ медлитъ.

— Это скоро кончится, онъ, кажется, не на шутку увлекся г-жой М., а такъ какъ мнѣ для романа нужно отправить ее въ Кишиневъ, то онъ, вѣроятно, застрѣлится.

— Посовѣтуйте ему. Это будетъ эффектнымъ финаломъ для романа. Ничто такъ не читается, какъ романы изъ дѣйствительной жизни. Все, что можно было выдумать въ этой области, уже выдумано. Гдѣ г. завѣдующій морскимъ отдѣломъ?

— Что прикажете, г. редакторъ?

— Давно не было никакихъ катастрофъ, г. завѣдующій! Вы заставляете публику скучать.

— Я принялъ соотвѣтствующія мѣры, г. редакторъ. Вчера перепоилъ всѣхъ помощниковъ капитана парохода, ушедшаго въ Севастополь. И съ собой имъ далъ мастики. Мнѣ кажется, что столкновеніе неизбѣжно случится Съ минуты на минуту жду телеграммы изъ Тарханкута.

— Отлично. Публика это любитъ. Ну, а вы г. репортеръ,—вы приготовили намъ на завтра что-нибудь интересное?

— Двоихъ уговорилъ покончить самоубійствомъ, одного убѣдилъ, что понятіе о собственности есть пред-

разсудокъ, и онъ, навѣрное, сегодня украдетъ. Познакомилъ бухгалтера банка съ шансонетной пѣвицей. Навѣрное, растратитъ.

— Это все мелочи. Неужели вы не могли приготовить что-нибудь покрупнѣе? Это въ XIX вѣкѣ репортеры сообщали о томъ, что уже произошло. Въ двадцатомъ — интересныя происшествія надо создавать.

— У меня есть на примѣтѣ убійство жены изъ ревности.

— А, вотъ это я понимаю. Ревность въ двадцатомъ вѣкѣ—очень рѣдкое чувство.

— Будущій преступникъ уже здѣсь. Я не спускаю его съ глазъ, чтобы не передумалъ. Теперь онъ доведенъ до бѣлаго каленія и читаетъ въ сосѣдней комнатѣ „Отелло".

— Пожалуйста, не давайте ему читать эту глупую комедію до конца. Ему станетъ жаль Дездемоны...

— Развѣ я не понимаю, г. редакторъ! У меня конецъ этой, какъ вы изволили выразиться, комедіи вырванъ и напечатанъ другой. Я самъ написалъ: Дездемона оказывается, дѣйствительно, виновной. На ревнивыхъ мужей это производитъ впечатлѣніе каленаго желѣза. Да вамъ не угодно ли видѣть его самого, г. редакторъ?

Въ редакцію входитъ господинъ съ блѣднымъ, какъ полотно, лицомъ, безумными глазами и волосами, прилипшими къ мокрому лбу.

— Г Петровъ. Несчастный мужъ, котораго недостойно обманываетъ его жена! — рекомендуетъ г. репортеръ.

— Мы слышали о вашемъ несчастіи! — съ сочувствіемъ говоритъ г. редакторъ, — наши репортеры со-

брали самыя достовѣрныя свѣдѣнія. Ваша жена васъ, дѣйствительно, обманываетъ!

— О, не говорите мнѣ объ этомъ чудовищѣ. Я ее убью...

— Это хорошо. Прочтите „Le bête humaine“ Золя,— еще въ прошломъ вѣкѣ было извѣстно, что видъ крови успокоиваетъ человѣка.

— О, я ее задушу, какъ собаку!

— Это, конечно, недурно. Похоже на „Отелло“. Но теперь этой пьесы не понимаютъ. Почему бы вамъ ее не застрѣлить. Нѣсколько пуль въ голову, а потомъ, если хотите, можете застрѣлиться и сами. Это еще лучше! Хотя, конечно, не обязательно. Можете быть спокойны, редакція позаботится о вашей защитѣ При редакціи имѣется опытный адвокатъ. Кромѣ того, все время, пока вы будете содержаться въ тюрьмѣ, вы будете ежедневно получать обѣдъ изъ „Сѣверной“ гостиницы па счетъ редакціи и нашу газету, изъ которой вы узнаете всю вашу біографію. Уговоръ одинъ: не опровергать, если прочтете въ нашей газетѣ, что вы родомъ португалецъ и уже зарѣзали двадцать человѣкъ. Это только придастъ вамъ интереса.

— Хорошо! Я застрѣлю эту негодницу. Идемъ!

— Выдать г. Петрову изъ арсенала редакціи шестиствольный револьверъ и зарядить его на всѣ заряды. Желаемъ вамъ успѣха, г. Петровъ. Вы благородный человѣкъ и настоящее исключеніе среди мужей двадцатаго вѣка Еще разъ—полнѣйшаго успѣха. Цѣльте немножко ниже, потому что револьверъ всегда при выстрѣлѣ отдаетъ слегка вверхъ. До свиданія, г. Петровъ. Г. репортеръ, слѣдуйте за г. Петровымъ.

— Это заинтересуетъ завтра читателей,—замѣчаетъ г. редакторъ, — а теперь займемся театромъ и отдѣломъ справочныхъ свѣдѣній. Гдѣ г. музыкальный рецензентъ?

— Что угодно, г. редакторъ?

— Вы заняты?

— Да, я слушаю по телефону оперу, которую поютъ теперь въ Нью-Йоркѣ. Великолѣпный составъ.

— Обругайте по этому случаю нашу оперу, съ указаніемъ, какъ идутъ оперы въ Нью-Йоркѣ. А г. драматическій рецензентъ?

— Я здѣсь, г. редакторъ.

— Вами я рѣшительно недоволенъ. Вы разбираете игру въ то время, какъ надо разбирать сложеніе артистокъ. Вотъ что интересуетъ публику! Можете выразить нѣсколько предположеній относительно темперамента каждой. А про Русскій театръ напишите, что тамъ кирпичи съ потолка падаютъ. Они смѣютъ печатать афиши въ типографіи нашихъ конкурентовъ.

— Я хотѣлъ просто обругать опереточную труппу.

— Это ничему не поможетъ. Кто въ двадцатомъ вѣкѣ вѣритъ газетнымъ рецензіямъ? Тогда какъ еще вопросъ, — кто пойдетъ, зная, что съ потолка, того и гляди, рухнетъ на голову кирпичъ.

— Отлично, г. редакторъ.

— Кафешантаннымъ рецензентомъ я вполнѣ доволенъ. Это очень умно, что онъ выдумалъ писать въ рецензіяхъ, какое вино пьетъ каждая изъ шансонетныхъ пѣвицъ и какія блюда она предпочитаетъ. Это облегчаетъ публику. Теперь справочный отдѣлъ...

— Я, кажется, г. редакторъ, всегда сообщаю самыя вѣрныя свѣдѣнія.

— Это-то и глупо! Вѣрныя цѣны коммерческій міръ знаетъ и безъ васъ. А вы напишите на завтра, что въ Одессу привезено 2 милліона пудовъ пшеницы, и цѣна упадетъ до 6 копеекъ за пудъ. Это произведетъ сенсацію. Газету будутъ брать нарасхватъ! Все. Завтра у насъ будетъ, кажется, интересный номеръ.

Г. редакторъ переходитъ въ контору.

— Сколько разошлось?

— 472,529 экземпляровъ.

— Послать сломать ночью машину у конкурентовъ и объявить, что съ послѣзавтра газета будетъ, въ виду лѣтняго времени, для удобства гг. подписчиковъ печататься на бумагѣ „смерть мухамъ“. Не надо забывать, что мы живемъ въ двадцатомъ вѣкѣ, чортъ возьми!

Поэтесса.

Поэтесса.

(РАЗСКАЗЪ ОДНОГО КРИТИКА.)

— Къ вамъ г. Пулеметовъ.

Пулеметовъ! Пулеметовъ! Гдѣ я слышалъ эту фамилію?

— Просятъ принять ихъ на одну минуту. Говорятъ, что по очень важному дѣлу.

— Хорошо. Проси.

Влетѣлъ господинъ. Въ немъ было что-то виляющее. На лицѣ было написано:

— Не убій!

Онъ схватилъ меня обѣими руками за руку.

— Ради Бога, простите, что отнимаю у васъ время.. Не задержу, не задержу!.. Очень, очень радъ познакомиться. Давно хотѣлось. Всегда съ такимъ удовольствіемъ... Мы ваши ужасные поклонники. Въ особенности, жена! прямо влюблена. Утромъ, знаете, какъ только проснется, еще въ постели, первымъ долгомъ: „гдѣ онъ?“... Это про васъ, а не про что-нибудь другое

— Очень, очень благодаренъ. Очень лестно...

Г. Пулеметовъ захихикалъ.

— Вы знаете, я ужъ даже ее ревную къ вамъ. Ей Богу!

— Очень вамъ благодаренъ. Чѣмъ могу?

Г. Пулеметовъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза съ любовью.

— Простите за нескромный вопросъ! Вы женаты?

— Н-нѣтъ.

— А дѣти у васъ... Ахъ, виноватъ! Что я!.. впрочемъ, я надѣюсь, что вы съ вашей фантазіей! Вы сумѣете войти въ положеніе беременной женщины!

— Постараюсь. Въ чемъ дѣло?

Г. Пулеметовъ посмотрѣлъ на меня съ мольбой:

— Вы получили сегодня стихотворенія моей жены?

— Ахъ, да, да, да! Какъ же, какъ же! Получилъ книжку, получилъ! Вотъ, вотъ! Очень благодаренъ!

Г. Пулеметовъ посмотрѣлъ на меня съ тревожной мольбой:

— Вы не успѣли ихъ еще прочитать?

— Всего два часа тому назадъ!

— Прочтите!

Мнѣ показалось, что у него на глазахъ выступили слезы.

— Вы мнѣ позволите сказать все, откровенно, какъ на духу! Я васъ не задержу! Я вамъ скажу, какъ родному отцу! Моя жена беременна и выпустила стихи!

Г. Пулеметовъ схватился за голову:

— Вы понимаете, это будетъ нашъ первенецъ! Богъ дастъ мальчика, Богъ дастъ дѣвочку. Но это будетъ первенецъ. Мы восемь лѣтъ женаты — и у насъ не было дѣтей! Первенецъ! Первенецъ! Дайте мнѣ воды! Я напьюсь! Вы извините меня, что я такъ волнуюсь!

— Сдѣлайте одолженіе! Сдѣлайте одолженіе!

Я далъ воды. Г. Пулеметовъ выпилъ, стуча зубами о стаканъ.

— Благодарю васъ. Она такая слабая. Докторъ говоритъ: „Малѣйшее волненіе...“ А она выпустила стихи. Первый неблагопріятный отзывъ, — и она сброситъ!

— Какъ сброситъ?

— Младенца сброситъ! Не донесетъ и сброситъ! Ради Бога! Когда будете писать, имѣйте это въ виду. Она сброситъ!

— Д-да... Дѣло, знаете, серьезное.

— Ужасное дѣло!

— Знаете... Я лучше... Я лучше остерегусь... Я лучше совсѣмъ ничего писать не буду!

Г. Пулеметовъ вскочилъ, какъ будто подъ него подложили горячій уголь.

— Ради Самого Бога!!! Да вы ее убьете! Она только вашего отзыва и ждетъ! Она говоритъ: „Мнѣ рѣшительно все равно, что другіе напишутъ! Мнѣ важно только, что онъ!“ Это про васъ! Сегодня нѣтъ отзыва, завтра нѣтъ отзыва, послѣзавтра нѣтъ отзыва, — она умретъ! Скажетъ: „Значитъ, я дрянь! Мои стихи дрянь! Обо мнѣ даже слова сказать нельзя!“ Она умретъ! Докторъ говоритъ: „Малѣйшее, малѣйшее волненіе“... Ради Бога! Не ради себя прошу, даже не ради нея! Ради ребенка! Не погубите ребенка!

— Извольте... извольте... Хорошо... хорошо... Постараюсь... Такой случай...

— Благодарю васъ! Отъ всего сердца благодарю васъ. Когда?

— Н-не знаю... какъ-нибудь на-дняхъ...

— Не откладывайте! Ради ребенка! Не откладывайте! Сегодня еще ничего, а завтра ужъ она начнетъ волноваться: „Ахъ, онъ обо мнѣ ничего не сказалъ! Онъ обо мнѣ ничего не сказалъ! И не скажетъ!

Книжка не понравилась!“ А докторъ говоритъ: „Малѣйшее волненіе...“ Она отъ ожиданія сброситъ! Нельзя ли на завтра?

— Право, не знаю...

— Вѣдь жизнь человѣческая! Дорогой! Жизнь человѣческая! Если бы вы ее видѣли, она такая слабая. Послѣдніе, послѣдніе дни! Вы понимаете, въ это время...

— Хорошо, напишу! На завтра!

— Дорогой! Благодарю васъ! Позвольте васъ поцѣловать! Вы меня извините, что я плачу! Когда будете писать, помните о ребенкѣ! Помните о ребенкѣ! Больше ни о чемъ не прошу, помните о ребенкѣ!

Онъ вымочилъ мнѣ лицо слезами, исколол ъ бородой и ушелъ.

Впрочемъ, онъ еще разъ вернулся, сложилъ молитвенно руки, сказалъ мнѣ съ порога:

— О ребенкѣ! Только о ребенкѣ!

Всхлипнулъ — и исчезъ.

Собственно говоря... чортъ знаетъ, что такое...

Гнусно, однако, заниматься чѣмъ бы то ни было, когда въ рукахъ держишь человѣческую жизнь!

— Иванъ! Завтракать я сегодня не буду. Можешь самъ все съѣсть. У меня дѣло! Не принимать никого. Чорта, дьявола, — никого! Понялъ? Отецъ родной придетъ изъ гроба, — и того не принимать! Занятъ очень важнымъ дѣломъ. Въ домѣ не стучать и не кашлять.

Я взялъ книжку г-жи Пулеметовой.

Въ ней было 762 стихотворенія.

Черезъ четыре стиха я сидѣлъ за письменнымъ столомъ.

— „Родная литература“...

Ловко ли — „родная“.

„Родная“... „роды“... Дама въ этакомъ положеніи. Пожалуй, увидитъ намекъ.

Скажетъ:

— Откуда знаетъ?

Догадается, что мужъ приходилъ просить, разсказалъ. И сброситъ.

Зачѣмъ „родная“? Просто „русская“

— „Русская литература обогатилась новымъ вкладомъ“.

Зачѣмъ вкладомъ? Не надо вкладомъ! Просто книгой.

— „... новой хорошей книгой“.

Хорошей? А не повредитъ это младенцу: просто „хорошей“.

Слабо! обидится и сброситъ!

— ... „новой замѣчательной книгой“.

„Замѣчательной“. Гмъ... слово-то такое! Его теперь иронически стали употреблять. И выдумали, чортъ ихъ возьми, эту иронію. Всѣ слова перепортили!

Какъ ребенокъ приметъ это слово?

Просто, вмѣсто „замѣчательной“, поставлю „превосходной“. „Превосходной“ — младенцу не повредитъ.

— ... „новой превосходной книгой“...

„Новой“? Значитъ, и до нея были превосходныя книги? Значитъ, превосходныхъ книгъ много?

Не надо „новой“. Просто:

— Обогатилась превосходной книгой нашей талантливой поэтессы...

Нашей „высокоталантливой поэтессы“.

Замаслить, замаслить младенца.

Младенцу этого хорошо.

— „Мѣстами отсутствіе риѳмы“...

Мнѣ показалось, что въ углу запищалъ мертвый ребенокъ.

— „Всюду блестящая риѳма"...

Младенецъ пересталъ пищать.

— „Изумительная по красотѣ форма, глубокое содержаніе"...

Это для родильницы хорошо.

У меня начинались галлюцинаціи. Мнѣ казалось, что я не пишу, а дѣлаю труднѣйшую операцію. Я боялся дотрогиваться до бумаги. Вдругъ сейчасъ изъ бумаги побѣжитъ младенческая кровь.

Что-то застонало сзади меня

По комнатѣ прошелъ Никита изъ „Власти тьмы" и проговорилъ:

— Захрустѣли косточки-то... захрустѣли...

Потомъ появился на креслѣ Иродъ, засмѣялся и исчезъ.

Вокругъ меня лежали младенцы.

Я боялся пошевелиться. Пошевелюсь — и всѣхъ передавлю.

— „Со временъ Пушкина, Лермонтова мы не встрѣчали такихъ стиховъ".

Сбрасываетъ! Сбрасываетъ!

— „Со временъ Алексѣя Толстого, Некрасова".

А не обидится она, что я Некрасова съ ней сравниваю? Женщина въ такомъ положеніи.

Вонъ Некрасова!

— „Байрона, Альфреда де-Мюссе...

— „Событіе въ русской литературѣ"...

— „Чудный даръ"...

— „Привѣтствуемъ".

— „Дай Богъ, чтобъ и впредь!.."

Эту ночь я не спалъ. Я лежалъ въ холодномъ поту. Зубы у меня стучали.

Возьметъ корректоръ да вмѣсто „чудный“ и поставитъ „нудный“.

И сброситъ!

Я молился, когда мнѣ подали газету, и сказалъ:

— Иванъ! Разверни мнѣ газету, — я не могу!

Во всѣхъ газетахъ, до одной, безъ исключенія, были огромныя статьи о сборникѣ стихотвореній г-жи Пулеметовой.

Всѣ писали восторженныя статьи!

Одинъ сравнивалъ ея сонеты съ сонетами Петрарки. Другой писалъ, что небо глядится въ ея стихи и всю природу заставляетъ въ нихъ глядѣться. Третій восклицалъ:

— „Не вѣрится, чтобъ это была женщина! Вотъ была бы жена для Пушкина!“

Вчера я встрѣтилъ г. Пулеметова въ театрѣ.

Онъ летѣлъ сіяющій. Полосатенькія брючки на немъ весело играли. Сюртукъ сверкалъ шелковыми отворотами.

Онъ меня замѣтилъ:

— А! Почтеннѣйшій! Очень радъ васъ видѣть! Все не удосужился какъ-то зайти васъ поблагодарить! Очень, очень мило написано.

Онъ ласково кивалъ мнѣ головой.

— Ну, а дома у васъ? — заикнулся я.

У г. Пулеметова сдѣлалось удивленное лицо.

— Что дома? Какъ дома? Дома ничего!

— Супруга ваша, кажется, была...

— Ахъ, это!

Г. Пулеметовъ махнулъ рукой.

— Прошло. Совсѣмъ прошло!

— То-есть... виноватъ... какъ собственно...

— Вообразите, оказалось, что все на нервной почвѣ! Нервная беременность. Это бываетъ. Теперь, знаете, эпидемія какая-то. Всѣ дамы нервно беременны! Оказалось пустяками! Фальшивая тревога, фальшивая тревога! — успокоивалъ онъ меня.

— Я радъ, однако, что критика нашла въ женѣ такой талантъ. Вы читали? Во всѣхъ газетахъ! Восторженнѣйшіе отзывы! И, главное, на другой же день! Сегодня книга вышла, а на завтра же всѣ газеты привѣтствовали! Что-то небывалое! Словно сговорились! Идетъ книга! Удивительно! На-дняхъ второе изданіе. Это жену очень поддержало, придало ей силъ. Эти пожеланія, эти настоянія критики продолжать, продолжать. Жена теперь пишетъ пьесу. Вотъ посмотрите! Въ этотъ сезонъ не успѣетъ, конечно. Но мѣсяцевъ черезъ девять такъ, черезъ десять...

Пари, что къ первому представленію г-жа Пулеметова опять забеременѣетъ?

ЗА ДЕНЬ.

За день.

Вчера я получилъ странную книгу.

Форматъ — трехугольный.

Въ ней 36 страницъ, изъ которыхъ 30 — пустыя.

Сначала я думалъ, что это какая-нибудь книжка для записи бѣлья, отдаваемаго прачкѣ, но, перелиставъ, увидалъ, что въ ней тамъ-сямъ разбросаны литературныя произведенія.

Она издана на необыкновенно толстой китайской бумагѣ, вѣроятно, очень дорогой; вмѣсто брошюровки связана желтыми шелковыми шнурами и насквозь продушена какими-то чрезвычайно крѣпкими, чрезвычайно сладкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противными духами.

Вы можете, сколько вамъ угодно, мыть руки,—отъ этихъ духовъ не отмоетесь.

Разъ вы дотронулись до книги — все погибло.

Чего бы вы ни коснулись рукой,—все пахнетъ этими чрезвычайно сильными, сладкими и противными духами.

Ваше платье, вашъ письменный столъ, ваши бумаги.

Книга носитъ названіе:

ЧЕТВЕРТЬ НАМЕКА.

(Литература будущаго.)

На оборотѣ ея напечатано:

„Издано въ количествѣ 36 экземпляровъ, изъ нихъ 25 разсылаются истиннымъ знатокамъ и любителямъ поэзіи. Остальные 11 поступаютъ въ продажу. Цѣна книгѣ теперь 1.000 рублей. Черезъ 10 лѣтъ она будетъ стоить 50 копеекъ, потому что такова будетъ вся литература“.

Такъ какъ не у всякаго можетъ найтись въ данную минуту свободная тысяча рублей, чтобъ купить эту книгу, я позволяю себѣ ее перепечатать.

ЧЕТВЕРТЬ НАМЕКА.

(Литература будущаго.)

Предисловіе.

Многоуважаемый читатель! Совсѣмъ не уважаемый читатель! Дорогой читатель или, быть-можетъ, просто каналья-читатель! Почему я знаю, кто ты, читающій меня въ эту минуту, далекій, неизвѣстный, загадочный сфинксъ?!

Въ этой книгѣ нѣтъ словъ,—она написана звуками. Изъ тридцати шести страницъ только на шести кое-что напечатано, — и ты скажешь:

— Пустая книга!

Ты глупъ. Ты ѣдешь очаровательной, чудной дорогой. Куда ни погляди, — дивные виды. Сначала ты смотришь съ удовольствіемъ, съ увлеченіемъ, съ вос-

торгомъ. Потомъ утомляешься. Не глядишь. Не замѣчаешь самыхъ красивыхъ видовъ. Ты пресыщенъ ими. Ты объѣлся ими. И ты, равнодушный, проходишь, не замѣчая, мимо самыхъ красивыхъ пейзажей, какъ мимо великолѣпнаго окорока ветчины послѣ сытнаго обѣда. Тьфу!

Но ты ѣдешь по Сахарѣ. Пустыня, пустыня, пустыня. Не на чемъ остановить глаза. И вдругъ...

И вдругъ на пескѣ лежитъ бантикъ. Голубенькій бантикъ среди пустыни! Какъ онъ попалъ сюда? Кто бъ это могъ быть? Когда? Откуда? Зачѣмъ?

И твое воображеніе рисуетъ тебѣ рядъ картинъ. Молодая дѣвушка... Ее похитили бедуины... Она боролась... Она сопротивлялась... Ее увлекли въ пустыню... Безумный бѣгъ коней... Разметавшіеся волосы дѣвушки, которую держатъ поперекъ сѣдла... Бантикъ, вырванный вѣтромъ изъ волосъ...

И, быть-можетъ, въ эту, въ эту самую минуту темно-бронзовый бедуинъ, въ бѣломъ тюрбанѣ, сверкая зубами, наклоняется къ блѣдной, бѣлокурой дѣвушкѣ, полуживой, которая лежитъ, разметавшись, подъ пальмой. Онъ касается ея блѣдныхъ губъ своими черными, запекшимися, сухими, огненными губами... Бррр!..

Какъ работаетъ твоя фантазія! Ты уже художникъ, ты поэтъ! Ты рисуешь въ своемъ воображеніи, ты сочиняешь, ты творишь!

Настоящая книга сдѣлаетъ тебя, тебя самого, художникомъ, поэтомъ!

Съ книгами вѣдь то же. Ты читаешь первую, вторую, третью страницу съ интересомъ, съ увлеченіемъ, смакуешь. Затѣмъ ты объѣлся книгой, объѣлся мыслями, объѣлся словами. И равнодушно, едва замѣчая, про-

ходишь мимо лучшихъ, быть-можетъ, мыслей, не замѣчаешь удачнѣйшихъ выраженій.

Нѣтъ, проголодайся, перелистывая пустыя страницы, и пусть твоя наголодавшаяся фантазія нарисуетъ тебѣ цѣлую картину по обрывку слова, который ты встрѣтишь.

Дразнить и не утолять голода — вотъ лучшій способъ доставить наслажденье.

Не требуй ничего реальнаго. Даже слова. Слово уже реально.

Только звуки. Ничего, кромѣ звуковъ... Ничего!

Цѣль писателя-художника—создать картину, вызвать настроеніе. Мы достигаемъ этого, не прибѣгая къ словамъ. Одними звуками!

I.

Осенній дождь въ усадьбѣ.

(Элегическая поэма.)

Капъ... Капъ... Капъ... Капъ, капъ, дррр. Капъ, капъ, фррр. Капъ, капъ, мррр... Капъ, капъ, капъ... Капъ, капъ, тюкъ, капъ, капъ, такъ. Капъ, капъ, тюкъ. Брррр... Капъ... Капъ... Капъ, капъ, капъ, капъ, капъ, капъ...

Примѣчаніе. Возьмите это произведеніе и прочтите его вслухъ, вечеромъ, одинъ въ комнатѣ. Прочтите разъ, два раза, десять разъ, тридцать, сорокъ, сто разъ. И вамъ станетъ такъ скучно, скучно... Вамъ представится усадьба, затерянная среди темныхъ и мокрыхъ полей. Осень. Вечеръ. Вы одни. Мелкій осенній дождь барабанитъ въ окно. И у васъ даже явится мысль:

— Чортъ его знаетъ, не застрѣлиться ли?

Какой изъ до сихъ поръ извѣстныхъ, великихъ художниковъ слова достигалъ такихъ результатовъ и производилъ такое впечатлѣніе? А?

Особенно хорошо читать эту элегію ввосьмеромъ. Вы садитесь вокругъ чайнаго стола и начинаете повторять:

— Капъ, капъ, дррр...

И вотъ, спустя часъ, вы начинаете чувствовать, дѣйствительно, невыносимую тяжесть. Словно вы въ имѣніи, въ усадьбѣ. Заперты вмѣстѣ. А кругомъ мороситъ и дребезжитъ по окнамъ мелкій осенній дождь. И вы начнете съ ненавистью смотрѣть другъ на друга. Словно вы адски надоѣли другъ другу. Каждому изъ васъ дѣлаются противны физіономіи другихъ. У васъ вдругъ явится желаніе схватить полоскательницу и бросить ее въ лицо сосѣдки, захочется кусаться, драться, ругать всѣхъ. Тутъ можно чтеніе этого стихотворенія и прекратить.

II.

Ударъ грома при совершенно ясномъ небѣ.

(Весеннее стихотвореніе въ прозѣ.)

Брудррарахъ-тахъ-тахъ!

Примѣчаніе. Стихотвореніе это читается мужчинами. Желая прочитать въ обществѣ это стихотвореніе, вы одѣваетесь во все черное, дѣлаете печальное лицо и идете въ гости. Тамъ вы говорите хозяйкѣ дома, что у васъ невыносимо болятъ зубы, и садитесь въ самый уголъ гостиной. Вы сидите весь вечеръ, молча, отнюдь не принимая участія въ разговорахъ,—

такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ забываютъ даже о вашемъ существованіи на свѣтѣ. И вотъ, когда наступаетъ пауза въ разговорѣ, — минута общаго молчанія, тишина,— вы вдругъ срываетесь съ мѣста, дѣлаете шагъ впередъ и изо всѣхъ силъ кричите:

— Брудрррарахъ-тахъ-тахъ!

Благодаря чрезвычайно удачному подбору согласныхъ, это восклицаніе ваше производитъ совершенно такое же впечатлѣніе, какъ ударъ грома среди совершенно яснаго неба. Иллюзія полная. Сидящіе на низенькихъ пуфахъ падаютъ на полъ. Дамы лишаются чувствъ. Кто-то разбиваетъ вазу. У многихъ вылетаютъ чашки изъ рукъ. Всѣ блѣдны, всѣ испуганы.

Тогда вы, конечно, смѣясь, объясняете, въ чемъ дѣло. И хозяйка благодаритъ васъ за доставленное, не совсѣмъ обыкновенное, удовольствіе.

NB. Слѣдуетъ остерегаться читать это стихотвореніе при дамахъ, находящихся въ интересномъ положеніи. А впрочемъ, ничего! Пусть ихъ!

III.

Тайна.

(Нѣчто загробное.)

Никто никому никогда ни про что ничего нигдѣ и никакъ.

Примѣчаніе. Читать эту поэму слѣдуетъ въ полночь. Гасятъ огни, всѣ присутствующіе садятся въ кружокъ, берутся за руки и упорно молчатъ. Вы гробовымъ голосомъ произносите съ разстановкой:

— Никто... никому... ни про что... ничего... никогда... нигдѣ... и... ни... какъ...

Впечатлѣніе угнетающее. Чудится присутствіе какой-то тайны. Дамы просятъ, чтобъ поскорѣй зажгли огонь. Когда зажигаютъ, многіе увѣряютъ, что видѣли даже, какъ по комнатѣ „что-то мелькнуло".

Таково содержаніе этой странной книги.

Мнѣ прислали ее со слѣдующимъ письмомъ:

„М. г.! Вы прочтете и скажете:

„— Декадентство!

„Теперь всѣ смѣются надъ декадентствомъ. Вонъ театральное общество даже маскарадъ устраиваетъ 3-го февраля въ Маріинскомъ театрѣ и будетъ издѣваться надъ декадентами. Пусть!

„Но все же побѣдимъ мы! Мы! Какъ вы презрительно зовете:

„— Декаденты!

„Во-первыхъ, это не декадентство, а импрессіонизмъ. Желаніе вызвать впечатлѣніе—и только. И посмотрите вы на литературу, на живопись, на скульптуру,—развѣ не къ тому же идетъ? Да! Да! Да! Эта книга, которая теперь является такой рѣдкостью, черезъ 10 лѣтъ какихъ-нибудь будетъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Другихъ книгъ и не будетъ. Вся литература будетъ только такая.

„Смѣйтесь, — мы, все-таки, побѣдимъ!"

Неясныя времена.

Неясныя времена.

(ДВА РОМАНА.)

Къ читателю. Прилагаемыя произведенія представляютъ собою два отрывка изъ двухъ романовъ. Первый — изъ аристократической жизни — принадлежитъ перу „постояннаго читателя газетъ“, мѣщанина Сидорова, и написанъ имъ, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, „на основаніи догадокъ, толковъ и наблюденій надъ свершающимися фактами общественной жизни“. Другой романъ, рисующій деревенскую жизнь, принадлежитъ перу графини Зизи Загорѣцкой. Въ предисловіи, написанномъ голубыми чернилами на японской бумагѣ, говорится, что „романъ этотъ, представляющій точную фотографію современной крестьянской жизни, направленъ ко благу отечества и написанъ на основаніи личныхъ лѣтнихъ наблюденій, разсказовъ одного бывшаго штабъ-ротмистра, а нынѣ земскаго начальника, а также постояннаго чтенія журнала „Гражданинъ“. Оба эти отрывка войдутъ со временемъ въ нашъ колоссальный, необъятный по размѣрамъ трудъ, который будетъ носить названіе:

„Какъ русскіе понимаютъ другъ друга“.

I.

Въ аристократическихъ сливкахъ.

(РОМАНЪ МѢЩАНИНА СИДОРОВА.)

Въ 12 часовъ дня въ роскошныхъ покояхъ графа Закулды-Закулдайскаго сидѣли гости, ѣли ломтями ананасы и пили большими стаканами шампанское.

— Господа, — воскликнулъ, поднимаясь съ мѣста, графъ Егозинъ,—позвольте провозгласить тостъ! За скорѣйшее возобновленіе крѣпостного права!

— Ура!—дружно грянули всѣ присутствующіе и полѣзли чокаться съ графомъ.

— Да, любезнѣйшій графъ,—сказалъ князь Болтай-Болдаревскій, — конечно, въ возобновленіи крѣпостного права единственный путь къ спасенію Россіи. Но не слѣдуетъ забывать о другой, весьма важной реформѣ, которая должна сопутствовать. О введеніи всеобщаго, повсемѣстнаго и ежечаснаго драпья. Лоза! Лоза,—говорю я,—вотъ орудіе. Отъ розги произрастетъ то древо жизни, которое покроетъ тѣнью благополучія родную Русь!

— Ура! — крикнули было присутствующіе, но ихъ остановилъ князь Тугоуховскій-младшій

— Да! Но не разучился ли нашъ распущенный народъ пороться? Не потерялъ ли онъ привычки?

— Не потерялъ!—съ живостью воскликнулъ графъ Егозинъ.—Не потерялъ! Напротивъ, народъ только и жаждетъ, чтобъ его пороли! Со мной былъ случай...

— Неужели васъ?—съ испугомъ воскликнула княжна Кики.

— Не меня, а я! — внушительно отпарировалъ графъ. — Гощу я въ деревнѣ и куда ни пойду, мужикъ за мной, погорѣлецъ. У меня въ деревнѣ, надо вамъ сказать, березовый лѣсъ чудный. Ходитъ за мной и канючитъ: „березки бы мнѣ, ваше сіясь!“ Не могу я въ толкъ взять: чего ему отъ меня нужно? Но вдругъ меня словно осѣнило. „Эврика!“ Завелъ я его въ лѣсъ, разложилъ и всыпалъ. И что жъ вы думаете?—успокоился! Всталъ, почесался, сказалъ: „здорово“. Самъ призналъ, что ему это здорово. И побѣжалъ стремглавъ подѣлиться радостью съ семействомъ. Съ тѣхъ поръ онъ больше не нищенствовалъ. А къ высшимъ преисполнился такого благоговѣнія, что, какъ завидитъ меня издали, бросается бѣжать сломя голову другихъ о моемъ приближеніи оповѣщать!

— Да, но земство! Земство! — воскликнулъ баронъ Гамбринусъ.—Земство—вотъ наша язва. Земство, которое ходатайствуетъ объ окончательномъ упраздненіи порки!..

— Какое это земство? — съ удивленіемъ спросила княжна Мими.

— А вотъ, которое о дорогахъ заботится. Дороги строитъ.

— Ахъ, это! — разсмѣялась княжна. — Его надо упразднить. Кузенъ Поль отлично говоритъ. Вы знаете,—онъ „вице“. У него ужъ и проектъ готовъ. Земскія собранія разгонятъ при помощи пожарныхъ!

— Какъ такъ пожарныхъ? — заинтересовалось все общество и даже перестало пить шампанское.

— А такъ! Какъ соберутся земскіе въ собраніе, окружить домъ пожарными и пустить воду изъ бранд-

сбоевъ въ собраніе. И разгонять не надо,—сами разбѣгутся.

— Но кто жъ тогда съ дорогами будетъ возиться?—наивно спросила баронесса Нини. — Такое непріятное дѣло!

— Поль говоритъ: „мы“. У него и на это проектъ готовъ. Онъ „вице“, но когда его сдѣлаютъ „самимъ“, онъ говоритъ: „Прикажу, чтобъ крестьяне не смѣли въ городъ ѣздить. Чего имъ тамъ дѣлать? Пусть дома сидятъ и землю пашутъ. Вотъ и не нужно будетъ никакихъ дорогъ“. Просто, хорошо и экономія.

— Все это такъ, — меланхолически воскликнулъ князь Рѣповъ-Морковскій,—все это такъ! Но у насъ есть ближе врагъ, котораго надо упразднить. Судъ присяжныхъ такъ называемый! Судъ, гдѣ говорятъ людямъ: „убей мать твою, и отца твоего, и дѣтей твоихъ, и мужа твоего, и всѣхъ ближнихъ твоихъ — и приходи къ намъ, оправдаемъ!“ Судъ, гдѣ проповѣдуютъ: „Убей!“ „Укради!“ „Прелюбодѣйствуй!“ Вотъ язва! Вотъ что надо упразднить прежде всего.

— Да! Упразднить! И, кромѣ того, пересмотрѣть уложеніе! Теперь его пересматриваютъ, но развѣ это пересмотръ? — воскликнулъ графъ Забодай-Бодаевскій.—Пересмотрѣть и, вмѣсто всякаго суда, ввести просто смертную казнь. Вѣшать просто и вѣшать за ребро!

— За ребро! Это очень стильно,—за ребро! — протянула графиня Додо и вытянула свои ножки въ ажурныхъ чулочкахъ.

— Да, но прежде всего надо упразднить школы,—писклившымъ голосомъ воскликнулъ юный графчикъ Подскребышъ-Закатальскій,—школы упразднить!

— Какія?

— Всякія!

— Я не понимаю даже,—воскликнула, пожавъ плечами, баронесса Лили,—зачѣмъ грамота, когда нечего читать? Что можетъ мужикъ прочесть въ нашихъ такъ называемыхъ толстыхъ журналахъ? Я поняла бы еще, если бъ мужиковъ учили французской грамотѣ. Тамъ хоть есть литература!

— Ça viendra! — успокоилъ ее на самомъ лучшемъ французскомъ языкѣ Тугоуховскій-младшій и, обратившись къ сидѣвшему тутъ же монакскому посланнику, шутливо спросилъ его:

— Ты что же сидишь, какъ кикимора? Что скажетъ Европа, если ввести такія реформы для русскаго народа?

— Русскій народъ — свинь! — улыбнулся тотъ. — Еуропъ нишево кафарить не будетъ. Сэки, дюша мой, здѣлай твае одолженые!

Всѣ разсмѣялись, бодро допили шампанское и поѣхали всей компаніей къ Палкину, гдѣ и спросили двухрублевый обѣдъ.

II.

Простонародье.

(РОМАНЪ КНЯЖНЫ ЗИЗИ ЗАГОРѢЦКОЙ).

Было 11 часовъ утра. Только что вставшій пьяный мужикъ Никита Бегемотовъ билъ свою жену Анисью и говорилъ странныя и непонятныя слова.

Многострадальная пьяница-женщина послѣ двадцать второго удара спросила:

— За что жъ ты меня бьешь?

— Кого люблю, того и бью!—отшутился Никита.— Пошла отряпать! Сейчасъ къ намъ придутъ гости. Ты что нынче готовишь-то?

— Курицу съ рисомъ!—отвѣтила Анисья.

— Самый лучшій способъ, какъ дешевле всего приготовить курицу, такой: взять у сосѣда потихоньку курицу, ощипать ее живою и положить въ самоваръ. И чай „скуснѣе", и курица уварится.

Въ это самое время въ избу вошелъ мужикъ Акимъ.

Войдя, онъ, конечно, не перекрестился, потому что у Никиты, который учился въ земской школѣ, образовъ въ избѣ не было, а въ такъ называемомъ переднемъ углу висѣлъ портретъ Фердинанда Лассаля.

Вошедшій Акимъ и Никита ударили, по грубости нравовъ, другъ друга по уху, мѣряя силу, обругались самыми ужасными словами, и между ними произошелъ слѣдующій шутливый разговоръ:

— Водку пьешь?

— Пью.

— Въ трактиръ ходишь?

— Хожу.

— Подати платишь?

— Замололъ! *)

Всѣ расхохотались, и Акимъ съ Никитой, въ ожиданіи завтрака, выпили ведро водки и пошли развлекаться жестокимъ обращеніемъ съ животными.

*) Разговоръ записанъ съ буквальной точностью со словъ кузена Вово, отлично знающаго деревню.

Они вырвали ногу бѣгавшей курицѣ, завязали узломъ хвостъ коровѣ, выломали четыре особенно выдававшихся ребра у бѣдной, старой лошади и повѣсили за заднія ноги собаку, привязавъ къ ея мордѣ за хвостъ кошку, такъ что весь дворъ наполнился адскимъ ревомъ, и они не слыхали, какъ подъѣхалъ уѣздный земскій начальникъ взыскивать подати.

Акимъ и Никита немедля убили уѣзднаго земскаго начальника, спрятали трупъ въ солому и пошли завтракать.

— Подкрѣпимъ свои силы, — сказалъ Никита, — а потомъ составимъ прошеніе, что мы голодающіе, и поѣдемъ къ сосѣднему помѣщику рубить его лѣсъ!

— Отлично!—смѣясь, сказалъ Акимъ.—Но какъ же мы поѣдемъ назадъ въ темнотѣ? Это далеко!

— А мы подожжемъ его усадьбу!—захохоталъ Никита.

— Ура!—воскликнулъ Акимъ и сталъ пить водку.

Такъ живетъ русскій народъ!!!

Съ подлиннымъ вѣрно.

Лѣченіе земляникой, клубникой, садовой красной смородиной.

Лѣченіе земляникой, клубникой, садовой красной смородиной.

(Письма въ редакцію.)

I.

М. г., г. редакторъ!

Съ удовольствіемъ прочитавъ въ вашей уважаемой газетѣ нѣсколько случаевъ излѣченія земляникой, прошу принять и отъ меня случай, имѣющій, какъ мнѣ кажется, очень важное общественное значеніе. Въ прошломъ году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, я нечаянно, въ не трезвомъ видѣ, упалъ и сломалъ себѣ руку. Такъ какъ время было земляничное, то я и ѣлъ все время землянику. И что же? Благодаря земляникѣ, сломанная рука не замедлила срастись! Свидѣтелями этому могутъ быть всѣ мои домашніе. Всѣ они подъ какой угодно присягой не откажутъ подтвердить, что рука у меня дѣйствительно, срослась и что я ѣлъ землянику. Конечно, въ это время были призываемы и доктора, которые накладывали мнѣ гипсовыя повязки, бинтовали руки въ лубки и дѣлали тому подобное. Но я приписываю исцѣленіе, конечно, отнюдь не ихъ искусству, а доселѣ мало извѣстнымъ и оцѣненнымъ свойствамъ означенной земляники. Съ тѣхъ поръ, уважаемый

г редакторъ, я пью не иначе, какъ крюшонъ, и кладу въ него всегда землянику. И что же? Болѣе я не падаю и рукъ себѣ не ломаю. Такъ что землянике слѣдуетъ приписать еще и удивительное предупреждающее отъ заболѣванiй значенiе. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы лѣчиться указаннымъ мною способомъ, спѣшу сообщить, что на каждую сломанную руку слѣдуетъ съѣдать по три фунта земляники въ день. Въ интересахъ ознакомленiя съ народной медициной, было бы крайне интересно познакомиться съ дѣйствiемъ другой русской ягоды—клубники. Было бы крайне важно, чтобы кто-нибудь сломалъ себѣ ногу и попробовалъ ѣсть послѣ этого клубнику. Не отзовется ли кто-нибудь?

Примите и проч. *Кузьма Кириллов*.

II.

Уважаемый редакторъ (съ сожалѣнiемъ употребляю это нѣмецкое слово)!

Всегда съ удовольствiемъ читаю вашу газету и отъ души радъ, что упраздняете нѣмецкую медицину при помощи простыхъ, народныхъ средствъ. Позвольте вамъ передать вкратцѣ замѣчательный случай, бывшiй лично со мной. Какъ у меня отъ земляники выросла нога *). Въ прошломъ году въ это самое время былъ я на китайской войнѣ и принималъ дѣятельное участiе въ осадѣ посольствъ. Тамъ я былъ раненъ бомбою въ ногу навылетъ, и доктора отняли мнѣ вышеозна-

*) Редакцiя оставляетъ этотъ случай всецѣло на отвѣтственности корреспондента.

ченную ногу начисто, такъ что образовалось совершенно гладкое мѣсто, какъ бы зеркало. Время было земляничное. Я принялся ѣсть эти сочныя ягоды, — и что же? Черезъ три дня на вышеуказанномъ гладкомъ мѣстѣ у меня, къ общему удивленію, выросъ ноготь. Далѣе, болѣе, — изъ ногтя образовался палецъ, Я все продолжалъ ѣсть землянику и смотрѣлъ, что изъ этого будетъ. Палецъ постепенно превратился въ цѣлую ногу, пышно расцвѣлъ и покрылся пальцами. Нога росла не переставая, и чѣмъ больше я ѣлъ земляники, тѣмъ больше росла нога. Такъ что я, въ концѣ-концовъ, предался ужасу. Но тутъ подоспѣло малинное время. Я началъ ѣсть малину, отчего дальнѣйшій ростъ ноги прекратился. А кто бы сталъ сомнѣваться во всемъ вышеизложенномъ, того я попрошу пожаловать ко мнѣ на квартиру, гдѣ осматривать мою ногу могутъ всѣ желающіе. Таково изумительное дѣйствіе простой, русской земляники.

Крѣпко жму вашу руку. Моя нога вамъ кланяется.

Варсонофій Ноздревъ,

будущій членъ „Русскаго собранія".

III.

Многоуважаемый г. редакторъ! Вы такъ много занимаетесь вопросами о средней школѣ и о земляникѣ, что позвольте вамъ предложить проектъ. Почему бы не ввести въ реформированной средней школѣ землянику? Объ удивительномъ вліяніи этой ягоды на психологическій міръ ребенка позвольте мнѣ разсказать вамъ слѣдующій случай, бывшій съ моимъ собствен

нымъ сыномъ Петромъ. Собственный сынъ мой Петръ трехъ лѣтъ отроду, съ шестимѣсячнаго возраста отличался удивительной наклонностью брать и ѣсть безъ спроса все съѣстное: баранки, сухари, приготовленное для котлетъ сырое мясо, конфеты и проч. Не особенно давно онъ даже съѣлъ (безъ особаго вреда для здоровья) катышки, приготовленные для отравленія крысъ. Такъ что мы прозвали сына Петра „маленькимъ страусомъ". Но вотъ недѣли двѣ тому назадъ—время было земляничное!—жена моя приготовила для варенья шесть фунтовъ спѣлой, необыкновенно сочной земляники, по 12 копеекъ за фунтъ. Земляника была положена въ рѣшето, и не успѣлъ никто досмотрѣть, какъ сынъ мой Петръ, по прозванію „маленькій страусъ", подобрался къ шести фунтамъ земляники и съѣлъ ихъ всѣ. И что же? Послѣ этого малютка заболѣлъ. Случай этотъ такъ повліялъ на сына моего Петра, что онъ болѣе никогда ни до чего положеннаго съѣстного безъ спроса не дотрогивается! О такомъ удивительномъ случаѣ моральнаго воздѣйствія земляники на юношество считаю долгомъ до свѣдѣнія вашего, а васъ прошу довести до свѣдѣнія читателей вашей уважаемой газеты.

Примите и проч. *Елпидифоръ Курицынъ.*

IV.

Милостивый государь и уважаемый г. редакторъ!

Теперь очень много пишутъ о цѣлебныхъ свойствахъ земляники. Позвольте же мнѣ разсказать вамъ, какъ я, единственно благодаря землянпкѣ, былъ спасенъ отъ смерти. Да, истинно могу сказать, этой удивительной ягодѣ я обязанъ тѣмъ, что нынѣ живу, а не нахожусь въ мрачныхъ обителяхъ Тартара, какъ гово-

рили древніе. Было это ровно 42 года тому назадъ, когда о цѣлебныхъ свойствахъ земляники еще и въ поминѣ не было, а всѣ смотрѣли на нее, какъ на ягоду наслажденія.

Человѣкъ я въ тѣ времена былъ молодой и красивый, а потому и былъ въ бѣломъ коломенковомъ костюмѣ. Время было земляничное. Былъ я большой ходокъ по части уязвленія дамскихъ сердецъ, а потому и поѣхали мы всей компаніей кататься на лодкѣ по рѣкѣ Фундуклеевкѣ. Взяли мы, какъ сейчасъ помню, балыку, колбасы копченой, колбасы вареной, а сардинокъ тогда еще не было. Конечно, хлѣба. Я же, для большаго успѣха въ уязвленіи сердецъ, взялъ столь любимой дамами земляники. Пришли мы на берегъ Фундуклеевки и расположились, какъ теперь называютъ, пикникомъ. Все съѣли и выпили, и я, придя въ радостное настроеніе, началъ прыгать и, то садясь на землю, то съ нея вскакивая, дѣлать разные курбеты для уязвленія дамскихъ сердецъ. Такъ какъ человѣкъ я былъ веселый и очень остроумный, то мною всѣ были очень довольны, и никто не упускалъ смѣяться. Долго ли такъ продолжалось, теперь я не припомню. Но только внезапно раздался рѣзкій крикъ, и всеобщая веселость приняла размѣры, свойственные скорѣе богамъ Олимпа, чѣмъ смертнымъ жителямъ земли. Оказалось, что я, садясь на землю для курбета, сѣлъ какъ разъ на приготовленную мною для дамскаго пола землянику. О дѣйствіи сего на мои коломенковыя панталоны предоставляю вамъ судить, любезный читатель!

Но юность безпечна,—многіе думали, что я сдѣлалъ это нарочно, по свойственному мнѣ остроумію. Но я

огорчился и, не будучи въ такомъ видѣ въ состояніи принимать участіе въ утѣхахъ съ пріятными предметами, послѣ такого пассажа съ горестью въ душѣ ушелъ домой.

И что же? Они, т.-е. вся компанія, поѣхали кататься въ лодкѣ, перевернулись и утонули. А я, какъ отсутствующій, не утонулъ. Съ тѣхъ поръ я безъ слезъ не могу видѣть земляники. И когда подаютъ къ столу мою спасительницу,—я плачу и говорю:

– Истинно велика это ягода, если я донынѣ, благодаря ей, живу на свѣтѣ

Прошу огласить этотъ поразительный случай спасенія отъ смерти земляникой въ вашей почтенной газетѣ...

Съ отмѣннымъ къ вамъ, милостивому государю, почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ, милостиваго государя, слугою отставной секундъ-майоръ

Ростаковскій.

V.

М. г., г. редакторъ!

Въ настоящее время, когда на очереди, такъ сказать, земляника и ей отводится такъ много мѣста въ нашей уважаемой печати, позвольте мнѣ сказать, чрезъ посредство вашей почтенной газеты, что не одна земляника имѣетъ такое могущественное цѣлебное значеніе. Не лишенъ его также и арбузъ. Арбузъ, при умѣломъ его примѣненіи, можетъ производить потрясающее дѣйствіе на душу человѣка, къ сожалѣнію до сихъ поръ мало извѣстное въ нашей психіатріи.

Позвольте разсказать вамъ то, что случилось въ моей семьѣ.

Кухарка моя, именемъ Василиса, при другихъ достоинствахъ, имѣетъ ужасно сварливый и непріятный характеръ. Что намъ пришлось отъ нея вынести, одному только Богу извѣстно! Однажды она разбросала по полу вареники и топтала ихъ ногами, крича:

— Вотъ вамъ, черти окаянные! Будете знать вареники!

Въ другой разъ при гостяхъ плюнула въ сметану. Въ третій — измазала моей дочери голову свѣжей икрой, приготовленной для блиновъ, такъ что пришлось къ блинамъ счищать икру съ моей дочери. Да всего и не перечесть!

Я пробовалъ прибѣгать къ лѣченію ея земляникой. Запустилъ однажды въ нее цѣлый фунтъ. Но эта неизлѣчимая баба только воскликнула:

— Самимъ жрать нечего, а въ людей земляникой пущаете!

Я получаю въ мѣсяцъ 150 рублей. Ну, какъ же мнѣ жрать нечего?

Такъ же безуспѣшны были и всѣ другіе способы: малиной, вишнями. Пробовалъ пускать въ нее даже черной смородиной. Но ничего! Наконецъ, чтобы досадить подлой бабѣ хоть чѣмъ-нибудь, я прибѣгъ къ крыжовнику. А именно: насыпалъ Василисѣ въ постель мохнатаго, колючаго крупнаго крыжовника. Но скверная женщина, обозлясь послѣ безсонной ночи, осыпала всю нашу семью еще тягчайшими оскорбленіями. И вотъ на-дняхъ, когда дерзости ея перешли всѣ границы, я разъярился и ударилъ ее по головѣ арбузомъ (время было арбузное). И что же? Арбузъ разлетѣлся на восемь частей, а женщина, на которую до сихъ поръ ничто не дѣйствовало, заплакала слезами

раскаянья. Съ тѣхъ поръ Василиса совершенно лишилась своего характера. Больше отъ нея не слышно ни одной дерзости. Она тиха, послушна, и когда глядитъ на меня, — въ глазахъ ея отражается спасительный страхъ. О такомъ дѣйствіи арбуза на русскій народъ считаю долгомъ довести, черезъ посредство вашей уважаемой газеты, до свѣдѣнія всѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ народомъ. Бейте его арбузомъ!

Вашъ слуга, отставной юнкеръ

Тесаковъ.

На кончикѣ пера.

На кончикѣ пера.

Изъ почтенія къ смерти даемъ сегодня мѣсто запискамъ одного самоубійцы

Самоубійца—жилецъ, недавно переѣхавшій съ дачи на квартиру.

Это придаетъ его запискамъ злободневный интересъ.

Сначала идетъ эпиграфъ въ стихахъ:

Снялъ я себѣ небольшую квартиру,
Чтобъ для занятій имѣть уголокъ.
Ну, и схожу я за это въ могилу!
Повѣсть читая, готовьте платокъ...

Изъ какихъ-то старыхъ куплетовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ дневникъ.

* * *

22 августа.

Квартирка — рай.

Правда, сейчасъ она напоминаетъ „драматическую“ декорацію Городского театра.

Стѣны замазаны пальцами. Кой-гдѣ заплеваны. Кой-что облупилось. Обои оборваны.

Но хозяинъ обѣщалъ кой-гдѣ подмазать, кой-гдѣ подклеить, — и будетъ рай.

Главное — свой уголокъ. А то что это?

Живешь по гостиницамъ,—и самъ себя презираешь.

Стулъ, на которомъ сидишь, и тотъ хозяйскій.

То ли дѣло своя квартира: уголокъ, тишина, спокойствіе, обѣдъ домашній.

На службу отъ радости не ходилъ.

24 августа.

На службу не ходилъ: покупалъ мебель.

Одесскіе мебельные торговцы—милѣйшій народъ.

Узнавши, что я обзавожусь обстановкой, приняли во мнѣ самое горячее участіе.

Вещи накупилъ все „случайныя“.

Комодъ, напримѣръ, былъ заказанъ извѣстнымъ милліонеромъ X., но не взятъ имъ по какимъ-то постороннимъ соображеніямъ. Гардеробъ предназначался для г-жи Y., да не взятъ, потому, что она еще большій себѣ заказала.

Что ни вещь, то какимъ-нибудь милліонеромъ для себя была заказана.

Знай теперь Ивана Ивановича Курицына, — какая у него обстановка!

Милліонеры для себя готовили, а я на этомъ сидѣть буду!

26 августа.

Сегодня утромъ надѣлъ чистое бѣлье, попрощался съ дѣтьми, со слезами обнялъ жену и пошелъ подписывать съ домовладѣльцемъ контрактъ.

Нельзя же! Подписаніе контракта, лишеніе, такъ сказать, себя всѣхъ правъ, — въ нѣкоторомъ родѣ „гражданская смерть“!

Объ этомъ я много въ газетахъ читалъ.

Газеты, однако, по обыкновенію, врутъ.

Контрактъ, оказывается, совсѣмъ ужъ не такая страшная вещь. Гдѣ жъ тамъ „лишеніе всѣхъ правъ". Вѣчно преувеличиваютъ! Такъ,—лишеніе нѣкоторыхъ особыхъ правъ и преимуществъ, какъ за мошенничество на сумму менѣе 300 рублей.

Не болѣе!

Въ контрактѣ 127 пунктовъ и каждый изъ нихъ начинается словами:

„Я, наниматель, обязуюсь".

Немножко смутилъ меня только одинъ пунктъ:

„Г. домовладѣльцу или довѣренному его лицу предоставляется право постояннаго доступа во всѣ нанятыя мной помѣщенія, съ цѣлью осмотра, согласно ли сему контракту и въ должной ли чистотѣ и исправности таковыя содержатся".

„Постояннаго доступа". Гмъ...

— Но вѣдь, надѣюсь, не пойдете же вы, напримѣръ, ночью въ спальню моей супруги, посмотрѣть, чисто ли?

Г. домовладѣлецъ поморщился:

— Гмъ... Оно, положимъ, интересно бы, но, пожалуй ужъ такъ и быть, не пойду!

Очень снисходительный человѣкъ!

27 августа.

Домовладѣлецъ—человѣкъ гуманный.

Увидалъ, когда мы переѣзжали, что рояль везутъ,—приказалъ немедленно рояль продать.

— Я, — говоритъ, — этой гадости у себя въ домѣ не допускаю — другихъ жильцовъ безпокоить будете.

Какая заботливость о жильцахъ!

Продалъ за безцѣнокъ.

Жена, конечно, плакала: она у меня музыкантша и отлично Шопена играетъ. Рояль за нею въ приданое былъ данъ. Очень рыдала

Но что мнѣ на жену обращать вниманіе. У меня есть домовладѣлецъ.

Я теперь не жены долженъ слушаться, а домовладѣльца.

28 августа.

Домовладѣлецъ нашъ—свѣтлая личность.

Немножко строгъ.

Но это мнѣ, знаете ли, даже нравится.

Это хорошо, когда надъ собой строгость чувствуешь. А то живо распустишься!

А тутъ все-таки и дома надъ тобой начальство есть. Спокойнѣе.

Собаку у меня увидалъ, — воспретилъ:

— У меня, — говоритъ,— собакъ держать не дозволяется.

Собаку немедленно отравилъ стрихниномъ.

Кошки тоже не позволилъ.

Кошку взялъ, посадилъ въ мѣшокъ, отнесъ на Молдаванку. Тамъ три раза мѣшокъ въ воздухѣ перевернулъ, чтобъ дорогу забыла, подлая, — и бросилъ.

Взялъ извозчика и поскорѣе уѣхалъ

Дѣтей тоже хозяинъ велѣлъ убрать.

Жена, правда, начала было протестовать:

— Этого въ контрактѣ нѣтъ

— Мало ли, — говоритъ, — madame, жильцы какую гадость начнутъ дѣлать,—нельзя же все въ контрактѣ предусмотрѣть.

Такой вѣжливый: жену все-таки „madame“ назвалъ.

А дѣтей посовѣтовалъ кому-нибудь подкинуть...

— Дѣти, — говоритъ, — стѣны пачкаютъ.

Такъ и сдѣлали.

Дѣтей развелъ по разнымъ улицамъ и бросилъ.

Пусть ихъ въ городской пріютъ возьмутъ.

Оно безъ дѣтей даже лучше.

Зачѣмъ мнѣ дѣти? У меня домовладѣлецъ есть.

На службу, занятый всѣми этими дѣлами, не ходилъ.

30 августа.

На службу не ходилъ снова: голова болитъ, всю ночь не спалъ.

Всю ночь мнѣ снилось, будто я журналистомъ сдѣлался и меня газета, изъ конкуренціи, на островъ Критъ корреспондентомъ отправила.

Я будто бѣгу, а въ меня инсургенты стрѣляютъ.

Просыпаюсь,—пальба. „Бацъ! Бацъ! Бацъ!"

Думалъ, что случилось на Одессу нашествіе непріятелей и нашъ домъ приступомъ берутъ.

Оказывается — нѣтъ.

Это мебель, для милліонеровъ сдѣланная, разсыхается и трескается.

И вѣдь какъ громко: совсѣмъ какъ изъ ружья:

— Бацъ!

Хорошо еще, что эта мебель къ милліонерамъ не попала. Всѣ бы милліонеры въ Одессѣ отъ страха перемерли: подумали бы, что къ нимъ разбойники забрались.

2 сентября.

Странныя вещи дѣлаются съ газетой

То газету въ 6 часовъ вечера подадутъ, а то и совсѣмъ нѣтъ.

— Гдѣ, — спрашиваю, — газета?

— А ее, — горничная говоритъ, — дворникъ выкурилъ. „Все одно, — говоритъ, — ничего антиреснаго Дрейфусовское дѣло въ томъ же положеніи“.

Оказывается, газета потому запаздываетъ, что ее сначала дворникъ, потомъ хозяйскій кучеръ, затѣмъ сосѣдскій лакей читаютъ. Всѣ Дрейфусовскимъ дѣломъ интересуются.

— То-то мнѣ ее всегда въ масляныхъ пятнахъ подаютъ.

— Такъ точно, — горничная поясняетъ, — это куфарка пальцами. Дрейфусовскимъ дѣломъ антиресуется, потому и пачкаетъ.

Скажите, какая интеллигентная женщина.

Да и у горничной лицо тоже не совсѣмъ обыкновенное. И притомъ гдѣ-то я ее видѣлъ. Гдѣ только? Не припомню.

— Акромя того, — горничная говоритъ, — куфарка приказала вамъ сказать, чтобы вы газету перемѣнили. Она другую любитъ читать: „Та, — говоритъ, — антиреснѣе, тамъ пишутъ, какъ въ Парижѣ Мазепу поймали. Ишь, гдѣ очутился“. И дворникъ тоже подтвержаетъ, что та газета антиреснѣе.

Рѣшилъ для кухарки, кучера, лакея и дворника и ту газету, гдѣ про Мазепу пишутъ, выписать.

Пусть, такъ сказать, собственный органъ имѣютъ а моей газеты не задерживаютъ.

5 сентября.

Горячаго третій день не варили. Питаемся колбасой

У хозяина тамъ что-то съ городской управой вышло. Споръ. Управа говоритъ:

— Вамъ столько-то за воду заплатить нужно.

А хозяинъ говоритъ: „столько-то“.

— Не сдамся, — говоритъ,—управѣ! На своемъ поставлю.

Ну, краны и заперли. Жена сегодня три часа въ обморокѣ лежала, а отлить было нечѣмъ.

7 сентября.

Сегодня такъ пить захотѣлось, даже на службу пошелъ: напьюсь, молъ.

Оказывается, что меня со службы давно ужъ выгнали.

Я тутъ со всѣми этими квартирными дѣлами на службу не ходилъ, меня и выгнали. Пошелъ начальство упрашивать, — велѣли вонъ итти.

— Вы,—говорятъ,—на себя посмотрите: на что вы похожи стали. Пьете все!

Хорошо „пьете“! У человѣка воды капли во рту не было, а они „пьете“.

Просто не умывался.

„Неумытаго отъ пьянаго не умѣютъ отличить!“ Публика!

Хотя лицо у меня, дѣйствительно, того... На арапа сталъ похожъ.

11 сентября.

Дѣлать нечего. Такъ жажда проклятая замучила,— кой-что изъ жениныхъ вещей заложилъ, пошелъ въ городскую управу, за домохозяина 172 рубля заплатилъ.

Воду въ краны пустили.

Однако горячаго опять не ѣли. Кухарка въ супъ, кромѣ мяса, еще и рыбу положила. Чортъ знаетъ что.

— Вы на нее, — горничная говоритъ, — баринъ, не сердитесь. Это она отъ огорченія сама не помнитъ, что дѣлаетъ.

Отъ какого огорченія?

— Господина Пикара въ тюрьму посадили. Очень это на нее подѣйствовало.

Но гдѣ я раньше нашу горничную видалъ!

12 сентября.

Объяснилось!

Горничная сегодня женѣ такой скандалъ закатила:

— Я, — говоритъ, — не посмотрю, что вы барыня! Я сама барыня. Я цѣльное лѣто въ кафешантанѣ служила и шинтанетки пѣла!

— Какъ „шинтанетки“?

— А такъ,—говоритъ,—гдѣ въ кофешантаны шинтанетокъ берутъ? Извѣстно, въ рекомендательномъ бюро! Мы завсегда такъ: лѣтомъ въ шинтанеткахъ, зимой въ циркѣ въ балетѣ танцуемъ, а въ промежуткахъ своимъ дѣломъ занимаемся: горничными служимъ.

И тутъ же, для доказательства, такую шансонетку спѣла, что жена въ обморокъ упала, да и я покраснѣлъ.

— Я,—говоритъ,—по-французски могу, „сразы Нельсонъ“ ѣсть умѣю. У меня всѣ господа, которые у васъ теперь бываютъ, ручки цѣловали. Да и мужъ вашъ мнѣ букетъ поднесъ.

— Д-да! Вонъ оно, гдѣ я горничную раньше видалъ...

Мартобря, неизвѣстнаго дня.

Жена уѣхала. Горничная ушла: балетныя репетиціи, говоритъ, начались. Домовладѣлецъ искъ по-

далъ: какъ я смѣлъ за него въ управу платить. Судебный слѣдователь къ суду привлекаетъ „за подбрасываніе дѣтей“.

Finita la comedia.

* * *

На этомъ дневникъ прекращается: авторъ покончилъ съ собой.

Онъ палъ жертвой квартиры и прислуги.

Такъ сказать, застрѣлился на самую злободневную тему.

Противъ бѣдныхъ.

Противъ бѣдныхъ.

Я сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать дѣйствительно прекрасный человѣкъ.

Я терпѣливо выслушалъ, какъ барабанила на роялѣ какая-то дѣвица, съ очень блѣднымъ лицомъ, но зато красными глазами.

Дѣвица, очевидно, училась музыкѣ въ кулинарной школѣ и потому играла Листа такъ, словно рубила котлеты.

Но я даже не крикнулъ въ серединѣ пьесы:

— Довольно!

Потому что дѣвица рубила на роялѣ котлеты съ самыми лучшими намѣреніями.

Напротивъ, ея игра привела меня даже въ нѣкоторое умиленіе:

— Вотъ какая милая дѣвица! И не умѣетъ играть, а играетъ. Потому что съ благотворительной цѣлью. Дай ей Богъ хорошаго жениха!

Затѣмъ я такъ же терпѣливо прослушалъ, какъ какой-то добрый молодой человѣкъ, одаренный хорошимъ сердцемъ, но, къ сожалѣнію, вовсе не одаренный голосомъ, тоже безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, кричалъ что-то на публику по-итальянски.

Далѣе я прослушалъ нѣсколько ужъ настоящихъ итальянскихъ пѣвцовъ, но изъ слабосильной команды.

Заплатилъ за бокалъ теплаго Эксцельсіора столько, на сколько я могъ бы выпить цѣлую бутылку хорошаго холоднаго шампанскаго.

Словомъ, совершилъ въ предѣлахъ своихъ все возможное и сѣлъ на диванчикъ смотрѣть, какъ будутъ танцовать съ благотворительной цѣлью.

Я очень люблю благотворительные балы, гдѣ богатые, танцуя въ пользу бѣдныхъ, такъ сказать, протягиваютъ имъ ногу помощи.

Я чувствовалъ себя отлично, какъ человѣкъ, который только что совершилъ въ пользу ближнихъ нѣсколько подвиговъ, и подъ звуки вальса съ удовольствіемъ думалъ о только что сдѣланномъ мною добрѣ.

Я думалъ о томъ, какъ скверное шампанское превратится въ хорошій квасъ и утолитъ палящую жажду бѣднаго и угнетеннаго семейства, имѣющаго тѣмъ не менѣе только что новорожденнаго младенца и слѣдовательно не забывающаго объ удовольствіяхъ.

Труженикъ-отецъ входитъ въ бѣдную хижину, высоко держа бутылку кваса.

Онъ былъ въ благотворительномъ обществѣ, и ему выдали на квасъ.

– Квасъ! Квасъ! — радостно восклицаетъ изнывающее отъ жажды, по случаю отсутствія воды въ водопроводѣ, семейство.

И въ бѣдной хижинѣ наступаетъ маленькій праздникъ.

Мать семейства достаетъ купленный на трудовыя деньги штопоръ и квасъ бережно разливаютъ по стаканамъ, составляющимъ единственное достояніе бѣдной семьи.

Изъ бутылки первымъ долгомъ появляется тараканъ.

Квасъ пьютъ, а таракана отдаютъ для забавы двухлѣтнему малюткѣ.

Малютка, еще никогда въ жизни не пившій кваса, съ удовольствіемъ обсасываетъ таракана и начинаетъ имъ весело играть.

И такъ весело, радостно въ бѣдной хижинѣ...

— А скажите, милостивый государь, что вы обыкновенно принимаете послѣ благотворительныхъ вечеровъ: слабительный пряникъ или Гуніади-Яносъ?

Этотъ вопросъ принадлежалъ господину среднихъ лѣтъ и безукоризненной внѣшности, сѣвшему рядомъ со мной на диванчикъ.

— То-есть какъ: что я принимаю?

— Ну, да! Что вы принимаете? Вѣдь должны же вы что-нибудь принимать, если наканунѣ выпьете благотворительнаго Эксцельсіора?

— Я ничего не принимаю.

— Ага, у васъ значитъ хорошій желудокъ. Ну, а мой желудокъ вовсе не склоненъ заниматься благотворительностью. Нужно что-нибудь принимать. И я не понимаю, почему у насъ нѣтъ до сихъ поръ благотворительныхъ пряниковъ.

— Благотворительныхъ пряниковъ?

— Ну, да, пряниковъ, продаваемыхъ съ благотворительной цѣлью. Въ пользу какого-нибудь общества. На эти деньги точно такъ же можно было бы выстроить пріютъ, школу, богадѣльню или что-нибудь въ этомъ родѣ. Вѣдь есть же у насъ благотворительные спектакли, балы, концерты, благотворительное шампанское, цвѣты, благотворительный чай, сладкіе пирожки, даже благотворительные конверты для визитныхъ карточекъ. Почему же не быть и благотворительнымъ пряникамъ?

Мы танцуемъ, смотримъ, слушаемъ, пьемъ, ѣдимъ, обмѣниваемся знаками вѣжливости съ благотворительной цѣлью. Отчего бы ужъ намъ все, что мы ни дѣлаемъ, не дѣлать непремѣнно иначе, какъ съ благотворительной цѣлью. Такъ чтобы была ужъ не жизнь, а одна сплошная благотворительность. Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись. Съ благотворительной цѣлью испортилъ себѣ желудокъ, съ благотворительной его и поправилъ. Бѣднымъ двойная польза.

— Виноватъ, судя по вашему тону, вы возстаете противъ...

— Благотворительности? Нѣтъ, я только противъ чрезмѣрно широкаго развитія благотворительности. Я нахожу, что семь благотворительныхъ спектаклей, два благотворительныхъ бала, штукъ пять вечеровъ да штуки три концертовъ въ недѣлю — это немножко много даже и не для такого маленькаго города, какъ Одесса. Можно разъ выпить теплаго шампанскаго и промолчать, но когда васъ каждый день поятъ теплымъ шампанскимъ,—возопишь, отъ глубины желудка возопишь!

— Я удивляюсь, какъ этотъ маленькій косвенный налогъ...

— Во-первыхъ, милостивый государь, всякій благоразумный человѣкъ прямые налоги предпочитаетъ косвеннымъ. Прямой налогъ я такъ и включаю въ свой бюджетъ. А косвенный! Шутъ его знаетъ, за что и сколько съ меня возьмутъ косвеннаго налога. Если я знаю, что билетъ за входъ стоитъ пять рублей, бутылка шампанскаго— девять, человѣку на чай—рубль, итого шестнадцать, то я соображаю, стоитъ это удовольствіе 16 рублей или не стоитъ. Иду или остаюсь дома. А тутъ какъ вы сообразите? На прошломъ ве-

черѣ программъ не продавали, а на этомъ сидитъ дама патронесса и программы продаетъ. Сюрпризъ! Косвенные налоги—это всегда неожиданные расходы. А неожиданные расходы можетъ дѣлать только тотъ у кого есть и неожиданные доходы.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, хотя бы доктора. Вдругъ его сюрпризомъ ночью къ тифозному больному требуютъ. Ну, отчего жъ и не выпить на благотворительномъ балу теплаго шампанскаго за здоровье тифознаго больного. А я, милостивый государь, помѣщикъ, и у меня въ имѣніи никакихъ тифозныхъ сюрпризовъ, къ сожалѣнію, не бываетъ. Ни свиньи не начнутъ ни съ того ни съ сего пороситься, ни кукуруза, гдѣ ея не посѣешь, среди степи вдругъ не выраститъ, ни яблони зимой сюрпризомъ не зацвѣтутъ. У меня доходы опредѣленные, такими же должны быть и расходы. Конечно, я говорю съ точки зрѣнія человѣка благоразумнаго. Если нужно деньги всевозможнымъ благотворительнымъ учрежденіямъ, пусть бы и устроили эти учрежденія извѣстный прямой налогъ на свои надобности. Чтобъ я заплатилъ, сколько тамъ слѣдуетъ, но зато на все остальное время отъ всякой благотворительности былъ свободенъ. На балы ходилъ бы только тогда, когда мнѣ хочется. Спектакли посѣщалъ бы только тѣ, которые меня интересуютъ, шампанское пилъ бы только холодное. Вообще чувствовалъ бы себя человѣкомъ, а не благотворителемъ. Жилъ бы, а не благотворительствовалъ.

— Развѣ вы теперь...

— Не живу, а благотворительствую. Благотворительность у насъ заѣла все. Погубила театръ. Если я

могу тратить на театръ въ мѣсяцъ пятьдесятъ рублей, то, значитъ, больше я не въ силахъ. А если я долженъ побывать на десяти благотворительныхъ спектакляхъ,—и каждый разъ заплатить по пяти рублей,—то, значитъ, я больше въ театръ не пойду, хоть бы тамъ раз-Беллинчіони пѣли! Я хочу „Гугенотовъ" слушать, а меня заставляютъ „Аиду" смотрѣть. Я хочу на „Короля Лагорскаго" пойти, а долженъ итти на „Фауста".

— Почему же должны?

— Потому что дамы билеты присылаютъ. Благотворительность погубила концерты. Пріѣзжаетъ дѣйствительно первоклассный артистъ, а я такъ разныхъ благотворительныхъ дѣвицъ, на роялѣ барабанящихъ, наслушался, что у меня гроша нѣтъ. Книги—и тѣ съ благотворительной цѣлью издаются! Тутъ бы себѣ интересное что-нибудь купилъ, а передъ вами сборникъ въ пользу голодающихъ или холодающихъ! „Неужели же я такимъ негодяемъ буду, что Гаршина читать стану, а холодающихъ такъ на морозѣ оставлю!" Ну, и покупаешь вмѣсто книгъ благотворительные сборники. Вмѣсто „Гугенотовъ" „Лючію" въ 20-ый разъ слушаешь; вмѣсто артистовъ тебѣ какіе-то помощники присяжныхъ повѣренныхъ поютъ; наконецъ, вмѣсто книгъ ужъ сборники читаешь! Помилуйте, тутъ и отупѣть можно. Съ благотворительной цѣлью, но отупѣть. Это не благотворительность, милостивый государь, а благотворительное помѣшательство. Вы читаете газеты?

— Иногда.

— Вы прочитайте любой отчетъ о какомъ-нибудь торжественномъ обѣдѣ. Въ концѣ обѣда непремѣнно

кто-нибудь дѣлаетъ какое-нибудь благотворительное предложеніе. Благотворительность даже на десертъ! И тутъ же немедленно „составляется фондъ“.

— Что жъ, это очень хорошо, что фондъ составляется.

— Но, позвольте, развѣ я за тѣмъ обѣдать хожу, чтобъ фонды составлялись? Въ концѣ обѣда я привыкъ къ десерту, а мнѣ вмѣсто фруктовъ подписной листъ подносятъ. Поймите, что я говорю не о денежной сторонѣ дѣла. Я даже готовъ, чтобъ спеціальный благотворительный налогъ ввели, но я не желаю, чтобъ благотворительность меня подкарауливала за каждымъ угломъ. Чтобъ я долженъ былъ остерегаться ея каждую минуту. Чтобъ она проникала всюду и вездѣ. Помилуйте! Захотѣли устроить одному почтенному человѣку обѣдъ. Почтенный человѣкъ по скромности отъ обѣда отказался. И вдругъ нашелся кто-то, предлагаетъ, чтобъ деньги, назначенныя на обѣдъ, пожертвовали съ благотворительной цѣлью.

— Но вѣдь цѣль такая симпатичная!

— Цѣль можетъ быть и очень симпатичной, но, ради Бога, обѣдъ-то тутъ при чемъ же? „Зачѣмъ обѣдъ,—лучше съ благотворительной цѣлью“. Я хочу почтить юбиляра, провести нѣсколько часовъ въ его обществѣ, увидѣться съ коллегами, обмѣняться мнѣніями, а мнѣ говорятъ: „вмѣсто всего этого дай пять рублей и сиди дома“. Логика въ этомъ гдѣ,—я васъ спрашиваю,—логика? И знаете, сколько на этотъ благотворительный призывъ откликнулось? Изъ ста пятидесяти человѣкъ девятнадцать! Въ остальныхъ, я увѣренъ, логика возмутилась противъ этого. Да-съ, именно логика. Потому что это ужъ не благотвори-

тельность, а какіе-то паульсоновскіе анекдоты въ лицахъ. Вы помните этотъ назидательный анекдотъ изъ назидательной паульсоновской хрестоматіи? „Одинъ богатый и добрый человѣкъ позвалъ къ себѣ гостей на форели. За завтракомъ подали закрытое блюдо, и добрый человѣкъ, открывъ его, сказалъ: „Господа, здѣсь, вмѣсто форелей, червонцы,—я лучше рѣшилъ форелей не покупать, а тѣ деньги, которыя бы на нихъ истратилъ, отдать бѣднымъ". И гости,—говоритъ Паульсонъ, — разошлись довольные". И, вѣроятно, голодные. Конечно, все это очень трогательно. Но вѣдь такимъ образомъ и до геркулесовыхъ столбовъ дойти не трудно. Пригласить гостей, накормить ихъ щами съ кашей, „а вмѣсто индѣйки, господа, я пожертвовалъ три рубля съ благотворительной цѣлью". Зачѣмъ индѣйка, — лучше съ благотворительной цѣлью. Зачѣмъ фракъ,— лучше пиджакъ съ благотворительной цѣлью. „Что это вы въ нитяныхъ перчаткахъ танцуете?" — А я, вмѣсто того, чтобъ перчатки купить, два рубля съ благотворительной цѣлью внесъ. Зачѣмъ вы ѣдете въ гости,— лучше дайте рубль съ благотворительной цѣлью и сидите дома. Я не противъ благотворительности, но противъ того, чтобъ она меня преслѣдовала по пятамъ, доводила до галлюцинацій!

— До галлюцинацій?

— Да-съ. Вы знаете, что такое въ Одессѣ жить совѣстливому человѣку? Невозможно. Вы хотите посидѣть вечерокъ дома, а тутъ „Карменъ" съ благотворительной цѣлью даютъ, и внутренній голосъ вамъ шепчетъ: „ахъ ты, такой-сякой! Ты вотъ дома сидишь, а нынче „Карменъ" съ благотворительной цѣлью ставится. Да еще въ пользу акушерокъ. Что жъ аку-

шерки будутъ дѣлать, если ты дома сидѣть будешь? Акушерки—онѣ бѣдныя". Ну, и идешь съ акушерской цѣлью „Карменъ" смотрѣть. Вы оперетки терпѣть не можете, а тутъ „Горячую кровь" въ пользу недостаточныхъ младенцевъ даютъ. Опять внутренній голосъ тебѣ твердитъ: „бѣдненькіе младенчики, голенькіе, босенькіе, а ты, свинья, даже оперетки для нихъ посмотрѣть не хочешь". Ну, и идешь. Я удивляюсь еще, какъ до сихъ поръ дагомейки въ пользу какого-нибудь „общества вспомоществованія образованнымъ женщинамъ" не танцовали! Это изумительно! Визиты знакомымъ хотите въ новый годъ сдѣлать, у хорошенькихъ женщинъ ручки поцѣловать, — и тутъ тебѣ: „зачѣмъ ручки дамамъ цѣловать? Лучше вы пять рублей съ благотворительной цѣлью пожертвуйте!" Выходишь на подъѣздъ, лошадей тебѣ подаютъ, — а онѣ на тебя, такъ и кажется, глядятъ: „Что ты, свинья, на насъ ѣхать собираешься, только гонять насъ хочешь,— лучше бы ты карточки въ благотворительныхъ концертахъ разослалъ". Тутъ же тебѣ и газетная статья вспоминается, что какое-то благотворительное общество на эти самыя деньги каменный корпусъ строить собирается. Прямо ѣдешь и жуликомъ какимъ-то себя чувствуешь. Словно ты не визиты дѣлаешь, а изъ этого самаго корпуса кирпичи воруешь! „Вотъ я безъ всякой благотворительной цѣли ѣзжу, а тамъ бѣдные, несчастные изъ-за моихъ визитовъ пропадаютъ". И кажется вамъ, что вы передъ собой это несчастное лицо видите. То-есть вы-то понимаете, что это не несчастное лицо, а самый обыкновенный лошадиный крупъ. Но только вамъ такъ казаться начинаетъ. Лошадь хвостомъ махнула, а вамъ кажется, что не-

счастный рукавомъ слезу смахнулъ: „Ну, молъ, тебя,— прощаю!“ Какъ вамъ все это покажется? До галлюцинацій человѣка доводятъ! Лошадиный крупъ несчастнымъ лицомъ начинаетъ казаться!

Голосъ моего собесѣдника начиналъ дрожать.

— До галлюцинацій, до помѣшательства эта танцующая, поющая, анекдотическая одесская благотворительность доводитъ. Устройте налогъ, дѣлайте, что вамъ угодно, но вѣдь нельзя же людей семь дней въ недѣлю благотворительностью мучить! Поневолѣ умъ за разумъ зайдетъ.

Онъ вскочилъ съ мѣста, кивнулъ головой и скрылся въ толпѣ.

А я подошелъ, выпилъ еще бокалъ теплаго Эксцельсіора и снова сѣлъ на диванъ мечтать о томъ, какъ Эксцельсіоръ превратится въ квасъ.

И снова передо мной была бѣдная хижина, стаканы, наполненные квасомъ, таракапъ и малютка.

Семья пила квасъ, малютка съѣлъ таракана.

Эта трогательная сцена представилась мнѣ съ такой ясностью, что я вскочилъ и крикнулъ:

— Выплюнь!

Такъ что господинъ, только что передъ этимъ начавшій пить благотворительное шампанское, обернулся и посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

Война будущаго или штука конторы Кука.

Война будущаго или штука конторы Кука.

Знаменитому Куку,—покровителю всѣхъ «globe trotter'овъ» — «топтателей вселенной», какъ выражаются американцы, — пришла, какъ сообщаютъ телеграммы, геніальная мысль.

Онъ устраиваетъ «круговыя поѣздки на поля сраженій въ Трансвааль». Записывается много англичанъ и американцевъ.

Космополитическое общество романа Бурже садится на пароходъ и, вмѣсто того, чтобъ ѣхать развлекаться на Ривьеру или въ Каиръ, ѣдетъ на поля сраженій.

— Скажите, а я буду сраженія видѣть? Или только поля?

— Обязательно, madame! Въ программу каждой поѣздки входятъ два сраженія.

— А осаду Преторіи?

— Вамъ нужно записаться по тарифу № 1. И, кромѣ того, за дни въ ожиданіи осады Преторіи вы платите по фунту въ день за продовольствіе.

— А если будетъ взрывъ копей въ Іоганнесбургѣ, я увижу?

— Въ случаѣ взрыва копей вы должны заплатить extra. Это оговорено. Словомъ, каждый получаетъ удовольствіе за свои деньги.

- А я все буду видѣть?

— О, контора гарантируетъ!

Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, контора можетъ гарантировать, что сраженіе непремѣнно будетъ такого числа? А вдругъ не будетъ. Такой солидной фирмѣ это крайне неудобно.

Начнутся разговоры:

— Кукъ — жуликъ! Помилуйте, деньги взяли, а сраженія никакого!

— Обманъ!

— Надувательство!

— Деньги назадъ!

Чтобъ гарантировать кліэнтовъ, Куку останется только изъ добросовѣстности завести собственный отрядъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

— „Сраженія гарантируются! Важно для гг. туристовъ!"

Мнѣ бы хотѣлось на поля сраженія!

— Со страховкой или безъ страховки насчетъ того, будетъ ли битва!

- Да ужъ, пожалуйста, чтобъ съ битвой! А то что же и смотрѣть!

— Свѣжіе трупы бываютъ, свѣжія могилы. Гг. путешественники очень довольны.

— Нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ—чтобъ при мнѣ сражались. Я хочу видѣть, какъ это все дѣлается.

— Съ гарантіей въ томъ, что сраженіе будетъ,— 3 фунта въ день. Цѣна дешевая, и тарифъ пониженъ въ виду того, что собираются большія компаніи. Массэ заказовъ. А то, помилуйте, расходы огромные, приходится свой отрядъ держать, по 30 фунтовъ въ мѣсяцъ волонтерамъ платить

— Ахъ, это дорого—3 фунта!

— Помилуйте, разочтите расходы. Вѣдь сколько вамъ самимъ сраженіе стоитъ! Вонъ мистеръ Асторъ, изъ Нью-Йорка, заказалъ для себя и своихъ гостей особое, спеціальное сраженіе и уплатилъ 50.000 долларовъ. Всего 5 проц. на сраженіи наживаемъ.

— Ахъ, нельзя ли хоть половину—полтора фунта въ день.

— Половинной скидкой, извините, пользуются только дѣти, не достигшія 14 лѣтъ. Возьмите безъ гарантированнаго сраженія!

– Нѣтъ, ужъ дайте съ гарантированнымъ. Что жъ дѣлать!

И вотъ, проводникъ въ фуражкѣ съ надписью: „Th. Cook & C°“ устанавливаетъ гг. туристовъ:

— Леди, джентльмены! Прошу васъ стать здѣсь. Возьмите ваши бинокли и смотрите на тотъ холмъ. Сейчасъ начинается.

Динь-динь-динь.

— Пли!

Подобравшійся на разстояніе ружейнаго выстрѣла отрядъ Кука и К° открываетъ огонь. Огонь въ отвѣтъ.

— Въ проспектѣ сказано, что въ программу входитъ стрѣляніе шрапнелью. Это когда же будетъ?— цѣдитъ сквозь зубы мистеръ Гульдъ, эсквайеръ.

— А это, не извольте безпокоиться, будетъ. Вотъ какъ поближе подойдутъ, тогда и шрапнелью хватятъ. Все, все по программѣ будетъ,—ужъ довѣрьтесь фирмѣ.

— Ничего не вижу!—капризно оттопыриваетъ губку миссъ Вандербильдъ,—дымъ, дымъ, и больше ничего!

— Ахъ, смотрите, смотрите! Человѣкъ изъ-за камня выскочилъ! Руками машетъ! Упалъ! — забывъ при-

личія, кричитъ пожилая миссъ Скочъ. — Смотрите! Другой!

— Гдѣ? Гдѣ?—кидаются всѣ.—Ахъ, да! Да! Третій Еще! Еще!

— Это увлекаетъ! Какъ въ рулеткѣ!—восклицаетъ мистриссъ Вилькоксъ, вдова.

— Я держу за того, что за тѣмъ камнемъ! Пять противъ одного!—предлагаетъ мистеръ Монгомери.

— Дымка за камнемъ больше нѣтъ. Не появляется. Вы проиграли!—замѣчаетъ мистеръ Стоунъ младшій,— я имѣю пятьсотъ фунтовъ.

— Шрапнель!—докладываетъ проводникъ.

— А-а!—протягиваетъ мистеръ Гульдъ, эсквайеръ.

— Нелли, не бросайтесь впередъ! Это неприлично!— останавливаетъ гувернантка миссъ Нелли. — Вы не умѣете вести себя въ сраженіяхъ!

— Если ты будешь плакать, Джо, я больше не возьму тебя въ сраженье. Ты будешь сидѣть дома, даже когда будутъ взрывать Преторію!—строго говоритъ мать своему сыну.

Дымъ. Крики. Вопли. Пули. Шрапнель

— Кончено,—говоритъ проводникъ,—леди, джентльмены! Прошу васъ за мной, на мѣсто сраженія. Прошу торопиться. Многіе могутъ успѣть умереть.

Миссъ Вандербильдъ, подобравъ юбки, бѣжитъ впереди всѣхъ.

— Сюда, миссъ! Сюда!—кричитъ ей проводникъ.— Вотъ мертвое тѣло! Убитый!

— Да онъ на самомъ дѣлѣ убитъ? Можетъ-быть только притворяется?

Миссъ Вандербильдъ трогаетъ его зонтикомъ.

— Совсѣмъ убитъ. Видите, даже кровь.

— Ахъ, да! Въ самомъ дѣлѣ, настоящая кровь.

— Миссъ, осторожнѣе зонтикомъ съ мертвыми! Вы можете его перевернуть. А этого нельзя, пока всѣ не пересмотрятъ. Пусть лежитъ, какъ лежалъ!

И проводникъ вбиваетъ въ землю колышекъ съ надписью:

„Просятъ мертвыхъ не переворачивать“.

— А гдѣ же здѣсь раненые? Тутъ совсѣмъ нѣтъ раненыхъ! — разочарованно говоритъ мистриссъ Вилькоксъ, вдова.

— Вотъ раненый! Вотъ! — кричитъ проводникъ.— Пожалуйте сюда! Здѣсь лежитъ раненый! Посмотрите, какъ онъ раненъ.

— Дышитъ еще. Онъ долго будетъ дышать?

— Пока всѣ не пересмотрятъ, миледи. Это нашъ волонтеръ. Онъ знаетъ свое дѣло.

— Еще раненый!—говоритъ мистриссъ Роджерсъ.— Бѣдный! Я перевяжу ему рану носовымъ платкомъ!

— Shoking! — останавливаетъ ее пожилая dame de compagnie.—Развѣ можно? Не всѣ еще пересмотрѣли. Не надо дотрогиваться до вещей.

— А-а!—протягиваетъ мистеръ Гульдъ, эсквайеръ — Тутъ, говорятъ, разстрѣливаютъ плѣнныхъ. Будутъ разстрѣливать?

— Это зависитъ отъ заказа. Можно срочно телеграфировать въ Лондонъ о стоимости.

— Я хотѣлъ бы ужъ все видѣть.

— Прикажете?

— Пожалуйста.

Но вѣдь войны бываютъ не всегда. Что жъ будетъ дѣлать въ промежуткахъ контора Томаса Кука и Комп.?

И потомъ неужели каждый разъ надо ѣхать куда-нибудь на югъ Африки? Многіе изъ гг. туристовъ не переносятъ морской болѣзни.

Надо итти дальше.

Мистеръ Родсъ и мистеръ Чемберлэнъ, заинтересованные въ акціонерныхъ предпріятіяхъ золотыхъ и брильянтовыхъ копей, устроили трансваальскую войну.

Почему бы мистерамъ Родсу и Чемберлэну не быть точно такъ же заинтересованными въ акціонерной компаніи Т. Кукъ и Комп., — въ акціонерной компаніи, которая, благодаря „поѣздкамъ по полямъ сраженій“, дѣлаетъ колоссальныя дѣла?

Во всякой странѣ найдутся свои Родсы и Чемберлэны.

И въ европейской политикѣ появляется новый факторъ:

— Т. Кукъ и Комп.

Миланъ получаетъ 1.000 акцій съ правомъ ихъ заложить немедленно и получить добавочную ссуду, какъ только онъ устроитъ пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ. Контора Т. Кукъ и Комп. поддерживаетъ орлеанистскую агитацію во Франціи съ обязательствомъ, какъ только принцъ Орлеанскій взойдетъ на престолъ, чтобъ онъ немедленно объявилъ войну Германіи.

Въ газетахъ печатаютъ объявленія:

— Ищутъ энергичнаго молодого человѣка, съ широкими замыслами, на роль Наполеона.

Контора Кука принимаетъ заказы на войны и печатаетъ въ американскихъ газетахъ:

— Готовится большая, кровопролитная европейская война между просвѣщеннѣйшими державами. Заранѣе

принимается подписка на круговыя поѣздки по полямъ сраженій.

Американцы, которые насъ, европейцевъ, глубоко презираютъ, какъ гнилье, и которыхъ мы интересуемъ, какъ насъ интересуютъ обезьяны, сумасшедшіе или преступники, охотно подписываются на круговыя поѣздки:

— Какъ это вся Европа передерется.

И мы, мы, развившіе въ себѣ такую массу потреб ностей и имѣющіе такъ мало средствъ къ ихъ удо влетворенію, нищіе, наплодившіе нищихъ столько, что они не умѣщаются и намъ нужны колоніи; мы, наплодившіе фабрикъ столько, что намъ нужны новые и новые рынки; мы, нищіе, готовые отъ бѣдности, отъ тѣсноты кинуться другъ на друга, даемъ американцамъ заказанный ими Куку и Комп. спектакль...

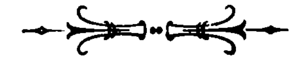
Мой добрый, старый другъ Old Gentleman скажетъ, съ видомъ стараго раввина, изъ „Уріэля Акосты“:

— Das war schon alles gewesen! Римъ тоже переживалъ fin de siècle, и въ немъ были бои гладіаторовъ.

Но я отвѣчу моему доброму, старому другу:

— Ну, нѣтъ! „Поѣздка по полямъ сраженій“ черезъ контору Кука и Комп.—это будетъ почище.

Таково „торжество христіанства“.

Банкиръ.

Банкиръ.

На 22 мили въ окружности всѣ знали и гордились дономъ Хозе.

И на вопросъ бѣдняка, нуждавшагося въ помощи, какъ бы ему найти извѣстнаго благотворителя дона Хозе, всякій ему говорилъ:

— Идите въ селеніе Санта-Малага,— лучшій домъ въ селеніи и будетъ домъ дона Хозе!

— Жена дона Хозе никогда не знаетъ отказа въ нарядахъ! — чуть не давились отъ зависти всѣ женщины Санта-Малаги.

— Дѣти дона Хозе никогда не бываютъ голодными!— плакали ребятишки всего селенія, когда имъ не давали ѣсть.

Еще не было случая, чтобы донъ Хозе отказался сдѣлать доброе дѣло.

Стоило нищему протянуть руку:

— Донъ Хозе, я давно ничего не ѣлъ!

Какъ донъ Хозе доставалъ нѣсколько пезетовъ.

И не даромъ аббатъ, увидавъ дона Эскамильо, — лѣнтяя Эскамильо, который цѣлую ночь валялся подъ крышей, а цѣлый день на крышѣ,—не даромъ аббатъ указывалъ лѣнивцу всегда на примѣръ дона Хозе, прозваннаго за трудолюбіе „муравьемъ“:

— Вотъ съ кого бери примѣръ!

Донъ Хозе былъ трудолюбивъ, несмотря на то, что былъ богатъ. Онъ потому и былъ богатъ, что былъ трудолюбивъ.

Какъ бы ни была холодна ночь и какъ бы ни хотѣлось погрѣться въ кровати, донъ Хозе, прозванный за свое трудолюбіе «муравьемъ», каждую ночь бралъ ножъ и отправлялся въ горы, чтобы рѣзать проѣзжавшихъ купцовъ и путешественниковъ.

Найденныя при нихъ деньги онъ дѣлилъ такимъ образомъ: одну десятую отдавалъ аббату, одна десятая шла на бѣдныхъ, и только восемь десятыхъ донъ Хозе оставлялъ себѣ.

Ему было 52 года, у него было хорошее состояніе, а онъ все работалъ, не покладая рукъ.

Такъ жилъ и трудился донъ Хозе, гордость и украшеніе селенія Санта-Малага.

Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день донъ Хозе неожиданно исчезъ.

Куда дѣвался донъ Хозе, не зналъ никто.

Ушелъ ночью и не вернулся...

Сначала подумали было, не зарѣзали ли дона Хозе въ горахъ проѣзжіе купцы или путешественники.

Всякіе вѣдь бываютъ купцы и всякіе бываютъ путешественники! Въ нынѣшній вѣкъ и за запутешественника поручиться нельзя!

Несмотря на богатство, донъ Хозе работалъ круглый годъ, за исключеніемъ праздниковъ.

Семь дней жители Санта-Малага искали пропавшаго донъ Хозе.

Исходили всѣ дороги, тропинки, обошли всѣ горы, обшарили всѣ ущелья.

Кромѣ 8 свѣжезарѣзанныхъ купцовъ, 12 англичанъ и 3 нѣмцевъ — ничего!

Видно, что былъ здѣсь донъ Хозе, но куда дѣвался — неизвѣстно.

Тогда, на восьмой день, жители Санта-Малаги рѣшили, что неизвѣстно куда исчезнувшій донъ Хозе не иначе, какъ взятъ за свои добродѣтели живымъ на небо.

Такъ прошло полгода.

Какъ вдругъ въ Санта-Малагѣ было получено письмо!

Оно было найдено въ сумкѣ почтальона, который былъ зарѣзанъ въ горахъ, и адресовано доньѣ Хозе.

Это былъ первый случай, что въ Санта-Малагѣ получилось по почтѣ письмо!

Жители не могли заснуть цѣлую ночь.

— Что бы это могло обозначать?

Но они были еще болѣе поражены утромъ, когда оказалось, что вдова дона Хозе ночью исчезла неизвѣстно куда.

Вмѣстѣ съ ней исчезли и всѣ ея дѣти!

Такое послѣдствіе письма страшно испугало жителей Санта-Малаги, и они рѣшили впредь сжигать сумки зарѣзанныхъ на дорогѣ почтальоновъ!

Прошло еще полгода.

Какъ вдругъ надъ жителями Санта-Малаги разразилось страшное извѣстіе, погубившее все селенье.

Въ карманѣ одного зарѣзаннаго путешественника нашли номеръ мадридской газеты «La Speranza».

На первой же страницѣ этой газеты, даже на самомъ видномъ мѣстѣ! — до чего можетъ дойти человѣческое безстыдство!

На первой страницѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ самымъ крупнымъ шрифтомъ сообщалось извѣстіе, которое заставило поблѣднѣть всѣхъ писателей Санта-Малаги и упасть въ обморокъ всѣхъ жительницъ.

Даже въ рамкѣ, даже съ украшеніями! — сообщалось, что на Гвадалквивирскомъ проспектѣ открыта банкирская контора, гдѣ открываются онкольные счета, продаются въ разсрочку билеты, принимаются на сохраненіе деньги отъ бѣдняковъ—даже отъ бѣдняковъ!— и предполагается въ скоромъ времени принимать деньги даже отъ дѣтей.

— И дѣтей не пожалѣлъ! — со слезами восклицали жительницы Санта-Малаги и въ испугѣ прижимали къ себѣ своихъ малютокъ.

Безстыдство доходило до того, что тутъ же была напечатана фамилія человѣка, который дѣлалъ все это! Фамилія банкира.

Этотъ банкиръ былъ донъ Хозе.

— Донъ Хозе и вдругъ... страшно вымолвить... сдѣлался банкиромъ! — съ ужасомъ шептали женщины.

— Молчите! Ради Бога, молчите! — въ отчаяньи кричали на нихъ, зажимая уши руками, мужья.

— Мы всѣ разбойники! — вопили старики, колотя себя въ грудь.—Всѣ! Но среди жителей Санта-Малаги еще никогда не было банкировъ! Никогда!

— Что жъ теперь сдѣлаютъ съ его дѣтьми?—испуганно спрашивали дѣти.

— Ихъ, вѣроятно, повѣсятъ!—подумавъ, отвѣчали наиболѣе разсудительные люди.

Матери пугали дѣтей:

— Вотъ я отдамъ тебя банкиру!

Отчего съ дѣтьми дѣлались судороги.

А лѣнтяй Эскамильо, каждый разъ какъ видѣлъ проходящаго мимо аббата, насмѣшливо кричалъ:

— Ну, что, почтенный г. аббатъ? Можетъ-быть, и теперь посовѣтуете мнѣ взять примѣръ съ дона Хозе?!

На что аббатъ только отворачивался, потихоньку утирая слезу.

Съ тѣхъ поръ Санта-Малага получила прозванье „разбойничьяго гнѣзда“.

Купцы и путешественники избѣгаютъ проходить мимо этого селенія.

За ночь.

За ночь.

(Святочный разсказъ.)

Иванъ Петровичъ, отставной полковникъ....

Рождественскіе разсказчики всегда отставные полковники.

И большой добрякъ, потому что всѣ рождественскіе разсказчики всегда бываютъ Иванами Петровичами, отставными полковниками и большими добряками.

Иванъ Петровичъ, отставной полковникъ и большой добрякъ, закурилъ, какъ и всѣ рождественскіе разсказчики, толстѣйшую папиросу и воскликнулъ:

— Чтобъ чортъ меня взялъ, если я когда-нибудь забуду эту ночь! При воспоминаніи о ней до сихъ поръ у меня морозъ подираетъ по кожѣ. Это было какъ разъ въ ночь подъ Рождество!

Мы, какъ и всѣ рождественскіе слушатели, придвинулись поближе къ столу.

— Я ѣхалъ, чортъ меня знаетъ зачѣмъ, по желѣзной дорогѣ. За окномъ выла вьюга. На сердцѣ скребли кошки. Мы двигались, сорокъ паровозовъ и одна шпала имъ въ бокъ, со скоростью черепахи, ползущей вверхъ по зеркалу. Вы понимаете? Насъ было двое въ вагонѣ: я и какой-то молчаливый пассажиръ съ

такимъ сосредоточеннымъ видомъ, словно онъ ѣхалъ на собственныя похороны. Отъ скуки я задремалъ. Чортъ меня знаетъ, сколько времени я спалъ, но только, когда проснулся, было тихо, какъ въ могилѣ. Мы не двигались. „Станція?“ Я взглянулъ въ окно. Сплошная бѣлая стѣна снѣгу, вплотную прилипшая къ стеклу. Я кинулся къ двери, пробую отворить. Не тутъ-то было! Дверь занесена снѣгомъ. Мы погребены въ сугробѣ вдвоемъ съ моимъ спутникомъ. Я оглянулся на него. Онъ теперь имѣлъ безпечный видъ человѣка, который отлично знаетъ, что черезъ пять минутъ поѣздъ двинется дальше. Это меня даже взорвало.

— Заносъ!—крикнулъ я.

— Да, заносъ!—преспокойно отвѣтилъ онъ.—Что жъ изъ этого?

— Но вѣдь можно погибнуть въ этомъ дьявольскомъ ящикѣ подъ сугробомъ снѣга.

— Не думаю. Недѣли черезъ двѣ насъ отроютъ!

— Но вѣдь мы до тѣхъ поръ умремъ съ голоду!

Онъ преспокойно отвѣчалъ:

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, что касается до меня. Когда мнѣ станетъ невтерпежъ, я васъ съѣмъ. Только и всего!

— То-есть какъ?

— Для меня это совершенно привычное дѣло. Я людоѣдъ.

У меня мурашки забѣгали гдѣ-то около затылка; однако, я имѣлъ еще достаточно мужества, чтобы замѣтить:

— Увѣрять человѣка, въ сугробѣ снѣга, что вы его съѣдите, — такія шутки неумѣстны, милостивый государь!

— Да я вовсе и не думаю шутить. Впрочемъ, вы сами увидите, что я говорю совершенно серьезно. Я васъ съѣмъ.

И онъ даже облизнулся, глядя на меня.

— Вы совершенно напрасно оглядываетесь кругомъ,—тутъ нѣтъ ровно ничего, чѣмъ бы вы могли защищаться. Тогда какъ у меня вотъ револьверъ, вотъ кинжалъ, а въ чемоданѣ топоръ, чтобъ распластать васъ на части. Если угодно, я покажу вамъ даже вертелъ, на которомъ вы будете зажарены. Мы, людоѣды, народъ запасливый и всегда возимъ съ собой все необходимое для вашего брата: никогда заранѣе не знаешь, гдѣ придется полакомиться.—Онъ даже пристукнулъ зубами отъ удовольствія.

-- Мнѣ кажется, вы будете недурны на вкусъ. Сначала я съѣмъ у васъ почки. Признаться, давно не ѣлъ почекъ. А между тѣмъ, что можетъ быть пріятнѣе почекъ на вертелѣ? Не правда ли? Откровенно говоря, я чувствовалъ, какъ у меня заныла правая почка.

Но каналья только расхохотался:

— Ахъ, да! Я и забылъ, что вы не занимаетесь людоѣдствомъ. А жаль! Вкусно, очень вкусно. Воображаю, какъ у васъ, навѣрное, будутъ хрустѣть хрящики около ребрышекъ!

У меня закололо въ грудной клѣткѣ.

— Впрочемъ, бросимъ, чортъ возьми, этотъ разговоръ. А то у меня разыгрывается аппетитъ. Я могу начать ѣсть сейчасъ же, и тогда мнѣ васъ не хватитъ на двѣ недѣли.

Онъ принялся копаться въ чемоданѣ, досталъ оттуда соль, перецъ, горчицу и ласково поглядѣлъ на меня:

Все для васъ!

Затѣмъ досталъ тарелку и началъ перетирать ножъ и вилку.

Я боялся на самомъ дѣлѣ раззадорить его аппетитъ; однако, чортъ возьми, нужно же было узнать, что онъ, чортъ его возьми, шутитъ или серьезно собирается меня ѣсть?

Я старался говорить какъ можно вѣжливѣе.

— Гдѣ же вы пріобрѣли... такую странную замашку?

— Ѣсть вашего брата? У дагомейскаго короля Беганзина, милѣйшій. У него. Отличная кухня.

— Какъ же...

— Какъ я туда попалъ? Уберите ваши ноги, почтеннѣйшее блюдо! Ваши ноги мѣшаютъ мнѣ разсказывать.

— Ноги?

— Ну, да, ноги! Глядя на ваши ноги, мнѣ ужасно хочется ножекъ-фри. Не раздражайте во мнѣ аппетита вашими ногами, чортъ возьми! Неужели вы не понимаете, что нельзя людоѣду показывать ноги? Есть у васъ мозги?

— Есть...

— Да не говорите же мнѣ, чортъ возьми, что у васъ есть мозги. Иначе я сейчасъ же разобью вамъ голову, какъ рождественскому поросенку, и съѣмъ мозги.

Я сѣлъ по-турецки, свернувъ ноги колачикомъ, и надѣлъ на голову шапку, чтобъ не раздражать его аппетита.

— Вотъ такъ! Вы хотите знать, почему я попалъ къ королю Беганзину? А чортъ меня знаетъ, почему

я туда попалъ. Просто потому, что я былъ женатъ. Достаточная причина для того, чтобъ попасть даже чорту на рога! Мнѣ нужно было бѣжать хоть на край свѣта, и потому я бѣжалъ въ Дагомею, гдѣ тогда происходила война. Послѣ двухъ лѣтъ супружеской жизни драться было самымъ подходящимъ для меня занятіемъ. У насъ почему-то не принято колотить женщинъ. А это былъ единственный уголокъ въ мірѣ, гдѣ я могъ колотить женщинъ и получать за это даже одобреніе. Короче, я отправился сражаться съ амазонками короля дагомейскаго. Я билъ ихъ, какъ левъ,—нѣтъ, какъ мужъ, который разъяренъ двухлѣтней супружеской жизнью. Черезъ двѣ недѣли я получилъ во вражескомъ станѣ имя «Бѣшенаго мужа», а черезъ три—былъ взятъ въ плѣнъ. Самъ знаменитый «Бѣшеный мужъ»! Я былъ почетнымъ плѣнникомъ, и меня рѣшено было подать къ королевскому столу на праздникѣ, который король Беганзинъ давалъ по случаю своего 366-го развода съ 366-ой женой. Тамъ разводъ дѣлается очень просто: король съѣдаетъ ту изъ женъ, которая ему больше понравилась, и затѣмъ съѣдаетъ жаренаго плѣнника по случаю благополучнаго развода! Я проводилъ свое время въ обществѣ двухъ амазонокъ, которыя стерегли меня неотлучно. Меня кормили, дѣйствительно, на убой, а мои стражницы поддерживали мое расположеніе духа тѣмъ, что безъ-умолка разсказывали, какъ меня будутъ жарить. Въ концѣ-концовъ я сталъ здоровъ какъ быкъ, и мнѣ до такой степени надоѣло слушать эти однообразные разговоры, что я сказалъ себѣ: «Чортъ возьми, а не съѣсть ли мнѣ ихъ самихъ? Полакомиться на чужой счетъ—всегда выгод-

нѣе!“ Сказано—сдѣлано. Однажды, когда мои амазонки до того заспорили между собой, какъ меня лучше приготовить, въ сухаряхъ или съ морковью, что побросали даже оружіе, я схватилъ огромную острую саблю. Разъ, разъ! Я тутъ же съѣлъ ихъ мозги, а почки захватилъ съ собою, чтобъ не погибнуть съ голоду въ пустынѣ, и бѣжалъ. Черезъ два дня я снова былъ во французскомъ лагерѣ. Но, чортъ возьми, въ мои планы вовсе не входило во второй разъ попасться въ плѣнъ къ королю Беганзину! Не у всякой амазонки такіе мозги, что годятся только на то, чтобъ ихъ съѣли. Я выбралъ одного изъ офицеровъ, который только что получилъ деньги изъ дома, съѣлъ его, взялъ деньги и ушелъ. Насъ обоихъ сочли попавшими въ плѣнъ къ королю Беганзину, и такимъ образомъ, я преспокойно могъ вернуться домой, ровно ничѣмъ не рискуя, такъ какъ у меня теперь было отличное средство противъ жены.

У меня шевелились волосы.

— Какъ?.. Вы ее...

— Съѣлъ! Превкусная, бестія! Вѣрите ли, съѣлъ ее даже съ косточками. Такимъ образомъ, всѣ слѣды преступленія были скрыты. Всѣ сочли, что она сбѣжала, меня пожалѣли, и черезъ нѣсколько времени я женился на другой, настоящемъ ангелѣ, которую я, впрочемъ, тоже не замедлилъ съѣсть, потому что встрѣтилъ третью, которая была еще болѣе похожа на ангела, чѣмъ она. Съ тѣхъ поръ я получилъ страсть къ людоѣдству и ѣмъ людей вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ,—не показывайте мнѣ вашихъ рукъ, чортъ васъ возьми.

Онъ облизнулся, глядя на мои руки.

Я надѣлъ перчатки.

— Благодаря людоѣдству, я сдѣлалъ даже отличную карьеру

— Благодаря людоѣд...

— Не раскрывайте такъ широко ротъ. Я вижу вашъ языкъ!.. Да-съ, сдѣлалъ карьеру! Это очень просто. Когда мнѣ хотѣлось повышенія, я заманивалъ товарища, чье мѣсто хотѣлъ получить, къ себѣ въ гости и съѣдалъ его. Такимъ образомъ, освобождалась вакансія. Его искали, искали, — конечно, не находили, считали пропавшимъ безъ вѣсти, и мѣсто получалъ я.

— И много...

— Я сдѣлалъ хорошую карьеру. Достаточно вамъ сказать, что, пока я дѣлалъ карьеру, изъ нашего отдѣленія пропало три столоначальника, два экзекутора, одинъ начальникъ отдѣленія и одинъ писецъ. Впрочемъ, послѣдняго я съѣлъ не для карьеры, а просто потому, что онъ скверно писалъ. Теперь мнѣ хочется перевестись въ N—скъ, и я ѣду туда. Думаю съѣсть начальника департамента. И вдругъ этакая непріятная задержка! Впрочемъ,—добавилъ онъ, облизнувшись, — вы скрасите мое одиночество. Вы мнѣ, чортъ возьми, нравитесь, и ради вашего пріятнаго общества я готовъ даже потерпѣть голодъ... Я съѣмъ васъ только тогда, когда мнѣ будетъ невтерпежъ! Но пока вы должны разсказывать мнѣ смѣшные анекдоты.

Вы понимаете мое положеніе?!

Вдвоемъ съ людоѣдомъ, который перетираетъ тарелки и дѣлаетъ изъ уксуса, масла и горчицы провансаль, говоря:

— Это къ головѣ!

Я забился въ уголъ вагона и два дня не смыкалъ глазъ, глядя на его приготовленія.

И въ это время я еще долженъ былъ ему разсказывать смѣшныя исторіи, чтобъ онъ непремѣнно держался за бока отъ хохота.

— Иначе, — говоритъ, — вы понимаете, мой милый, на чорта мнѣ ваше общество?!

Такъ прошло двое сутокъ, на третьи...

Мы еще ближе придвинулись къ столу:

— Ну, и что же?

Полковникъ оглянулъ насъ презрительнымъ взглядомъ, въ которомъ можно было прочитать: „Эхъ, вы, щенята!" и, глубоко вздохнувъ, закончилъ свой разсказъ:

— Голодъ не тетка!.. На третій день онъ меня съѣлъ!

Визитеръ безъ головы.

Визитеръ безъ головы.

(Страшная легенда) *).

Въ самый день новаго 189... года Одесса была встревожена до необычайности страннымъ извѣстіемъ.

Въ городѣ появился визитеръ безъ головы.

Онъ являлся во многіе дома.

Входилъ, кланялся, сидѣлъ пять минутъ, вынималъ часы, снова кланялся и уходилъ.

И все это натурально, не говоря ни слова.

На странномъ визитерѣ былъ фракъ, модный галстукъ, даже съ претензіей на франтовство; на одной рукѣ перчатка цвѣта gris-perle; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ цилиндръ.

Словомъ, все какъ слѣдуетъ, нехватало только головы.

Его видѣли у себя Марья Гавриловна, Марья Михайловна, Марья Васильевна, еще четыре Марьи Васильевны, Марья Игнатьевна, Варвара Ивановна, Татьяна Петровна и Перепетуя Григорьевна.

Значитъ, правда.

Не могла же одна и та же галлюцинація явиться сразу у восьми Марій, живущихъ въ разныхъ кон-

*) Дамъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній просятъ не читать.

цахъ города и, кромѣ того, находящихся между собой даже въ ссорѣ.

Стали доискиваться, кто бы это могъ быть.

Сначала, конечно, рѣшили, что это продѣлка какого-нибудь ростовщика.

Пересчитали,—оказалось, что ростовщики въ полномъ комплектѣ и всѣ люди съ головой.

Тогда подумали, что голову потерялъ кто-нибудь изъ гг. чиновниковъ, на которыхъ, какъ извѣстно, всегда лежитъ масса обязанностей и которымъ вслѣдствіе этого ничего не составляетъ потерять голову.

Но пересчитали и чиновниковъ, — оказалось, что ихъ въ Одессѣ даже больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Экспортеры тоже оказались въ достаточномъ количествѣ.

Кто бы это могъ быть?

Нѣкто выразилъ догадку:

— Человѣкъ безъ головы не можетъ, господа, быть ни кѣмъ инымъ, какъ гласнымъ думы!

Собрали экстренное засѣданіе, нарочно поставили на баллотировку какой-то очень важный вопросъ о какомъ-то очень дѣльномъ переустройствѣ въ городѣ.

Вопросъ былъ, конечно, отклоненъ единогласно. Сосчитали шары,—ровно 72 черныхъ.

Всѣ гласные налицо, и всѣ, по крайней мѣрѣ, по внѣшнему виду, имѣютъ на плечахъ голову!

Что за оказія?

Тогда рѣшили, что человѣкъ, публично показывающійся безъ головы, не кто иной, какъ журналистъ.

И ни кѣмъ инымъ даже и быть не можетъ.

На самомъ дѣлѣ!

Кому можетъ прійти въ голову мысль показываться въ обществѣ въ такомъ неприличномъ видѣ?

Кто еще можетъ не только легко и свободно обходиться безъ такого необходимаго украшенія, какъ голова, но даже и бравировать этимъ обстоятельствомъ, являться въ гостиныя, какъ будто говоря:

— Смотрите, молъ! Вотъ и безъ головы, — а это мнѣ ничуть не препятствуетъ!

Къ тому же извѣстно, что журналисты только и думаютъ, какъ бы кому-нибудь причинить какую-нибудь непріятность.

Такъ и рѣшили.

Визитирующій покойникъ такъ бы и былъ безо всякой съ его стороны вины зачисленъ въ журналисты, если бъ его званіе, какъ это вообще случается съ правдой, не было обнаружено совершенно нечаянно.

Замѣчено было, что весь городъ дуется на нѣкоего Ивана Ивановича Иванова.

Человѣка неопредѣленныхъ занятій, но весьма опредѣленнаго образа жизни: онъ круглый годъ только и дѣлалъ, что визиты.

И вдругъ на Новый годъ Иванъ Ивановичъ оказался передъ всѣмъ городомъ, прямо говоря, свиньею.

Всѣ были, даже какой-то визитеръ безъ головы заѣзжалъ, а Иванъ Ивановичъ не былъ.

И не только не былъ, но даже и карточки въ конвертѣ «Краснаго Креста» не прислалъ, что стоитъ всего десять копеекъ.

И не только все это съ безстыдствомъ, свойственнымъ невѣжѣ, продѣлалъ, но даже и потомъ не за-

ѣхалъ извиниться и объяснить, почему ни самъ не былъ, ни карточки съ крестомъ не прислалъ.

И послѣ всего этого пересталъ гдѣ бы то ни было показываться.

Тутъ-то всѣ и поняли, что странный визитеръ безъ головы былъ не кто иной, какъ Иванъ Ивановичъ.

Узнали даже, какъ это съ нимъ случилось.

У Ивана Ивановича, оказывается, было 666 визитовъ.

Онъ входилъ, кланялся, сидѣлъ, снова кланялся и уходилъ и отъ поклоновъ такъ отмоталъ себѣ голову, что она ужъ на 333-ьемъ визитѣ висѣла у него какъ на ниточкѣ.

Это было у Агаѳьи Ѳоминишны.

Агаѳья Ѳоминишна еще даже замѣтила:

— Смотрите, Иванъ Ивановичъ, съ этими визитами вы потеряете голову! Увѣряю васъ, что потеряете.

На что Иванъ Ивановичъ тонкимъ и пискливымъ голосомъ, — голосъ поневолѣ былъ тонокъ и пискливъ, разъ шея стала какъ ниточка...

На что Иванъ Ивановичъ тонкимъ и пискливымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Ничего-съ! Дѣло привычное!

И вотъ, въ одномъ домѣ, раздѣваясь въ передней, бѣдный Иванъ Ивановичъ вмѣстѣ съ цилиндромъ снялъ съ себя и голову.

Это не помѣшало, однако, обезглавленному войти въ гостиную

Что вполнѣ согласно даже съ выводами науки.

Извѣстно, напримѣръ, что пѣтухи, обезглавленные поваромъ, нѣкоторое время еще продолжаютъ бѣгать

по двору, имѣя голову висящею набекрень, какъ бы нѣкоторый, вовсе не нужный для живыхъ существъ, придатокъ.

Иванъ Ивановичъ въ данномъ случаѣ поступилъ совсѣмъ какъ пѣтухъ.

Онъ не только вошелъ въ гостиную, посидѣлъ пять минутъ, раскланялся точь въ точь такъ же, какъ будто онъ былъ съ головой, и ушелъ, но, уходя, даже взялъ остолбенѣвшую отъ ужаса горничную двумя пальцами за подбородокъ.

Словомъ, и безъ головы Иванъ Ивановичъ дѣйствовалъ такъ же, какъ будто онъ былъ человѣкомъ съ головой.

Это была несомнѣнная истина.

Хозяйка дома, какъ теперь оказывается, замѣтила у визитера даже голову, торчавшую изъ цилиндра но тогда не обратила на это вниманія, принявъ ее за носовой платокъ.

Итакъ, это, несомнѣнно, былъ Иванъ Ивановичъ!

Люди, особенно клявшіеся въ этомъ, говорили даже, будто визитеръ носитъ по гостинымъ свою голову подъ мышкой.

И даже будто бы даетъ цѣловать дамамъ.

Увѣряли, что они сами видѣли эту голову, узнали въ лицо и что это было, несомнѣнно, лицо Ивана Ивановича.

Но это было ужъ преувеличеніемъ.

Головы подъ мышкой Иванъ Ивановичъ развозить по гостинымъ, а тѣмъ болѣе давать цѣловать дамамъ никакъ не могъ, потому что онъ потерялъ эту голову на улицѣ.

Это тоже было теперь узнано.

Уѣзжая отъ Фунтиковыхъ, онъ встрѣтилъ по дорогѣ одного знакомаго, раскланялся съ нимъ, и въ это время выронилъ голову изъ цилиндра на мостовую.

Голову впослѣдствіи замѣтилъ городовой.

Онъ поднялъ ее, сказавъ:

— Должно-быть, какой-нибудь велосипедистъ обронилъ!

И за ненадобностью бросилъ бродячей собакѣ.

Собака голову съѣла, отравилась и заболѣла очень страннымъ бѣшенствомъ.

Начала бѣгать по всѣмъ дворамъ.

Вбѣжитъ, помахаетъ хвостомъ, тявкнетъ разъ и побѣжитъ дальше.

Теперь всѣ подлинно знали, кто такой визитеръ безъ головы.

Но отъ этого было не легче.

Визитирующій покойникъ продолжалъ свою дѣятельность.

Прошелъ первый, второй, третій день Новаго года,—кончились праздники, прекратились визиты и начались благотворительные балы, а обезглавленный визитеръ все еще продолжалъ дѣлать визиты, въ нѣкоторыхъ домахъ бывая даже по нѣскольку разъ въ день!

Что всего ужаснѣе,—отъ него не спасали даже запертыя двери.

Въ этомъ было что-то сверхъестественное.

Запертыя па замокъ двери онъ отворялъ преспокойно, какъ будто онѣ были просто притворены, входилъ въ гостиную, кланялся, сидѣлъ пять минутъ, снова кланялся и уходилъ.

Со смертью Иванъ Ивановичъ потерялъ, очевидно, не только жизнь, но и всю свою деликатность.

Ему говорили, что „господъ нѣтъ дома“, но безголоваго покойника это не останавливало.

Онъ шелъ по всѣмъ комнатамъ, отворяя всѣ двери, находилъ спрятавшихся хозяевъ, пожималъ мужскія руки своей ледяною рукой, а дамскія ручки поднималъ, какъ будто для поцѣлуя, но, конечно, не цѣловалъ за полнымъ отсутствіемъ головы и всего, что на ней находится.

Одну даму хорошаго общества онъ, по слухамъ, вытащилъ даже за ногу изъ-подъ кровати и просидѣлъ передъ нею пять минутъ, несмотря на то, что дама была такъ неодѣта, что поневолѣ должна была сказать:

— Pardon!

Такая дерзость визитирующаго покойника не могла, конечно, продолжаться далѣе.

Полиція приняла было свои мѣры, но ничего не могла сдѣлать, такъ какъ странствующему покойнику, за отсутствіемъ мѣстожительства, не могли вручить повѣстки.

Тогда рѣшили исправить покойника при помощи прессы.

Въ одинъ прекрасный день всѣ пять одесскихъ газетъ появились съ большими статьями, въ которыхъ онѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ порицали визитирующаго покойника.

Но какъ!

Никогда другъ друга гг. одесскіе литераторы не отдѣлывали такъ, какъ отдѣлывали теперь „визитера безъ головы“.

Всѣ пять хроникеровъ весьма тонко и не безъ остроумія замѣчали, что человѣкъ, ухитряющійся

являться въ общество безъ головы, — долженъ быть глупъ.

Это было сказано, въ виду статьи 1039-ой, конечно, значительно мягче, но истинныя намѣренія автора все-таки сквозили въ статьѣ.

Можно было догадаться, что онъ хотѣлъ сказать именно это, а не что-нибудь другое.

Словомъ, послѣ такихъ статей, да еще во всѣхъ пяти газетахъ, покойнику только и могло оставаться, что провалиться сквозь землю.

Статьи были таковы, что послѣ нихъ нельзя было никуда показать носа.

Но въ томъ-то и дѣло, что у визитирующаго покойника не было ни головы ни того, что на ней обыкновенно растетъ!

На слѣдующее утро всѣ пять хроникеровъ были, къ ужасу всего города, найдены за письменными столами безъ головъ.

Головы валялись тутъ же, въ корзинахъ для бумагъ, и, казалось, съ недоумѣніемъ таращили глаза:

— Ну, какъ-то теперь безъ насъ наши хозяева сочиненія сочинять будутъ?

Это было страшно.

Но страшнѣе всего было то, что передъ каждымъ обезглавленнымъ хроникеромъ лежало по четвертушкѣ бумаги, на которой, видимо, собственной кровью было написано;

„Это сдѣлалъ *онъ*. Спѣшимъ, однако, успокоить читателей, что это непріятное обстоятельство отнюдь не помѣшаетъ намъ ежедневно дѣлиться нашими замѣчаніями по поводу фактовъ текущей жизни“.

Это навело ужасъ на городъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ ему печатно указали на все неприличіе отсутствія головы, покойникъ, видимо, ожесточился и сталъ необычайно дерзокъ.

Начали повторяться ужасные случаи.

Покойника видѣли поздно ночью на Романовкѣ, на Пересыпи, на Молдаванкѣ.

Онъ безпокоилъ проѣзжихъ.

Становился сзади саней, на полозья, какъ это дѣлаютъ мальчишки, желая „покататься", бралъ проѣзжаго за голову, отрывалъ ее, разсматривалъ при лунномъ свѣтѣ и бросалъ.

Визитирующій покойникъ, затронутый замѣтками въ прессѣ, видимо, отыскивалъ свою голову.

Пока это случалось на Слободкѣ-Романовкѣ, на Пересыпи и Молдаванкѣ, еще все ничего, но когда покойникъ сталъ по вечерамъ появляться и на Дерибасовской, тогда на его вредную дѣятельность обратило вниманіе даже городское самоуправленіе.

Было назначено экстренное засѣданіе, хотѣли выбрать комиссію, которая съѣздила бы за границу и освѣдомилась, что тамъ предпринимаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

Но тутъ случилось происшествіе, которому трудно было бы даже повѣрить, если бы его не зналъ и о немъ не разсказывалъ весь городъ.

Едва приступили къ баллотировкѣ, въ залѣ появился покойникъ.

Прежде даже, чѣмъ тѣ успѣли это замѣтить, онъ оторвалъ всѣмъ до одного гласнымъ головы, побросалъ ихъ, какъ кегельные шары, въ кучу и удалился.

Въ иностранныхъ газетахъ появились корреспонденціи о томъ, что въ Одессу пріѣхалъ извѣстный Джэкъ-потрошитель и отрываетъ жителямъ головы, какъ головки редиски отъ травы.

Что онъ на-дняхъ еще обезглавилъ весь муниципалитетъ, „послѣ чего муниципальная дѣятельность приняла нѣсколько странный характеръ нѣкоторой неустойчивости во мнѣніяхъ“.

Въ городѣ началась настоящая паника.

Обезглавленные трупы считались десятками.

Очень часто поутру нельзя было пройти отъ головъ, которыя валялись по тротуарамъ и попадали пѣшеходамъ подъ ноги. Такъ что многіе служащіе городской управы стали опаздывать на службу.

Жители спѣшили выбраться изъ города.

Уѣхало даже нѣсколько ростовщиковъ.

Вообще неизвѣстно, что сдѣлалось бы съ городомъ, если бъ въ одинъ прекрасный день въ Одессѣ не появился вдругъ... Иванъ Ивановичъ.

Не только съ головой, но даже пополнѣвшій.

На всѣ вопросы:

— Нашли голову?

Онъ отвѣчалъ только изумленными взглядами и спѣшилъ, какъ это подобаетъ всякому человѣку съ головой, извиниться, что на новый годъ не могъ ни пріѣхать лично ни прислать карточки, такъ какъ наканунѣ долженъ былъ уѣхать въ деревню къ тяжко заболѣвшему дядѣ.

Но теперь, славу Богу, все устроилось, дядя умеръ, и онъ спѣшитъ воспользоваться случаемъ и т. д.

— А какъ же трупы? А гласнымъ кто жъ поотрывалъ головы?—спроситъ читатель.

Никто не отрывалъ.

Да и зачѣмъ отрывать гласнымъ головы? Развѣ онѣ имъ мѣшаютъ?

И труповъ ровно никакихъ не было.

Всю исторію „о визитерѣ безъ головы", какъ это потомъ оказалось, выдумалъ и пустилъ по городу одинъ хлѣбный контористъ, въ кондитерской Фанкони, отъ скуки, за отсутствіемъ дѣлъ.

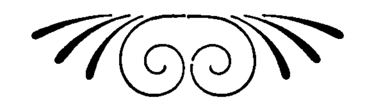
Можете себѣ представить, что ему за это потомъ было!

Городъ успокоился, хотя во многихъ домахъ все же перестали послѣ этого принимать Ивана Ивановича.

Это случилось именно въ тѣхъ домахъ, хозяева которыхъ особенно клялись, что „визитеръ безъ головы" былъ у нихъ и они узнали въ немъ Ивана Ивановича.

Такова страшная легенда.

Изъ нея читатели, быть-можетъ, увидятъ, какъ опасно дѣлать много визитовъ.

Визитеръ.

Визитеръ.

(изъ праздничныхъ воспоминаній.)

Ну-съ... Теперь немножко духовъ — и все. Посмотримъ, — и недуренъ! Лѣвый усъ чуть-чуть кверху. Готово!

Сначала по начальству

Дома? Принимаютъ? Вотъ вамъ рубль.

— И васъ такъ же.

Вашество! Съ великимъ... Нѣтъ, ужъ позвольте въ плечико. Обычай-съ... Вашество! Такая честь! Если ужъ вамъ такъ угодно... Къ вамъ, къ первымъ,—дѣвственныя, можно сказать, губы. Чмокъ, чмокъ, чмокъ-съ! Желаю въ добромъ здравіи... Не смѣю больше утруждать-съ. Имѣю честь-съ...

Вотъ старый чортъ! Цѣлуется куда-то на воздухъ. Такъ около носа что-то чмокаетъ. Ну, да мы свое наверстаемъ. Извозчикъ, направо къ подъѣзду.

Марья Петровна! Ручку-съ. Чмокъ, чмокъ, чмокъ. А Иванъ Николаевичъ? Ахъ, съ визитами! И давно ужъ выѣхалъ? Скажите пожалуйста, съ одиннадцати? А я къ вамъ, къ первымъ-съ. Начальство не считается-съ: долгъ службы. Какъ принялъ? У насъ съ нимъ, знаете, не офиціальныя, а такъ, скорѣе дружескія отношенія. Принялъ по-родственному, съ рас-

простертыми объятіями, расцѣловались,—ну, о дѣлахъ тамъ со мной посовѣтовался. Просилъ заѣзжать запросто. Думаю на-дняхъ заѣхать. Къ столу-съ! Охъ, знаете, ужъ не знаю-съ. Сорокъ два визита. Развѣ рябиновой. За ваше здоровье. Съ великимъ... Всего лучшаго. Иванъ Николаевичу поклонъ, пожалуйста.

Ручку-съ! Нѣтъ, ей Богу, ужъ увольте. 41 визитъ впереди, только что рябиновую пилъ... Честное слово, не могу! Ну, марсалы, пожалуй, только маленькую. Ваше здоровье-съ. Нѣтъ, ручку, ручку, ручку, — это ужъ вы меня извините! А отъ этого увольте! Я ужъ и рябиновой и марсалы... Вотъ пасочки сырной кусочекъ съ удовольствіемъ, а чтобы пить, — не могу. Ну, хересу пожалуй, хересъ —это не вредно! Есть ли силы человѣческія, чтобы вамъ отказать? Пасха — восторгъ! Вы находите, что по этому случаю нужно еще? Извольте, готовъ и еще, только я на этотъ разъ мадерки. Посошокъ? Могу и посошокъ! Ахъ, Ольга Васильевна! Есть ли еще такія дамы-угостительницы, какъ вы? До пріятнаго свиданія!

А-а, Василиса Аѳанасьевна! Мое почтеніе! Съ великимъ... Нѣтъ-съ, ужъ если пить, такъ очищенной-съ. Съ ветчинкой—чудесное дѣло. Великолѣпная ветчина. Отличная ветчина! Сразу видно, что іоркширская. Вѣдь въ ветчинѣ, что важно? Сокъ! Сокъ-съ! Ну, и очищенная ей тоже не вредитъ! Хе-хе-хе-съ! Попрошу другую! А ветчина — восторгъ! Съ тѣхъ поръ, какъ бессарабскіе помѣщики занялись свиноводствомъ, отличную ветчину имѣемъ. Вѣдь это мы такъ: ветчина, ветчина! Не обращаемъ вниманія. А въ ветчинѣ спасеніе Россіи. Да-съ, это вопросъ, я вамъ скажу, серьезный! Это вотъ какой вопросъ!.. Могу и еще рю-

мочку. По этому случаю могу. Потому что я, Василиса Аѳанасьевна, прямо вамъ признаюсь, патріотъ! На это такъ смотрѣть нельзя, сквозь пальцы. Ветчину нужно понимать. Почему, я васъ спрашиваю, сельскохозяйственный кризисъ! Потому, что пере-пере-перерезводство... виноватъ, не такъ... Перерреразводство... Тьфу, какое трудное слово! Знаете, это иногда со мной бываетъ. Хочешь слово — и вдругъ не выходитъ... Ну да вы меня понимаете! Пере это... пере... производство... вотъ оно, слово! Хлѣба... Потому что кому онъ нуженъ, хлѣбъ! Никому! Если его свиньямъ отдавать, такъ изъ этого ветчина выйдетъ. А ветчина — она 42 копейки фунтъ. Да-съ. Вотъ вы и сочтите! Вотъ вы возьмите бумагу, да и сочтите! Ну, въ другой разъ, такъ въ другой разъ! Это что! До свиданья-то, до свиданья, — а вы того... вы, что я вамъ говорилъ, не забывайте! Ветчина это штука!.. Я вамъ въ другой разъ это разовью подробнѣе... Я подробно... Подробно, вы не безпокойтесь... Я подробно... Дуракъ!.. Поѣзжай прямо. Скажутъ, когда нужно свернуть! Подробно скажутъ.

Стой!

Нѣтъ-съ, ужъ Марѳа Васильевна! Въ губы-съ! Это ужъ какъ вамъ угодно, — въ губы-съ! Обычай!.. Я, Марѳа Васильевна, прямо долженъ сказать, я человѣкъ русскій! Въ губы. Я человѣкъ русскій, я русскій человѣкъ, и если пить, такъ очищенную, потому что вѣдь я русскій. Я, Марѳа Васильевна, сегодня въ настроеніи разговорчивомъ. Я вамъ прямо скажу, я говорить... Я могу говорить.... Если бы меня въ гласные выбрали, я бы имъ показалъ, какъ говорятъ. И вашему мужу показалъ бы... Пить что!

Пить я могу, а только все-таки вамъ скажу, Мароа Васильевна... Мы съ вами одни, по-душѣ... Пить-то пью! Ваше здоровье, — а все-таки вашъ мужъ васъ не стоитъ Мароа Васильевна, позвольте я васъ по русскому обычаю. Не хотите? Не нужно. Pardon, не нужно! А все-таки онъ не гласный. Дуракъ вашъ мужъ, Мароа Васильевна, а все-таки не гласный... Позвольте, позвольте, позвольте! Почему жъ я не могу? Если онъ дуракъ? И я знаю, и вы знаете, и всѣ знаютъ. Дуракъ, дуракъ и дуракъ! Уйти я уйду, а все-таки онъ дуракъ. Ахъ, вы со мной не согласны, въ такомъ случаѣ до свиданья. Не ожидалъ я этого отъ васъ! Я ухожу, я ухожу! А ему скажите, что онъ дуракъ!.. Ду-ракъ!

Что такое? На лѣстницѣ кричать нельзя? Почему жъ нельзя? Ты кто такой? Ахъ, ты швейцаръ! Ну, на тебѣ рубль, если ты швейцаръ. Я швейцаровъ люблю. Они сыръ выдумали швейцарскій. Они умные. А баринъ, который въ пятомъ номерѣ живетъ, дуракъ! Такъ ему и скажи! Были, молъ, господинъ Ивановъ, велѣли поздравить и сказать, что вы дурракъ, дуррракъ, дуррракъ! Тьфу! Ты еще фамилію забудешь? Вотъ тебѣ моя карточка, подашь и скажешь: дуррракъ... Ну, а теперь подсади меня! Что это у тебя за экипажъ? Подножки шатаются! Ногой не шопадешь, дуракъ! А вотъ еще дуракъ по улицѣ идетъ!

Дуракъ!

Стой, палѣво!

Хорошенько стой!

Вотъ оселъ еще! Стоять на мѣстѣ не можетъ!.. Спасибо, любезный, что поддержалъ. На тебѣ рубль.

Я всегда даю рубль!.. Не надо больше поддерживать. Самъ дойду.

„*Дома, плинимаютъ*“. *Скажите пожалуйста, какая!* Ты кто же здѣсь? Ахъ, ты горничная! Скажите, Петръ Николаевичъ какихъ горничныхъ держитъ! Сейчасъ скажу Аннѣ Алексѣевнѣ, сейчасъ...

Анна Алексѣевна, съ праздникомъ! Съ праздникомъ!

За Петромъ Николаевичемъ смотрите! Вы знаете, какихъ Петръ Николаевичъ горничныхъ держитъ! У-ухъ! Меня не проведешь. Я вамъ сейчасъ скажу!.. Да погода что, погода дрянь, — а я вамъ про горничныхъ... И театръ вздоръ! Вы не перебиб... не перебиб... не пе-ре-би-вай-те! Я про горничныхъ вамъ! У-ухъ, я вамъ скажу, Петръ Николаевичъ, — я его вотъ какъ знаю! Онъ по дамской части вотъ какой ходокъ! Я ужъ знаю! Мы съ нимъ еще въ Грандъ-Отелѣ не одинъ разъ... Я вамъ разскажу сейчасъ.

А?? Что такое? Извиняется барыня? Голова заболѣла? Скажите, какъ внезапно! Ну, и пусть у нея голова болитъ. А я выпью и поѣду. Вотъ такъ! Выпилъ и поѣхалъ. А рюмку въ дребезги, потому что рюмокъ много! И другую въ дребезги! И третью!.. Хочешь итти ко мнѣ въ горничныя? Ахъ, ты и разговаривать не хочешь? Не нужно. Въ другой домъ поѣду, потому что я говорить хочу... Поѣзжай, потому что я говорить хочу! А почему я говорить хочу? Это тоже нужно понять! Это понять нужно... понять... пон... А? Что такое? Куда ѣхать! Дѣйствительно, я немножко задремалъ... Но ничего... Я еще говорить могу... Я еще поговорю... Я поговорю... Стой!

Агнесса Николаевна дома... Что такое?.. Гостей много? Тѣмъ лучше, что много гостей! Я и при

гостяхъ поговорю. Безъ тебя знаю, куда итти!.. Ахъ, это дѣтская? Ничего не значитъ, дѣти вырастутъ!..

Они, не безпокойся, они еще умнѣе насъ съ тобой будутъ... Вотъ дверь! Стой, какъ шкапъ? Зачѣмъ же ты меня въ шкапъ ведешь? Что я буду въ шкапу дѣлать? Человѣкъ въ шкапъ идетъ, а она не можетъ сказать! Какая же ты послѣ этого прислуга?! Ахъ, это не дверь? Что жъ это? Стѣна?! Почему же стѣну на дорогѣ выстроили? И здѣсь стѣна. Вездѣ стѣны!!! Куда жъ это я попалъ? Это застѣнокъ, а не передняя! Вездѣ стѣны! Карррраулъ!.. Карррраулъ!.. А потому и кричу, что выхода нѣтъ... Сейчасъ хочу выйти изъ этого дома... Человѣкъ заблудился, а вы... вы не можете указать дороги?.. Карраулъ! Ахъ, вотъ выходъ! Благодарю... Да вы не толкайтесь!..

Вы, милостивый государь, какое же имѣете право... Заперлись и толкаетесь... Нѣтъ-съ, я этого такъ не оставлю. Гдѣ дверь?.. Опять и здѣсь стѣны? Стѣна, стѣна и стѣна...

Вотъ такъ лѣстница! Чортъ его возьми и архитектора-то, который строилъ эту лѣстницу! Стѣны и лѣстница, и больше ничего! Поневолѣ человѣкъ падаетъ. Сейчасъ напишу на стѣнѣ ругательство! Пусть читаетъ архитекторъ!

Пошелъ прямо, дуралей!

Марья Петровна? Мое почтенье!.. Ахъ, я у васъ ужъ былъ? Ну, былъ, такъ былъ! Поѣдемъ дальше!

Стой!

Здѣсь. Аграфена Панкратьевна дома? Вотъ это дверь, сразу видно, что дверь. Дверь и иду! Что такое? Визитеровъ много? Я самъ визитеръ. Самъ!

А Аграфену Панкратьевну я уважаю, потому что у Аграфены Панкратьевны двери!

Господа, тостъ! Прошу молчанія. Панкратья Аграфеновна, урра!

Не хочу я сельтерской, что вы ко мнѣ съ сельтерской: незнакомый человѣкъ,—и съ сельтерской! Я за Аграфену Панкратьевну! Лей. Вотъ это что? Мадера? Красное, такъ красное, на полъ, такъ на полъ, все равно! А Аграфену Панкратьевну я уважаю! За двери ее уважаю! Аграфену понимать нужно! Аграфена, это—женщина! Съ темпераментомъ, со страстями женщина... Позвольте, позвольте, при чемъ же тутъ мой воротникъ? Почему вы меня берете за воротникъ!

Въ обморокъ упала? Аграфена въ обморокъ? Это у нея отъ страстей! И пусть лежитъ, я потомъ заѣду. А за шиворотъ меня держать нечего, я вамъ русскимъ языкомъ говорю, что за шиворотъ меня держать нечего... А то я васъ... Вотъ срамность, былъ человѣкъ, а стала дверь. Я и на дверь плюну,—и надпись „для писемъ и газетъ" сдѣлаю. Нечего вамъ въ газетахъ читать.

Марья Петровна! Какъ, былъ? Да что вы мнѣ все „былъ", „былъ", какъ ни заѣдешь, все „былъ". А я говорю, что не былъ... Ну, если вы такъ настаиваете, то я уйду! Я уйду! Но помните, Марья Петровна, это послѣдній разъ! Помните, Марья Петровна!.. И дверьми хлопать нечего. Помните!

Никаноръ Васильевичъ дома?.. Какъ здѣсь не живетъ никакого Никанора Васильевича? А я вамъ говорю, что онъ здѣсь живетъ!.. А я вамъ говорю, что живетъ!.. Долженъ жить! Который номеръ квартиры? Ахъ, а онъ въ пятнадцатомъ, это дѣло другого рода! Пятна-

дцатый этажомъ выше? Все равно, я здѣсь оставлю карточки, выше я подниматься не могу!.. Я не могу... Я не могу...

Елизавета Анисимовна... Какъ вы не Елизавета Анисимовна, когда у меня даже записано, что вы Елизавета Анисимовна?! Вонъ такъ и написано: „къ Елизаветѣ Анисимовнѣ“,—значитъ, вы Елизавета Анисимовна! Зачѣмъ же вы врете? Ахъ, вы Варвара Ефимовна! Ну, это дѣло другого рода! Зачѣмъ же вы сразу не сказали, что вы Варвара Ефимовна? Въ такомъ случаѣ я васъ поцѣлую! И горничную поцѣлую! Потому что обычай... Вы говорите, что это притолока, и притолоку поцѣлую,—обычай... Садиться! Сяду, но только я спачала кресло поцѣлую. Къ столу? И столъ поцѣлую. Это кто такой? Ахъ, это окорокъ? Отчего же онъ колется? Не бритый? Праздникъ, цѣловаться долженъ,—а онъ не бритый ходитъ! Сейчасъ... сейчасъ я его обрею... М-мыла, сейчасъ окорокъ будемъ брить! Нѣтъ мыла? Такъ мы его сливочнымъ масломъ! Масломъ его! А теперь ножикомъ? Р-разъ, р-разъ, р-разъ! Вдребезги? Вотъ я какъ! Я все вдребезги сейчасъ! Потому не бритые окорока.. Кричи, кричи, матушка моя!.. Вы тоже визитеръ? Ахъ, вы дворникъ? Ну, дворникъ, такъ дворникъ! Я съ дворникомъ поцѣлуюсь!

Ты знаешь, дворникъ, здѣсь, братъ, недоброкачественная провизія. Да ты не толкайся! Я тебѣ про обязанности говорю, а ты...

Я сейчасъ поѣду протоколъ составлять, онъ не смѣетъ такъ толкаться. Я знаю! Вотъ знакомые живутъ. Стой! У васъ тоже недоброкачественная провизія? Ветчина съ трихинами? Мертвыя рыбы въ какихъ-то жестянкахъ лежатъ? Вы заразу по городу разводите

Сейчасъ же облить керосиномъ и сжечь. Керосинъ сюда... Почемъ вы знаете,—можетъ, я санитарный смотритель? Можетъ, мои обязанности такія... Керосину!

Вотъ невѣжи, такъ ужъ, дѣйствительно, невѣжи! Къ нимъ съ праздникомъ, а они толкаютъ... Гдѣ шляпа? Вотъ шляпа... Извозчикъ! Душа человѣкъ! Ты одинъ меня возишь? Дай я тебя поцѣлую... Вотъ тебѣ списокъ. Вези! По порядку вези! Они всѣ, свиньи, толкаются, но я имъ покажу! Я имъ вѣжливость покажу! Пусть они будутъ свиньи, а я...

Что такое? Почему не принимаете? Былъ съ поздравленьемъ! Я вовсе ни съ какимъ не съ поздравленьемъ! Я пріѣхалъ сказать, что больше служить не желаю! Не желаю! Я къ нему съ поздравленьемъ, а онъ мимо носа цѣлуетъ! Онъ меня цѣловать не хочетъ, а я у него служить не желаю! Такъ и скажи: Ивановъ служить не хочетъ, потому что онъ не умѣетъ цѣловаться!

Дальше поѣдемъ! Я, братъ, теперь не служу! Я, братъ, теперь куда хочу, туда и ѣду! Кто вы такая? Отчего у васъ знакомое лицо? Ахъ, вы Марья Петровна? Что жъ вы ко мнѣ въ десятый разъ пристаете? Вы что? Цѣловаться со мной хотите, можетъ-быть? Шалите! Я человѣкъ женатый! Я не позволю... Вотъ съ человѣкомъ поцѣлуюсь, а съ вами нѣтъ! На зло! Человѣкъ, дай я тебя...

Ты зачѣмъ же въ такой домъ завезъ, гдѣ дерутся? А? Прямо поѣзжай! Стой! Вотъ красный домъ!

Кто здѣсь живетъ? Пафнутьевъ? Такого не знаю. А раньше кто жилъ? Варсонофьевъ? И Варсонофьева не знаю. Все равно. Доложи господамъ, что пріѣхалъ Ивановъ, и по обычаю...

Сударыня! Чмокъ, чмокъ, чмокъ, чмокъ, чмокъ, чмокъ... Ахъ, это ваша жена? Ну, и цѣлуйтесь съ ней, если это ваша жена... Въ участокъ? Ѣдемъ въ участокъ! Въ участокъ, такъ въ участокъ!

Вы околоточной надзиратель? Очень пріятно. Я околоточныхъ надзирателей люблю. Позвольте, я васъ поцѣлую. А это что такое? Протоколъ? Я и протоколъ поцѣлую. Вотъ вамъ! Чмокъ, чмокъ, чмокъ...

Городовой! Мы куда ѣдемъ? Ко мнѣ домой ѣдемъ? Поѣдемъ... А теперь мы гдѣ? Ахъ, у меня дома! Скажите, пожалуйста: отчего же здѣсь всего по двѣ штуки? Два дивана, два стола? Зачѣмъ такая расточительность? А кто эти двѣ дамы? Ахъ, это моя жена? Неужели? Почему жъ она въ двухъ экземплярахъ? Городовой, цѣлуй одинъ экземпляръ, а я буду цѣловать другой...

На этомъ воспоминанія „мученика визитовъ“ прекращаются.

Въ чистый понедѣльникъ.

Въ чистый понедѣльникъ.

Петръ Петровичъ проснулся довольно рано и, по принятому имъ послѣ праздниковъ обыкновенію, посмотрѣлъ въ зеркало.

Довольно странное лицо!

Гмъ... Гдѣ онъ видалъ это лицо?

Не то въ Альказарѣ, не то въ участкѣ... Удивительно странное лицо, а между тѣмъ какъ будто нѣсколько знакомое.

Гдѣ они встрѣчались?

Въ Альказарѣ? Нѣтъ. Въ Альказаръ такое лицо не пустятъ.

Должно-быть, въ участкѣ.

Петръ Петровичъ позвонилъ.

— Чортъ тебя знаетъ, за чѣмъ ты смотришь! Что это виситъ?

— Зеркало-съ.

— „Зеркало-съ"! А ты протри глаза-то. Вмѣсто зеркала палитру съ ученическаго бала повѣсилъ. Пьяницы!

— Никакъ нѣтъ-съ. Зеркало.

Гмъ... Должно-быть, и дѣйствительно зеркало, если увѣряетъ.

— А если зеркало, то, значитъ, грязное.

— Никакъ нѣтъ-съ. Чистое.

— „Чистое“. Пшелъ вонъ!

— Письма тутъ-съ.

— Положи и убирайся.

Петръ Петровичъ взялъ пиджакъ и протеръ зеркало.

Неряхи!

Ну-ка, теперь взглянемъ.

То-есть, шутъ его знаетъ, какъ эти зеркала дѣлаютъ.

Ничего похожаго!

Какое-то странное лицо, на которомъ красокъ хватило бы для цѣлой большой батальной картины.

Красная, синяя, желтая... Престранное лицо. Импрессіонистское лицо!

Ей Богу, словно импрессіонистъ взялъ да смѣхъ нарисовалъ! Тфу!

Петръ Петровичъ легъ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и началъ думать.

Удивительныя иногда бываютъ лица!

Букетъ какой-то на головѣ.

Онъ осторожно пощупалъ. Нѣтъ, голова, а не букетъ.

Престранно...

Петръ Петровичъ началъ вспоминать

Шутъ его знаетъ, никакъ не припомнишь.

Надо позвонить.

— Чего прикажете?

— Чаю давай. Не знаешь? Этакое глупое животное.

— Да вы сами авчирашняго числа изволили сказать, что вы чаю больше не пьете. Чтобъ васъ, значить, мятой по утрамъ поить...

— Мятой? Какой мятой?

— Потому, какъ вы говорили, что отъ васъ очинно винный духъ идетъ, и господа, которые акцизные, къ вамъ очинно за это пристаютъ. Вы авчера даже подъ кроватью акцизныхъ искали.

— Ты чего жъ улыбаешься, негодяй? Ты какъ смѣешь улыбаться? Искалъ, значитъ нужно было, если искалъ.

— Помилте, нешто я улыбаюсь? Мы никогда не согласны даже улыбаться...

— И не смѣй. Ничего смѣшного тутъ нѣтъ. Пошелъ къ чорту! Чаю...

Петръ Петровичъ прошелся по комнатѣ.

Гмъ... Акцизнаго искалъ. Это престранно: подъ кроватью акцизнаго искать!

И мяту хотѣлъ пить.

Никогда, кажется, такого удивительнаго желанія не являлось.

Хорошо бы спросить, какой сегодня день.

Неловко только какъ-то.

Петръ Петровичъ покосился на вошедшаго съ чаемъ лакея.

— Куда идешь? Стой.

— Чего жъ стоять? Чай подалъ. Комнаты убрать надоть.

— А я тебѣ говорю: стой.

— Слушаю-съ.

— Иванъ!..

— Что прикажете?

Нѣтъ, чортъ возьми, неловко.

— Ничего не прикажу!

Петръ Петровичъ прошелся по комнатѣ.

— Чего жъ ты молчишь, Иванъ?

— Мы Иванъ.

— Чего жъ ты молчишь? Тебя спрашиваютъ, а ты молчишь.

— Да вы ничего...

— Мало ли что ничего! Такъ бы понимать долженъ. Не первый годъ служишь. Ты много пилъ на масленицѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, что ты врешь. По лицу не видно, что пьешь? Сразу видно. Безобразіе! Пьютъ до того, что забывають, какой нынче день. Нарродецъ!

— Никакъ нѣтъ-съ.

— „Никакъ нѣтъ-съ". Ну, скажи-ка, скажи, какой нынче день?

— Да чего же я буду говорить, ежели знаю?

— А я тебѣ говорю, скажи.

— А мнѣ и говорить нечего. Знаю.

— А знаешь,—скажи.

— А мнѣ и говорить нечего. Вы и безъ меня знаете.

— Да что жъ это, секретъ, что ли? Что и сказать нельзя!

— Никакихъ секретовъ. А только не къ чему-съ.

— Ну, а если я тебя спрашиваю, что у тебя языкъ отсохнетъ сказать?

— Да не къ чему-съ.

— Иванъ!!! Я тебя какъ хозяинъ спрашиваю, какой сегодня день? Изволь отвѣчать, — или расчетъ. Понялъ?

— Понялъ-съ.

— Стань прямѣе. Не смѣй облокачиваться. Отвѣчай сейчасъ же. Какой нынче день?

— Понедѣльникъ.

— Экая грубая скотина! Гмъ... понедѣльникъ... Слава Богу, что хоть дни-то помните. Пьютъ до забвенья. Пьяницы. Пшелъ!

Петръ Петровичъ выпилъ стаканъ чаю и прошелся.

Этакій грубый народъ—эта прислуга.

Не можетъ хозяину самой простой вещи сказать.

— Иванъ!

— Что прикажете?

— Кто звонилъ?

— Еще писемъ принесли.

— Положи. Пшелъ.

Что это они расписались сегодня. Ну-ка, посмотрѣть, кто пишетъ.

Почеркъ знакомый. Дядя. А ну-ка, что?

„Презрѣнный племянникъ!"

Что такое?

„Презрѣнный племянникъ! Съ отвращеніемъ берусь за перо, чтобъ написать тебѣ эти строки. Ты, конечно, понимаешь и безъ нихъ, что послѣ того, что было, ноги твоей не должно быть у насъ въ домѣ".

Петръ Петровичъ даже глаза протеръ:

— Что онъ? Пьянъ, что ли, старый хрѣнъ?!

„Не должно быть въ домѣ. Я радъ, что хоть поздно, но узналъ, какого негодяя имѣетъ въ твоемъ лицѣ наша старая, почтенная фамилія. Явиться къ дядѣ въ домъ въ прощеное воскресенье, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ, и начать требовать отъ тетки, чтобъ она кланялась тебѣ въ ноги и просила прощеніе! Угрожать иначе разбить всѣ окна! Когда же тетка, по глупости своей и по смиренью, исполнила твое желаніе, боясь скандала, поклонилась тебѣ въ ноги,—ударить ее ла-

донью по спинѣ. Въ особенности, когда ты знаешь, что у нея болятъ почки. Какъ ты смѣлъ говорить ей, что ея болѣзнь называется „почками въ мадерѣ“. Увѣрять родную тетку, что она пьяна! И какъ увѣрять! Звать прислугу и кричать, что ты долженъ теперь совершить и пойти подъ судъ, потому что ты потомокъ алкоголиковъ, и твоя тетка пьетъ всю масленицу. Лишаю тебя званія моего племянника и тѣхъ трехсотъ рублей, которые тебѣ выдавалъ ежемѣсячно. Кстати же ты увѣрялъ, что въ нихъ не нуждаешься, потому что выигралъ двѣсти тысячъ...“

— Д-да! Вотъ оно что!

Петръ Петровичъ почесалъ затылокъ.

„Двѣсти тысячъ. Желаю тебѣ напиться на нихъ до бѣлой горячки, жаль, что меня не было вчера дома, чтобъ сказать тебѣ все это лично. А впрочемъ, заочно посылаю тебѣ свое дядинское проклятіе. Тетка тебя проклинаетъ. Дочь моя, а твоя бывшая двоюродная сестра, тебя проклинаетъ. Твой бывшій дядя, а теперь зложелатель, Ефимъ Приватовъ“.

Петръ Петровичъ вздохнулъ и взялъ другое письмо съ знакомымъ почеркомъ.

„Милостивый государь, Петръ Петровичъ! Ваши странные поступки заставляютъ меня отказать вамъ отъ дома и отказаться отъ хлопотъ относительно того мѣста, о которомъ вы меня просили. Сейчасъ же ѣду сказать, что я васъ больше не рекомендую. Согласитесь, что я правъ. Нельзя же взять дѣтей изъ порядочнаго дома, будто бы желая показать имъ что-то интересное, а вмѣсто того привести ихъ на Куликово поле и начать спрашивать: „видите ли вы бѣлыхъ слоновъ? Вонъ они гуляютъ“. Я рѣшительно не пони-

маю, откуда вы взяли, будто мои дѣти пьяны, и зачѣмъ вы ихъ въ этомъ увѣряли. Что за странное предположеніе! Допустимъ, кромѣ того, что вы дѣйствительно считаете меня, какъ вы выразились дѣтямъ, дуракомъ. Но если ужъ вамъ непремѣнно нужно объ этомъ говорить, то вы могли сказать лично мнѣ. Зачѣмъ же было говорить дѣтямъ? Что за странная фантазія гоняться за дѣтьми по Куликову полю съ намѣреніемъ ихъ высѣчь? Вы мотивировали это тѣмъ, что хотите ихъ наказать за пьянство. Но, повторяю вамъ, милостивый государь, мои дѣти такими пороками, слава Богу, не страдаютъ. Что же касается до вашего милаго обѣщанія непремѣнно, какъ вы изволили выразиться, „выпороть“ ихъ въ слѣдующій разъ, при первой же встрѣчѣ, то считаю своимъ долгомъ васъ предувѣдомить, что на этотъ счетъ мною приняты соотвѣтственныя мѣры. Съ дѣтьми отнынѣ ходитъ весьма надежнаго сложенія кучеръ, которому уже сообщено, чтобы онъ при первомъ же вашемъ появленіи отправилъ васъ въ участокъ. Примите, милостивый государь, мое увѣреніе въ совершенномъ моемъ изумленіи предъ вашими поступками. Семенъ Троглодитовъ“.

Петръ Петровичъ покачалъ головой и принялся за третье письмо съ знакомымъ почеркомъ.

„Милостивый государь! Надѣюсь, что вы уже больше не считаете себя женихомъ моей дочери. Моя Варенька никогда не выйдетъ замужъ за человѣка, который мажетъ зернистой икрой ея мамашу. Да-съ! Ваши поступки болѣе, чѣмъ странны. Если вамъ не нравились наши блины, вы могли ихъ не ѣсть. Васъ никто не заставлялъ. А мазать икрой голову хозяйкѣ дома, это

чортъ знаетъ что, милостивый государь. Зачѣмъ вы плюнули въ сметану? Ваше поведеніе не доказываетъ въ васъ благовоспитаннаго человѣка. Мнѣ и раньше не нравились ваши шутки и вашъ способъ развлекать дамъ. Спросите у любого благовоспитаннаго человѣка, и онъ вамъ скажетъ, что это въ высшей степени странно: стать въ дамскомъ обществѣ на четвереньки, начать лаять и кидаться на собаку. Я не говорю уже о разбитой во время этой возни любимой жениной китайской вазѣ. Но вы откусили бѣдному „Милорду" половину уха, загнавши его подъ диванъ. Несчастная собака теперь отправлена въ ветеринарную лѣчебницу. Это вовсе не такъ весело, какъ вы думаете. Но я смотрѣлъ на ваши штуки сквозь пальцы, думая: „Женихъ! Оригинальничаетъ". Начать, однако, за обѣдомъ выбрасывать въ форточку жареную рыбу—это ужъ не оригинальность, это чортъ знаетъ что, милостивый государь. Я радъ одному, что узналъ ваши истинныя намѣренія до вашей свадьбы съ моей дочерью. Очень благодаренъ вамъ за то, что вы любезно разъяснили намъ и нашимъ гостямъ, что берете, какъ вы выразились, „эту перезрѣлую дуру" исключительно изъ-за приданаго. Очень вамъ благодаренъ. Не понимаю только, зачѣмъ вамъ понадобилось сообщать при этомъ, сколько у васъ незаконныхъ дѣтей. Кому это интересно? И это вы осмѣлились называть „тостомъ за невѣсту". Я затрудняюсь пріискать вамъ приличное названіе, милостивый государь. И при всемъ этомъ вы смѣли говорить, что ваша невѣста, а моя дочь, пьяна! Вы нахалъ, милостивый государь! А горничная, которую вы при всѣхъ обнимали и увѣряли, что ее любите, мною сегодня же разсчитана. Можете съ ней

цѣловаться. Искренно презирающій васъ, Иванъ Ферефелкинъ".

Петръ Петровичъ принялся отыскивать письма съ незнакомыми почерками.

„Милостивый государь, г. Кочерыжкинъ! Ваше поведеніе въ благородномъ цвѣточномъ магазинѣ недостойно благороднаго и воспитаннаго человѣка и хорошаго покупателя, какимъ мы васъ считали до сихъ поръ. Прійти въ магазинъ и, пользуясь тѣмъ, что тамъ однѣ беззащитныя барышни-продавщицы, сѣсть въ корзину цвѣтовъ. Развѣ это возможно? Изъ-за этого намъ была непріятность, потому что корзина была приготовлена для поднесенія примадоннѣ. А вы сѣли. Развѣ можно садиться въ чужую корзину цвѣтовъ? Заказывайте свою, въ нее и садитесь. Что же касается до вашего требованія, чтобъ васъ поднесли въ корзинѣ вмѣстѣ съ цвѣтами примадоннѣ, то мои барышни сказали вамъ совершенную правду, что театральная комиссія этого не позволяетъ. Театральная комиссія, дѣйствительно, этого не позволяетъ. Я спрашивала. Напрасно вы обижали барышень, говоря, что онѣ пьяны. Наконецъ, опять-таки корзина была чужая. Закажите свою и подноситесь. А чужіе цвѣты благородные люди не мнутъ. Засимъ прошу васъ уплатить за шесть букетовъ, которые вы заказали для разныхъ дамъ, но считаю вамъ нужнымъ сказать, что ни одна изъ сихъ дамъ букетовъ не приняла, потому что, оказывается, онѣ съ вами незнакомы. Но только это, конечно, намъ все равно. А посему благоволите заплатить за испорченную корзину 60 рублей и за 6 букетовъ по 20 рублей — 120 рублей, а всего..."

Петръ Петровичъ не сталъ дочитывать и взялся за другое.

„Дружище Петька! Цѣлую твою глупую морду и спѣшу порадовать тебя: переѣзжаю къ тебѣ завтра. Спасибо, дружище, сразу видно, что ты истинный меценатъ и покровитель изящныхъ искусствъ. Позвать актера гостить на цѣлый постъ! Актеръ, братъ, это цѣнитъ! У актера—душа! А что насчетъ фрака, про который ты говорилъ, что онъ у тебя есть, то я его завтра же какъ пріѣду, такъ и заложу. Ты не безпокойся. Я, братъ, на эти дѣла мастеръ! Деньги пропьемъ, гдѣ хочешь. Это ужъ на твое усмотрѣніе. Вообще пересмотримъ весь твой гардеробъ. Что лишнее, все заложимъ. Тебѣ оставимъ одну пару да для меня одну оставимъ. А то моя поизносилась. Неловко будетъ къ твоимъ знакомымъ ходить. Еще денегъ взаймы давать не будутъ! Такъ и будемъ жить, какъ два брата. Спасибо, дружище, еще разъ. Признаться, безъ тебя было бы швахъ. Послѣ гастролей въ Крыжополѣ не зналъ, что въ Одессѣ и дѣлать. Городъ негостепріимный, въ ресторанахъ въ долгъ не даютъ и въ гостиницы не пускаютъ, хотя это съ ихъ стороны и очень глупо: всегда будутъ пустыя стоять, если никого пускать не будутъ. Думалъ ужъ было въ Москву итти, да вдругъ ты. Благородный человѣкъ и, кажется, въ тебѣ драматическій огонекъ есть. Я тобой займусь и изъ тебя человѣка сдѣлаю. Подожди лѣто, я тебя къ Сергѣеву, на Большой фонтанъ, играть опредѣлю. Слава, братъ, — высшее назначеніе почувствуешь. А что ты говорилъ, что я пьянъ, то это вѣрно. Пьянъ и горжусь. До скораго свиданія. Твой другъ, братъ и благодѣтель артистъ Россіевскій - Сальвининчукъ“.

Петръ Петровичъ взялся за слѣдующее письмо.

„Нареченный зять мой и благороднѣйшій изъ смертныхъ! Съ неизъяснимымъ чувствомъ прижимаю тебя къ своей отеческой груди и увѣдомляю, что мы всѣ, всѣмъ семействомъ, завтра же переѣзжаемъ къ тебѣ. Благородный, ты не будешь одинъ. Мы сумѣли оцѣнить и понять тебя. Попавъ по ошибкѣ въ чужую квартиру, предложить, ни слова не говоря, руку и сердце престарѣлой, болѣзненной дѣвицѣ, обремененной семью незаконными дѣтьми, — въ нашъ меркантильный вѣкъ не всякій на это способенъ. Если бы не твоя расписка, въ которой ты обѣщаешься жениться на моей дочери, я бы самъ не повѣрилъ твоему благородству, несмотря на то, что ты стоялъ передо мной на колѣняхъ и просилъ моего благословенія. Небо да благословитъ тебя. Семь малютокъ благословляютъ тебя отъ глубины своихъ незаконныхъ сердецъ. Ты будешь имъ отецъ, а я — тебѣ. А какою женой тебѣ будетъ моя дочь, какъ разъ тебѣ подъ стать. Какъ она поетъ! Ты это тогда вѣрно замѣтилъ, когда дѣлалъ предложеніе, что мы всѣ выпивши. Это, братъ, у насъ фамильное. Меня за это и со службы выжили. До скораго свиданія. Мы всѣ тебѣ кланяемся, кромѣ моей жены, а твоей будущей тещи: она кланяться не можетъ, потому что сильно выпивши. Какая женщина! Ты ее полюбишь какъ мать. Засимъ остаюсь нареченный тесть твой, отечески любящій тебя, отставной четырнадцатаго класса чиновникъ Акакій Елпидифоровъ“.

Съ Петра Петровича катился холодный потъ.

Онъ вскрылъ форменный конвертъ съ печатью какого-то трезваго общества.

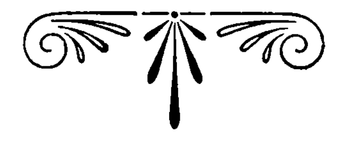
„Милостивый государь! Ваше, хотя и очень позднее, появленіе у меня и выраженное вами желаніе сдѣлаться членомъ нашего трезваго общества доставили мнѣ большое удовольствіе. Я охотно предложу васъ въ члены нашего общества и увѣренъ, что вы будете избраны, тѣмъ болѣе, что ваша манера разговаривать и выраженія, которыя вы при семъ употребляете, какъ нельзя болѣе подходятъ къ дебатамъ нашего общества. Въ виду сего я сегодня въ 12 часовъ буду имѣть честь быть у васъ...“

Петръ Петровичъ посмотрѣлъ на часы.

Было безъ четверти двѣнадцать.

Онъ досталъ хорошій шелковый шнурокъ отъ портьеры, подставилъ столъ, снялъ фонарь, прикрѣпилъ къ крючку шнурокъ, сдѣлалъ петлю, надѣлъ на шею и вытолкнулъ ногами столъ.

Когда пробило двѣнадцать, онъ уже висѣлъ.

ЧАСЫ.

Часы.

Это были превосходные золотые часы.

Если бъ не было такъ далеко итти въ ссудную кассу, я могъ бы даже сказать вамъ, какого они мастера.

Покупайте часы только этой фабрики: они превосходны, точны, вѣрны, ходятъ минута въ минуту, секунда въ секунду.

Я купилъ ихъ, получивши какъ-то сразу крупный кушъ гонорара.

Превосходные часы, удивительно точно показывавшіе время.

Вотъ, напримѣръ, г. редакторъ.

Онъ просилъ подождать меня „пять минутъ“, и эти пять минутъ растянулись въ цѣлыхъ тридцать двѣ.

Меня заставляютъ ждать „больше полчаса“.

Кажется, меня раньше никогда не заставляли ждать такъ долго.

Бывало, придешь, возьмешь газету, только что заинтересуешься какою-нибудь статьей, — глядишь, редакторъ и выходитъ.

Тридцать три минуты... тридцать четыре...

Терять такую массу времени на какое-то ожиданіе!

Да я за это время успѣлъ бы написать цѣлый фельетонъ!

Тридцать пять... тридцать шесть...

Да неужели я сталъ такимъ ненужнымъ, малоцѣннымъ сотрудникомъ, что меня заставляютъ торчать чуть не по часу изъ-за какого-то пустячнаго разговора въ три минуты?

Что за возмутительная манера такъ безцеремонно обращаться съ чужимъ временемъ!

Тридцать семь... Тридцать восемь...

Какъ это понять, наконецъ?

Что это? Желаніе показать, что меня третируютъ?

Неужели мои статьи стали не интереснѣе?

Мои мысли глупѣе? Мои выраженія менѣе красивы, оригинальны?

Надо посмотрѣть свою сегодняшнюю статью.

Статья, какъ статья.

Однако, уже сорокъ пять минутъ... сорокъ шесть...

Это слишкомъ!

Неужели я исписался, сталъ вялымъ, скучнымъ, не интереснымъ, не нужнымъ?

Дошелъ до того положенія, когда нашего брата выкидываютъ какъ старый стоптанный башмакъ или выжатый лимонъ?

Сорокъ семь... сорокъ восемь...

Ну, нѣтъ-съ! Мы еще побьемся, г. редакторъ.

Если я кажусь такимъ ненужнымъ вамъ, что вы позволяете себѣ заставлять меня по часу ждать въ своей пріемной, мы посмотримъ, что скажутъ въ другой газетѣ.

— Мы сведемъ этотъ маленькій счетъ, г. редакторъ!

Сорокъ девять... пятьдесятъ...

Я надѣваю шляпу и ухожу.

— Можешь сказать, сторожъ, г. редактору, что я ждалъ его цѣлыхъ пятьдесятъ минутъ.

— Но они сейчасъ выйдутъ.

— Цѣлыхъ пятьдесятъ минутъ!

Прощайте, г. редакторъ.

Ого! Жена уѣхала въ два, а теперь пять.

Нельзя же по три часа сидѣть у портнихи.

Престранная портниха!

Вчера три часа! Сегодня три часа!

Итого одна восьмая часть жизни уходитъ только на одну примѣрку платьевъ.

Какая, однако, пустая женщина эта самая моя жена!

Странно, какъ я не замѣчалъ этого раньше! И на кой шутъ я женился?

Еще полчаса. Три съ половиной часа!

Вы думаете, сударыня, что, какъ и всегда, вы уходите, а я сижу и пишу, что время уходитъ незамѣтно, и вы, по обыкновенію, защебечете, влетѣвъ домой:

— Всего какихъ-нибудь полтора часа!

А я, какъ дуракъ, вамъ повѣрю и самъ извинюсь шуткой:

— Вотъ видишь, мой другъ, мы уже два года женаты, а для меня все еще время тянется безъ тебя невыносимо долго.

Какъ бы не такъ, сударыня!

Я вѣрю въ портнихъ, у которыхъ сидятъ по два часа.

Я готовъ вѣрить въ портнихъ, у которыхъ иногда слышите ли, иногда, сидятъ по три часа.

Но, повѣрь, въ портниху, которая тратитъ на примѣрку каждаго сшитаго ею платья по четыре часа въ день, извините, я не могу повѣрить.

Такая портниха давнымъ-давно умерла бы голодною смертью.

Довольно-съ.

Знаемъ мы этихъ портнихъ!

Я самъ разъ сорокъ въ жизни былъ тоже „портнихой“.

Довольно. Больше меня не проведете, какъ проводили раньше.

Боже, какого дурака, какого идіота игралъ я, когда сидѣлъ и работалъ въ то время, когда она тамъ бѣгала по пассажамъ, хлопотала о новомъ платьѣ, чтобы больше понравиться своему...

Ого! Четыре часа съ четвертью!

Еще четверть часа, и я тоже отправлюсь къ „портному“.

Нѣтъ, лучше подожду.

Будетъ интересно послушать, что станетъ врать эта дрянь.

Работать цѣлые дни, за работой проводить безсонныя ночи и не имѣть возможности сдѣлать себѣ ничего, все тратить на ваши тряпки.

Смѣшно и стыдно сказать! Я только на-дняхъ могъ случайно купить себѣ золотые часы!

Да и то вы, кажется, посмотрѣли на нихъ такимъ взглядомъ, словно хотѣли сказать:

— Лучше бы я сшила себѣ новое платье!

Ага, звонокъ! Ну-съ, сколько времени вы изволили быть у вашей „портнихи“?

4 часа 37 минутъ.

— 4 часа 37 минутъ, сударыня! Не потрудитесь ли вы мнѣ объяснить, кто изъ моихъ друзей занялся ремесломъ „портнихи“?

Она смотритъ на меня изумительными глазами. Это бѣситъ меня окончательно.

Она считаетъ меня такимъ дуракомъ, что даже изумляется, какъ это я могъ прозрѣть?!

— Не смѣйте запираться, сударыня. Не трудитесь лгать. Я не повѣрю ни слову. 4 часа 37 минутъ у портнихи! Ха-ха-ха! Я всегда считалъ васъ глупою, пустою женщиной, но, простите, я слишкомъ все-таки лестнаго мнѣнія о вашемъ умѣ, чтобы предположить, что вы способны 4 часа 37 минутъ просидѣть у портнихи! Еще разъ: кто онъ, этотъ „господинъ портниха“?

Она смотритъ на меня злыми глазами.

Она такъ же зла, какъ и ничтожна, эта дрянь, которая треплетъ мое имя.

— Послушай... ты... дуракъ...

— А?.. Я знаю, что я давно уже дуракъ... Но, извините, больше имъ я уже не буду... Нѣтъ-съ... Довольно-съ. Можно быть глупымъ два года, но поумнѣть въ 4 часа 37 минутъ, вообразите, возможно...

— Послушайте, вы! — вскрикиваетъ, наконецъ, она. Помните, что эти неосновательныя подозрѣнія только толкаютъ женщину...

Она уходитъ, хлопнувъ дверью.

Я готовъ былъ бы разорвать эту дрянь. Но въ то же время у меня является мысль:

А вдругъ это правда? И я только толкаю ее къ тому, чего еще нѣтъ? Она такъ любитъ наряжаться. Вдругъ она на самомъ дѣлѣ была у портнихи...

— 4 часа 37 минутъ! — насмѣшливо тикаютъ часы въ жилетномъ карманѣ.

— Нѣтъ! Это невозможно! — рѣшаю я и хватаюсь въ безсильной ярости за голову.

Какъ меня дурачатъ!

Да что же это, наконецъ?

Неужели я такъ-таки и вышелъ въ тиражъ погашенія?

Въ редакціи меня заставляютъ ждать по 50 минутъ, дома сижу одинъ по четыре съ половиной часа и здѣсь долженъ шляться по тротуару этого глухого переулка по двадцати минутъ?

Странно. Вѣдь это всего восьмое свиданіе.

Я помню, въ первый разъ я не успѣлъ, кажется, взойти на этотъ тротуаръ, какъ на другомъ концѣ его увидѣлъ быстро идущую закутанную женскую фигуру.

Да и потомъ... Ну, бывало, пройдешь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, отъ скуки начнешь считать прохожихъ, не сочтешь и до двадцати, какъ она приходитъ...

А теперь...

Ого! Ровно полчаса!

Да и вообще она уже не та... Но этого еще не было: заставлять ждать цѣлыхъ полчаса!

Что жъ это—„начало конца“?

И такъ скоро? Всего восьмое свиданіе.

Я съ каждымъ свиданіемъ увлекаюсь все сильнѣе и сильнѣе. А она... какъ, должно-быть, она смѣется надо мною въ душѣ! Даже, быть-можетъ, жалѣетъ меня.

Жалость!.. Фу, какое мерзкое чувство!

Ну, нѣтъ-съ! Я еще не дошелъ до того, чтобы выпрашивать поцѣлуи изъ жалости.

Въ этой исторіи вамъ не придется смѣяться послѣдней. И если этому маленькому роману суждено такъ скоро кончиться, закончу его я, а не вы.

35 минутъ, сударыня, и я ухожу.

Можете здѣсь дожидаться, не дождаться, злиться выходитъ изъ себя,—что угодно, но я ухожу.

Вовсе не желаю увеличивать собою число вашихъ, несчастныхъ поклонниковъ

35 минутъ. Этого достаточно. И если я еще останусь ждать, мои часы начнутъ насмѣшливо выстукивать:

— 36... 37... 38... 39...

— Я не желаю выслушивать „дурака“ отъ своихъ часовъ.

Вы видите теперь, милостивые государи, какъ я мучился.

Но вотъ уже недѣля, какъ я опять спокоенъ и веселъ.

Въ сущности редакторъ—милый малый. Ну, что же, если онъ иногда занятъ и приходится немножко подождать? Прочитаешь, по крайней мѣрѣ, двѣ-три лишнія газеты и всегда найдешь въ нихъ что-нибудь интересное.

Глупо устраивать сцены изъ-за того, что такая миленькая, хорошенькая женщина любитъ хорошо одѣваться. Въ сущности ей, должно-быть, ужасно скучно. когда я сижу и пишу фельетонъ. Это даже очень мило. Пока я пишу, она сидитъ у портнихи. И сама не скучаетъ и мнѣ не мѣшаетъ.

Я выпросилъ прощеніе за то, что тогда такъ глупо удралъ со свиданія. У насъ все идетъ превосходно. Я больше не дѣлаю глупостей и, ожидая моей хорошенькой мучительницы, въ которую я влюбляюсь все сильнѣе и сильнѣе, считаю отъ скуки прохожихъ въ этомъ глухомъ переулкѣ. Не успѣешь насчитать и десяти, какъ она приходитъ. Я счастливъ, я спокоенъ, какъ — говоря поэтическимъ языкомъ — спокойно и безоблачно „небо нашей любви".

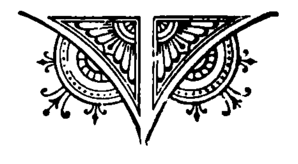
А знаете, почему со мной произошла эта перемѣна?

Недѣлю тому назадъ я заложилъ свои проклятые часы.

„Счастливые часовъ не наблюдаютъ".

Если хотите быть счастливы, не „наблюдайте" вашихъ часовъ.

Пусть за ними наблюдаютъ содержатели ссудныхъ кассъ.

Мужья.

Мужья.

(Комедія для семейной сцены.)

Онъ (*входитъ во фракѣ. Стараясь не смотрѣть на горничную*). Барыня встала?

Горничная. Да онѣ и не ложились. Такъ, какъ были, и заснули въ креслѣ. Пока еще и не звонили.

Онъ. Ступай! (*Горничная уходитъ.*) Даже не ложилась! (*Глубокій вздохъ. Смотритъ на часы.*) Половина одиннадцатаго! Возвращаться домой утромъ, во фракѣ. Стыдъ, срамъ, позоръ! (*Подходитъ къ зеркалу.*) Не дуренъ, нечего сказать! Рубашка измята. Галстукъ измятъ. Фракъ измятый. Лицо измятое... И половина одиннадцатаго утра! Господи! (*Хватается за голову и падаетъ въ кресло.*) Имѣть такую жену, красавицу, умницу, изящную, элегантную женщину и увлечься какой-то намазанной француженкой, искательницей приключеній, которая пріѣхала въ Одессу, остановилась въ Грандъ-Отелѣ и выдаетъ себя за артистку... Знаемъ мы этихъ артистокъ! Тфу! Вспомнить даже противно! (*Вскакиваетъ и начинаетъ быстро ходить по комнатѣ.* А все эти ужины! Выдумали устраивать каждый мѣсяцъ какіе-то „товарищескіе ужины“! Въ цѣляхъ единенія! Пьянства, а не единенія! „Выпьемъ, холоднень-

каго?“ —„Выпьемъ!“—„За ваше здоровье, коллега!“—„За ваше!“—Вотъ вамъ все единеніе. „Долбанемъ еще по единой!“ Обмѣнъ рюмки, а не мнѣній! И на кой чортъ, спрашивается, мнѣ знать ихъ мнѣнія? Если бы ихъ не было,—у меня практики было бы больше. Если бы меня не было, —у нихъ было бы больше практики. Вотъ и всѣ наши мнѣнія другъ о другѣ! И потомъ эти дурацкія штуки, плоскія остроты, глупыя рѣчи! Встанетъ иной дуракъ, три четверти часа говоритъ! Поневолѣ напьешься. Тосты! Ни капли искренности, все поддѣльно, фальшиво, какъ зубы и волосы этихъ стариковъ, предлагающихъ тосты за единеніе, за традиціи корпораціи, за молодое поколѣніе, за alma mater,—за все, за что угодно, только бы было за что выпить! Тфу! И послѣ всѣхъ этихъ стремленій „впередъ“—стремленіе въ „Грандъ-Отель“, въ кабинетъ, къ токайскому. Господинъ, провозглашавшій тостъ „за русскую женщину“, знакомъ съ пріѣзжей француженкой. Пилъ за уваженіе къ женщинѣ, а разсказываетъ про нее такія вещи, что уши вянутъ!.. То-есть что у трезваго, если онъ послушаетъ, уши вянутъ. А спьяна — ничего, слушаешь. Фантазія разыгрывается. Знакомишься! Съ дрянью! Съ размалеванной, намалеванной тварью... И я ее цѣловалъ! Да еще какъ цѣловалъ! Чортъ знаетъ, что, только переводъ денегъ! (*Вынимаетъ бумажникъ.*) Сто, двѣсти, двѣсти двадцать пять, двѣсти двадцать восемь... Трехсотъ семидесяти двухъ какъ не бывало! Это называется ужиномъ по пятнадцати рублей съ персоны! А, Господи! Еще триста, пятьсотъ, тысячу бы далъ, только бы этого не было! Тошно, мерзко, гадко вспомнить! Ну, какъ, съ какими глазами я по-

кажусь теперь женѣ? Гдѣ былъ? Увлекся какой-то намазанной дрянью! А все кабацкое воспитаніе! По трактирамъ да по кафешантанамъ! Вотъ и не сидится дома, въ тихой, милой, мирной обстановкѣ, за чайнымъ столомъ, съ хорошенькой, изящной, скромной женой, съ интересной книгой, которую читаешь вслухъ,—хорошо такъ! (*Снова схватываясь за голову.*) О Господи! Сколько бы я отдалъ, чтобъ только быть вчерашній вечеръ дома!.. Такъ нѣтъ же! Видите ли, захотѣлось „стариной тряхнуть", „воздуху взять", „встряхнуться". Это съ намазанной-то француженкой встряхнуться! Да, ее если встряхнуть, такъ съ нея, я думаю, штукатурка кусками посыплется. Ноги отдавитъ! И промѣнять на нее Зину, мою Зину, Зинушу!!! (*Смотритъ на карточку жены и хочетъ поцѣловать. Изъ комнаты жены слышенъ звонокъ. Онъ вздрагиваетъ.*) Проснулась, моя голубка!.. Теперь навѣрное, спрашиваетъ: „Баринъ вернулся?"—„Вернулся". — „Давно?" — „Полчаса тому назадъ, во фракѣ". (*Утирая слезу.*) Каково это ей, моей бѣдняжкѣ? Пойти хоть пока фракъ снять. Все-таки не такъ стыдно. Утро—и во фракѣ. (*Хочетъ итти. Ручка двери повертывается. Онъ застываетъ на мѣстѣ и съеживается. Входитъ горничная.*)

Онъ. Чего тебѣ?

Горничная. Барыня приказали тутъ ихъ портретъ взять. Онѣ вещи укладываютъ. (*Беретъ портретъ и хочетъ уйти.*)

Онъ. Стой! Поставь здѣсь! Иди! (*Горничная ставитъ портретъ на прежнее мѣсто и уходитъ.*) Однако! Даже вещи укладываетъ! Это становится серьезнымъ... Ну, уѣхать-то она, положимъ, не уѣдетъ. Но объясненіе предстоитъ... О Господи! Пронеси только эту

исторію. Пойти фракъ перемѣнить. (*Снова хочетъ итти, но ручка двери снова вертится. Онъ снова застываетъ на мѣстѣ и окончательно съеживается. Входитъ жена.*)

Она (*молча идетъ къ столику, гдѣ стоитъ карточка*).

Онъ (*бросается туда же и успѣваетъ взять карточку раньше*). Зина!

Она. Отдайте мнѣ мою карточку.

Онъ. Зина! Зиночка!! Зинуша!!!

Она. Такъ вы не хотите мнѣ отдать мою карточку? Нѣтъ?

Онъ. Зиночекъ!!!

Она. Нѣтъ? (*Хочетъ уйти.*)

Онъ (*преграждая ей дорогу*). Зиночка, Зинуша, дай мнѣ хоть сказать тебѣ! Ну, ты уѣдешь, но только выслушай меня... Вѣдь самому тяжкому преступнику, фальшивомонетчикамъ, клеветникамъ, которые за то и подъ судъ попали, что врутъ, и тѣмъ даютъ говорить. Выслушай!

Она. Мнѣ нечего слушать. Я знаю, гдѣ вы были.

Онъ. Тѣмъ лучше, если ты знаешь! Вѣдь не станешь же ты уѣзжать только потому, что твой мужъ засидѣлся у Петра Ивановича!

Она. До утра, во фракѣ у Петра Ивановича!

Онъ. Во фракѣ—потому что мы поѣхали къ нему послѣ обѣда. До утра, потому что всѣ сидѣли... Зинуша! (*Хочетъ подойти къ ней.*)

Она. У Петра Ивановича? А скажите, откуда жъ это у васъ на фракѣ рыжій волосъ? Тоже отъ Петра Ивановича?

Онъ. Волосъ? Какой волосъ? Никакого волоса нѣтъ... Ахъ, да, дѣйствительно, волосъ. Чортъ его

знаетъ, откуда взялся этотъ волосъ?! Можетъ - быть, твой, или Акуля... когда чистили.

Она. Рыжій волосъ? Когда я брюнетка, а Акуля шатенка. Пустите меня! Вы низкій, вы гадкій, вы подлый человѣкъ! (*Хочетъ уйти.*)

Онъ (*въ сторону*). Вотъ когда все виситъ на волоскѣ! (*Снова заграждая ей дорогу.*) Но вѣдь Петръ Ивановичъ, ты знаешь, человѣкъ холостой. Мало ли какія у него тамъ могутъ быть рыжія, черныя, всякія. Сидятъ на диванахъ... Ну, сядешь на то же мѣсто,—и пристанетъ! Вѣдь не станешь же ты дѣлать меня несчастнымъ изъ-за того, что у Петра Ивановича знакомыя какія-то рыжія женщины! (*Становится передъ ней на колѣни.*)

Она. Пустите. Вы низкій человѣкъ. Вы мнѣ измѣняете!

Онъ. Господи, да съ кѣмъ? Съ кѣмъ? Что это за предразсудокъ, наконецъ, что измѣнять можно только ночью! Какъ будто не существуетъ для этого дня. Нѣтъ, непремѣнно ночью, исчезая изъ дома, скандализируя, выдавая себя! Да съ кѣмъ, наконецъ? Съ кѣмъ, я тебя спрашиваю? Пересчитай всѣхъ нашихъ знакомыхъ дамъ, за которыми я, по твоему мнѣнію, могу ухаживать? Какая изъ нихъ можетъ исчезнуть изъ дома въ эти часы! Вѣдь, я надѣюсь, не станешь же ты меня подозрѣвать въ измѣнѣ съ какой-нибудь авантюристкой. Я надѣюсь, ты не считаешь меня на это способнымъ...

Она. Кто васъ знаетъ!

Онъ (*укоризненно и вставая съ колѣнъ*). Зина!.. Ты можешь мнѣ говорить, что тебѣ угодно, но только не это... Ты можешь оскорблять меня, какъ хочешь, но

только не такъ... Этого, Зина, я отъ тебя не ожидалъ. (*Ходитъ по комнатѣ.*) Не ожидалъ... не ожидалъ...

Она (*въ сторону*). Кажется, я, дѣйствительно, немножко хватила лишнее. (*Къ нему.*) Гдѣ же вы были? Вы хотѣли объяснить.

Онъ (*обиженнымъ тономъ*). Говорю же тебѣ, у Петра Ивановича. Сначала на обѣдѣ, потомъ рѣшили всѣ къ нему итти... А то, понимаешь, неловко въ ресторанѣ долго сидѣть. Въ газетахъ еще опять напишутъ: „дружеская бесѣда затянулась далеко за полночь". Читатели скажутъ: „Знаемъ мы эти дружескія бесѣды!" Честь корпораціи... Вотъ и пошли къ Петру Ивановичу. Болтали, играли въ карты. Ну, понимаешь, неловко было уйти. Товарищеская компанія. Скажутъ: „Гордецъ". Ну, и ложное самолюбіе тоже. Подумаютъ: „У жены подъ башмакомъ". Еще про тебя судачить станутъ: „мегера", „мужъ ее боится"... Не хотѣлъ, чтобы про тебя же говорили. Вотъ и сидѣлъ. Не хотѣлъ, а сидѣлъ!... Да ты сама у Петра Ивановича спроси!

Она. И Петръ Ивановичъ твой скажетъ неправду. Вы всѣ заодно! Онъ холостой! Вотъ если бы онъ былъ женатый, тогда другое дѣло,—я бы отъ жены всю правду узнала. Мы, женщины, тоже всѣ заодно. А теперь почему я знаю, правду скажетъ Петръ Ивановичъ или нѣтъ?

Онъ. Ну, это же становится, наконецъ, невыносимо! Ну гдѣ же я могъ до утра, кромѣ Петра Ивановича? Назови, гдѣ? (*Смягчаясь и беря ее за руку.*) На кого я промѣняю тебя, мое золото, моя крошка, мое сокровище, моя цыпочка...

Она (*не отнимая руки*). Пожалуйста, безъ нѣжностей

Онъ. Моя милая дѣтка, моя красавица, моя маленькая, моя крошечная женка, моя Зиночка, Зиночекъ, Зинуша, Зизизюнчикъ. (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ голову.*)

Она (*слабо защищаясь*). Вотъ всегда такъ! Провинишься, а потомъ нѣжничаешь! Въ другое время, небось, не нѣжничаешь!

Онъ (*окончательно привлекая ее къ себѣ*). Вотъ, значитъ, и нужно, чтобы я былъ иногда немножко виноватъ! Моя кошечка, мой цыпленочекъ, моя жизнь, божество, сокровище!.. Вѣдь ты меня любишь? Любишь? Ну, говори!

Она. Перестань пожалуйста! Довольно!.. Перестань, говорятъ тебѣ.

Онъ (*закрывая ей ротъ поцѣлуемъ*). Любишь, любишь, любишь! Мнѣ и въ карты не везло, потому что ты меня любишь! Видишь, какъ нехорошо любить своего мужа, моя маленькая кошечка! Ужасно не везло въ карты.

Она. И много ты проигралъ?

Онъ (*припоминая*). Триста... триста... триста восемьдесять два рубля.

Она. Ой-ой-ой!

Онъ. Но вѣдь ты же виновата, моя крошка. Счастливъ въ любви—несчастливъ въ картахъ!

Она. Это вамъ будетъ хорошимъ урокомъ въ другой разъ. Не играйте въ карты по цѣлымъ ночамъ, если имѣете жену, которая васъ такъ любитъ! Да-съ! Но вы еще мало наказаны, милостивый государь. Вы заставили вашу бѣдную, маленькую жену спать въ креслѣ, не раздѣваясь, и должны за это сдѣлать новое платье.

Онъ. Гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ! Мужъ, обвиняемый въ нарушеніи супружескихъ обязанностей, и жена вчиняетъ къ нему гражданскій искъ. Сумма иска?

Она. Рублей полтораста... Пожалуйста, не морщитесь! И, кромѣ того, вы обязаны купить вашей женѣ новую шляпку. Я видѣла модели изъ Парижа. Только что привезли. Чудныя вещицы! Это тоже будетъ стоить рублей пятьдесятъ...

Онъ (*вставая*). Но, матушка, я не могу тратить такихъ денегъ!

Она. Теперь ужъ я „матушка“! Какъ о деньгахъ заговорила, такъ изъ „милочки“ сразу превратилась въ „матушку“! А по триста восемьдесятъ два рубля проигрывать у васъ есть деньги?

Онъ. Ну, да! Но поэтому-то и надо теперь сократить расходы, экономничать. А не транжирить! Не бросать деньги чортъ знаетъ куда! Чортъ знаетъ на что! Я буду проигрывать, ты будешь тратить на тряпки, на шляпки, на юбки. Хороши мы въ концѣ-концовъ будемъ!

Она. Но вѣдь ты же первый началъ!

Онъ. Тѣмъ болѣе основаній тебѣ сдерживаться! Вѣдь нельзя же смотрѣть на мужа какъ на рабочую лошадь, какъ на вола! Да и съ вола двухъ шкуръ не дерутъ.

Она. Но вѣдь мнѣ нужно платье! Свое бѣлое я надѣваю сегодня на „Гугеноты“. Это ужъ шестой разъ, какъ я надѣваю въ оперу одно и то же платье. А на „Аиду“ нужно же платье.

Онъ. Можешь надѣть и въ шестой разъ на „Аиду“. А на „Гугеноты“ мы сегодня не идемъ. Я не могу я усталъ.

Она. Вотъ хорошо! Онъ будетъ исчезать по цѣлымъ ночамъ, а я должна себѣ отказать въ удовольствіи побывать на первомъ представленіи оперы!

Онъ. Да я вамъ русскимъ языкомъ, сударыня, говорю! Я усталъ, я усталъ, я ус-та-лъ! Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое! Тутъ поневолѣ сбѣжишь изъ дома! Я работаю какъ волъ, какъ лошадь, устаю, какъ собака! Изъ меня сдѣлали не человѣка, а какой-то скотный дворъ, звѣринецъ какой - то! Я терпѣливъ какъ оселъ, но всякому терпѣнію, сударыня, бываетъ конецъ! Я вовсе не для того работаю, чтобы мои деньги швыряли на тряпки! Я требую человѣческаго отношенія ко мнѣ. Я измученъ, усталъ, разбитъ, а меня заставляютъ ѣхать въ какую - то глупую оперу, потому что ей угодно показывать свои тряпки, сшитыя на кровныя, трудовыя деньги мужа. Мужа, который работаетъ съ утра до ночи...

Она. И съ ночи до утра, какъ, напримѣръ, сегодня!

Онъ (*окончательно выходя изъ себя*). Что вы колете мнѣ глаза сегодняшнимъ днемъ? Сегодня! Въ кои - то вѣка человѣкъ захотѣлъ немножко отдохнуть, посидѣть въ кругу товарищей — и ему дѣлаютъ изъ - за этого сцены! Съ него тянутъ деньги!

Она. Николай!

Онъ. Я давно Николай! Я тридцать два года все Николай! Довольно-съ! Довольно я терпѣлъ! Скажите, пожалуйста, поужиналъ человѣкъ съ товарищами! Великое преступленье! И его за это пилятъ, ему отравляютъ жизнь, его оскорбляютъ, ему кидаютъ въ глаза самыя гнусныя обвиненія. Онъ терпѣливо сноситъ все, молчитъ, и съ него же, пользуясь этимъ случаемъ, хотятъ сорвать на юбки, на тряпки...

Она. Кто? Я? „Пользуюсь“ тѣмъ, что вы не были дома, чтобъ „сорвать на тряпки“? Опомнитесь, что вы говорите!

Онъ. Правду-съ. Тутъ трудишься, работаешь, не знаешь устали—и вотъ какъ тебя цѣнятъ. Деньги, деньги, деньги...

Горничная (*входя*). Барыня, денегъ надо на керосинъ.

Она. Обратитесь не ко мнѣ, а къ барину, у меня нѣтъ денегъ на расходъ.

Онъ (*выкидывая два рубля*). Опять деньги! Со всѣхъ сторонъ теребятъ, тащатъ, рвутъ...

Она. Ну, я не желаю больше слушать вашей ругани. (*Уходитъ.*)

Онъ. Ругани! Это я-то ругаюсь! Доведутъ человѣка до бѣлаго каленія, начнешь говорить имъ правду,—они сейчасъ „ругань“. Работа, трудъ — все не въ счетъ. „Ругань“, нечего сказать, хорошо цѣнятъ Хороша семейная жизнь! Вотъ тутъ и будь порядочнымъ мужемъ...

Горничная (*входя*). Барыня плачутъ, а столъ накрытъ.

Онъ. Пошла ты прочь со своимъ завтракомъ! Я не буду завтракать дома... Я ѣду завтракать въ Сѣверную! (*Надѣваетъ шляпу и быстро уходитъ.*)

ЗАНАВѢСЪ

И они всѣ таковы, mesdames!

Легенда о происхожденіи одесситки.

Легенда о происхожденіи одесситки.

Когда всесильный Магадэва создалъ міръ вмѣстѣ съ людьми, онъ далъ торжественный обѣтъ не создавать больше никогда ничего и поднялся на седьмое небо, чтобъ отдохнуть.

Предъ его сомкнувшимися вѣждами ужъ проносились небесныя грезы, Магадэва ужъ видѣлъ божественные сны, когда его одежды тихо коснулся крыломъ великій Брама.

— Что случилось,—вскричалъ Магадэва, открывая вѣщія очи,—и что за шумъ доносится оттуда, съ земли? Ужъ не вырвался ли ураганъ изъ лѣсовъ Индостана и не несется ли по землѣ, разрушая все на пути? О, какъ я счастливъ! Не реветъ ли то океанъ, поднявшійся изъ бездны и пославшій могучіе отряды волнъ взять приступомъ землю. О, какъ я счастливъ!

— Нѣтъ, повелитель неба и земли!—отвѣтствовалъ Брама,—то не ураганъ реветъ надъ землею, не океанъ поетъ побѣдную пѣснь. То... люди зѣваютъ отъ скуки.

— Отъ скуки?! — насмѣшливо усмѣхнулся Магадэва. — Скука происходитъ отъ отсутствія дѣла. Отсутствіе дѣла — свобода. Я слишкомъ много далъ людямъ свободы. Хорошо же, я превращу ихъ въ ра-

бовъ! Они забудутъ у меня, что такое свобода. Имъ некогда будетъ зѣвать, потому что у нихъ будетъ хлопотъ. полонъ ротъ. Они не будутъ больше одиноки.

Магадэва вспомнилъ грезу, которую онъ видѣлъ во снѣ, и создалъ женщину.

Индіанку.

Прекрасную дочь его возлюбленной страны.

Она родилась въ часъ заката, когда солнце золотитъ послѣдними лучами весь міръ, и оттого ея смуглое тѣло золотистаго цвѣта.

Стройная, какъ пальма, гибкая, какъ ліана ея родины, она взглянула на расцвѣтающіе цвѣты лотоса, и оттого ея глаза сдѣлались прекрасными.

Знойная дочь знойнаго юга, она признаетъ только одного бога — Страсть, и служитъ ей.

Извивающіяся змѣи выучили ее сладострастнымъ танцамъ; у пестрыхъ птицъ, порхающихъ въ чащѣ ліанъ, она научилась пѣснямъ любви.

Рожденная въ таинственномъ сумракѣ священныхъ лѣсовъ, она стыдлива, скромна, боязлива, какъ газель, а подъ темнымъ бархатнымъ пологомъ ночи вся отдается кипучей страсти, предоставляя звѣздамъ любоваться каждымъ изгибомъ ея прекраснаго тѣла.

Звѣзды глядятъ и горятъ отъ восторга.

— Вотъ вамъ подруга, — сказалъ Магадэва индусамъ,—изъ культа любви вы сдѣлайте поклоненіе божеству. И пусть женщины, отдавшія всю свою жизнь на служеніе страсти, считаются священными, и сами брамины пусть возьмутъ на себя заботу объ этихъ баядеркахъ.

И Магадэва отлетѣлъ въ другую страну, гдѣ солнце жжетъ сыпучіе пески.

Гдѣ отъ палящей жажды гибнутъ человѣкъ и животное.

Гдѣ одинокія пальмы не даютъ прохлады и тѣни отъ знойныхъ, палящихъ лучей.

— Здѣсь моя бѣдная, маленькая индіанка въ одинъ день потеряла бы всю свою красоту, —улыбнулся Магадэва,—она загорѣла бы и отъ жары превратилась бы въ уголь. Надо дать этимъ бѣднякамъ женщину, которая не могла бы загорѣть.

И онъ создалъ негритянку.

Черную, какъ погашенный уголь, но горячую, какъ раскаленный.

Солнце льетъ на нее свои жгучіе лучи, и оттого зной живетъ въ ея душѣ.

Бѣшеная страсть, отъ которой сгораетъ она подъ знойными лучами солнца, сверкаетъ въ ея глазахъ.

Магадэва далъ ей большія чувственныя губы, манящія негра для поцѣлуя, и чтобъ хоть нѣсколько скрасить ея безобразную черноту, далъ ей сверкающіе бѣлые зубы.

Она не могла ужъ больше загорѣть, а чтобы оставить ей больше времени на служеніе сжигающей ее страсти, Магадэва повелѣлъ ей ходить безо всякаго платья и даже далъ ей завитые отъ природы волосы.

Тогда Магадэва помчался на сѣверъ, холодный, пасмурный и негостепріимный.

— А, англичане! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ въ туманѣ ненавистныхъ ему людей съ рыжими волосами.—Вы, которые поработили мою прекрасную Индію и сдѣлали рабами моихъ добрыхъ индусовъ! Поистинѣ вы стоите того, чтобы я наказалъ васъ, создавъ вамъ

англичанокъ! Вы любите море, — такъ пусть же ихъ объятія напоминаютъ вамъ холодную воду!

И онъ создалъ бѣлокурую англичанку, безъ страсти въ сердцѣ, безъ яркаго румянца желаній на бѣлыхъ щекахъ.

— Вы любите лошадей,—и пусть она своими большими зубами постоянно напоминаетъ вамъ о лошади!

И Магадэва улетѣлъ съ туманнаго, непривѣтливаго сѣвера отдохнуть своей божественной душой на благодатный югъ.

Онъ пронесся надъ Италіей, страной мраморныхъ старыхъ дворцовъ и нищихъ, развалинъ и бѣдности.

— У этихъ бѣднягъ,—сказалъ Магадэва,—нечѣмъ прокормить своихъ женъ. Имъ и самимъ нечего ѣсть. Я долженъ создать имъ такихъ женщинъ, которыя бы сами себѣ могли найти пропитаніе.

И онъ наградилъ итальянокъ прекрасными голосами и умѣньемъ танцовать.

— Пусть эти люди разбредутся по свѣту въ поискахъ за кускомъ насущнаго хлѣба, а чтобы ихъ не томила вдали тоска по родимой землѣ, пусть въ глазахъ ихъ женщинъ отразится прекрасное небо Италіи и всегда напоминаетъ имъ о родномъ небѣ далекой отчизны.

— Что за люди живутъ здѣсь? — спросилъ Магадэва, взмахнувъ крыльями и въ одинъ мигъ переносясь въ дальній край.

— Этотъ городъ — Москва,—отвѣтилъ Брама,—онъ населенъ купцами, которымъ всего кажется мало. Ихъ отличительная черта — жадность...

— Хорошо, — засмѣялся Магадэва, — они жадны, такъ мы пошлемъ имъ самую толстую женщину на свѣтѣ!

И Магадэва создалъ московскую купчиху,—такую, что даже московскій купецъ, увидѣвъ ее, не пожелалъ ничего большаго и сказалъ:

— Вотъ это въ самый разъ!

Магадэва взмахнулъ крыльями и умчался изъ города жадныхъ мужей и толстыхъ женъ въ далекій, шумный край.

— Подъ твоими ногами великая Франція, могучій повелитель неба и земли, — сказалъ Брама,—шумная, вѣчно ничѣмъ недовольная Франція. Вѣчно стремящаяся куда-то вдаль, впередъ! Передъ тобой ея сердце — Парижъ!

— Хорошо,—сказалъ Магадэва,—рѣшивъ пошутить надъ людьми, создавъ имъ женщину, я подшучу и надъ французами, создавъ имъ парижанку. Пусть она будетъ республикански свободна въ правахъ, но деспотъ въ душѣ. Пусть она требуетъ себѣ безпрекословнаго повиновенія, неограниченной преданности. Пусть она создаетъ революцію за революціей въ семейной жизни. Пусть будетъ прекрасной, какъ Франція, измѣнчивой, какъ ея исторія, блестящей и легкомысленной, какъ Парижъ. Пусть она такъ же часто мѣняетъ друзей дома, какъ палата — министерства. И отягощаетъ бюджетъ своего мужа, какъ военныя издержки страну. А мода, которой она будетъ непрестанно поклоняться и служить, пусть будетъ измѣнчива такъ же, какъ системы вооруженій. Каждый день пусть приноситъ что-нибудь новое и разорительное Но пусть, при всемъ этомъ, она наполнитъ весельемъ свой домъ, какъ Франція наполняетъ весельемъ весь міръ.

— Пусть будетъ по-твоему! — сказалъ Брама.

И среди пѣны кружевъ и шелка появилась на свѣтъ парижанка.

— О, этой странѣ не нужны женщины, — сказалъ Магадэва, переносясь въ сосѣднюю страну:—это земля, гдѣ люди все свое время проводятъ за кружками пива въ пивной. И я, право, затрудняюсь, что имъ лучше создать: женщину или новый сортъ пива.

— Создай имъ женщину, великій Магадэва,—сказалъ Брама:—если у нихъ не будетъ женщинъ, они пойдутъ ихъ завоевывать къ сосѣдямъ, внося всюду разгромъ и разрушеніе.

— Хорошо, — сказалъ Магадэва, — я готовъ подшутить и надъ этимъ философомъ-народомъ. Чтобы сидѣть цѣлые дни дома одной, мы создадимъ ее неповоротливой и неуклюжей. Блѣдною, какъ пильзенское пиво, но съ румянцемъ въ щекахъ, какъ будто въ него прибавили немножко мюнхенскаго. Чтобы ей не было скучно одной, дадимъ ей способность плакать и штопать мужу чулки. Пусть она будетъ только сентиментальной, потому что, возвратившись изъ пивной, ея мужъ долженъ прямо заваливаться спать

— Но она заплыветъ жиромъ, могучій повелитель неба и земли!—замѣтилъ Брама.

— Для моціона создадимъ ей вальсъ, медлительный, меланхолическій танецъ, который можно танцовать, готовясь подарить міру новаго германца и думая о мужѣ, сидящемъ въ пивной.

— Я думаю, они останутся довольны такою женой!

— Да, но такъ какъ жены будутъ оставаться постоянно однѣ, ихъ нужно для безопасности одарить добродѣтелью.

И онъ съ чисто божественной щедростью одарилъ нѣмокъ добродѣтелью.

И усталый Магадэва спустился въ Венгрію утолить жажду токайскимъ виномъ.

Напиткомъ боговъ.

Божественнымъ нектаромъ, который сочится въ подставленныя чаши изъ переспѣвшихъ гроздьевъ ароматныхъ виноградныхъ лозъ.

— Напитокъ, достойный, чтобы его вкусилъ Магадэва! — воскликнулъ онъ, осушая старинную чашу.— Онъ родитъ желанья. Создадимъ же имъ женщинъ съ пламенными глазами, горящими страстью. Пусть ихъ смуглыя лица примутъ золотистый отблескъ этого вина, которымъ индійскій богъ утолилъ палящую жажду. Мы дадимъ имъ кипучую искрометную кровь,— и пусть поцѣлуй ихъ опьяняетъ, какъ вино. Какъ лоза пусть будетъ гибокъ ихъ станъ, и какъ спѣлые гроздья пусть будутъ прекрасны онѣ!

И, вдохновенный токайскимъ виномъ, Магадэва создалъ дочерей Венгріи.

— Я помню еще одинъ народъ, — задумавшись, сказалъ Магадэва,—съ грустными лицами и задумчивыми глазами. Отпечатокъ вѣковой тайны лежитъ на блѣдномъ лицѣ ихъ. Гдѣ они?

— Они разсѣяны по всему свѣту, потерявши отчизну, — отвѣтилъ Брама, — оттого-то и грустны ихъ лица и задумчиво-печальны глаза. О далекой странѣ, гдѣ среди цвѣтущихъ луговъ струится серебристый Іорданъ, полны они думой. О городѣ, куда народы свозили мраморъ, порфиръ, яшму и ароматы востока, вспоминаютъ они о золотомъ храмѣ. Туда, въ глубь исторіи, когда они были царями востока, устремлены

ихъ грустные, задумчивые взоры,— и вотъ тайна, которая написана на ихъ лицѣ. О родинѣ далекой думаютъ вѣчные странники.

— Такъ пусть знойная страсть ихъ женъ напоминаетъ имъ о знойной родинѣ! — воскликнулъ Магадэва.— Воистину, мнѣ жаль этого народа! Пусть вѣрность, страстная преданность женъ утѣшитъ ихъ въ несчастьи, заставитъ позабыть изгнаніе. Пусть будутъ ихъ женщины стройны, какъ кедры родимаго Ливана,— и достойны быть воспѣты въ пѣснѣ, которую всѣ народы назовутъ царицей всѣхъ пѣсенъ, „пѣснью пѣсней“. Пусть звѣздами путеводными сверкаютъ ихъ глаза, и любовь, и ласка, и тихая грусть пусть свѣтится въ нихъ.

И онъ создалъ израильтянокъ, стройныхъ, какъ юный кедръ Ливана, съ глазами, въ которыхъ сверкаютъ звѣзды полуночнаго неба, знойныхъ, какъ ихъ далекая, покинутая родина, съ черными косами, которыя тяжело падаютъ назадъ, какъ змѣи, готовыя обвить любимаго.

— Веселая страна танцевъ и шутки! — улыбнулся Магадэва, пролетая по сѣверу. — Здѣсь владѣютъ шпагой и танцуютъ и весело шутятъ, осушая стопы дѣдовскаго, стариннаго меда. Создадимъ имъ подругу! Веселую, какъ они. Пусть, какъ медъ, она кружитъ имъ голову. Съ крошечной ножкой, которая не знаетъ усталости въ танцахъ. Пусть немного вина входитъ въ ея башмачокъ, изъ котораго они будутъ пить ея здоровье. Они и такъ будутъ достаточно опьянены ея граціей, изяществомъ, кокетствомъ. Крошечную ручку дадимъ ей, достойную того, чтобъ ласково погладить эти выхоленные, красивые усы. Вѣчной веселой улыб-

кой озаримъ ея лицо и дадимъ ей зубы, какъ жемчугъ, чтобъ она могла всегда улыбаться! Смѣхъ пусть дрожитъ въ ея глазахъ, а гибкій станъ ей дадимъ для того, чтобъ ускользать отъ своего лихого кавалера въ огненномъ танцѣ. Пусть она любитъ свою родину, гдѣ ее чтутъ какъ идола!

И Магадэва создалъ изящную, граціозную, чарующую польку.

Надъ могучей страной земледѣльцевъ пролетѣлъ Магадэва и сказалъ:

— Я далъ имъ женщину, могучую, какъ они. Тихую и покорную, какъ они, спокойную и ласковую, чтобъ давать имъ отдыхъ въ часъ утомленья. Пусть ея могучій станъ не боится работы, безмятежный миръ сіяетъ въ глазахъ, поступь будетъ тверда и рѣшительна, а косой пусть обовьетъ она милаго въ часъ, когда обовьетъ его руками и онъ прильнетъ къ ней на грудь.

И Магадэва создалъ русскую женщину и спустился на веселые берега голубого Дуная.

— Здѣсь народъ дешевизны! Они любятъ, чтобъ за гульденъ всего было много. Создадимъ имъ женщину, которою они остались бы довольны. Пусть она будетъ весела, какъ берега голубого Дуная, но полна, какъ кружка пива.

И Магадэва создалъ вѣнку, у которой всего было много, и вѣнскій стулъ, крѣпкій, изъ гнутаго буковаго дерева, чтобъ онъ могъ выдержать ея тяжесть.

Потомъ онъ понесся въ Испанію.

— Страна, гдѣ любятъ пѣть такъ же, какъ и драться. Мы дадимъ имъ женщину, которая своей пляской будетъ зажигать ихъ кровь. Пусть въ честь ея звенятъ серенады,—и это будетъ для нихъ доста-

точнымъ поводомъ кончать другъ съ другомъ добрымъ ударомъ навахи! Кромѣ этого, имъ ничего не нужно, развѣ только хорошую сигару! Наградимъ же ихъ женщинъ умѣніемъ крутить сигаретки!

Магадэва промчался и надъ сонной Турціей.

— Дома съ маленькими окнами и таинственной тишиной внутри. Пусть въ дымѣ кальяна предъ ихъ обитателями, словно греза послѣ гашиша, предстанетъ одалиска, полуобнаженная, съ дразнящимъ танцемъ, истомой и лѣнью въ движеніяхъ. Пусть будутъ ихъ женщины лѣнивы и страстны. Пусть онѣ не дѣлаютъ шага изъ дома и въ тиши гарема пусть разжигаются ихъ мечты.

Всѣ страны облетѣлъ Магадэва, вездѣ шутя надъ людьми свою божественную шутку: создавая женщину.

— Все! — сказалъ онъ, утомившись.

— Ты забылъ еще одинъ городъ, — напомнилъ Брама,— Одесса,— она лежитъ на прекрасномъ берегу Чернаго моря.

— Кто населяетъ этотъ городъ?

— Люди разныхъ племенъ.

— Такъ пусть же женщины этого города совмѣщаютъ въ себѣ качества женщинъ различныхъ странъ. Я усталъ творить. Возьмемъ по достоинству отъ каждой женщины и создадимъ одесситку.

И онъ создалъ ее, изящную какъ польку, стройную какъ еврейка, немного полную какъ вѣнка, чуть-чуть сентиментальную какъ нѣмка, съ глазами, много обѣщающими, какъ венгерка, легкомысленную и измѣнчивую какъ парижанка.

Такъ была создана женщина — эта шутка боговъ.

„Счастье въ уголкѣ“.

„Счастье въ уголкѣ“.

(посвящается милымъ дамамъ.)

— Вы гадкій, злой, нехорошій! Я не хочу съ вами больше говорить.

Когда женщина говоритъ, что она больше не хочетъ говорить,—это вѣрный признакъ, что она заговоритъ черезъ полминуты.

— Нѣтъ, это возмутительно. И вы серьезно думаете, что если Зудерманъ вмѣсто трехъ актовъ написалъ четыре,—въ четвертомъ его героиня непремѣнно убѣжала бы отъ мужа и „счастья въ уголкѣ“?

— Зачѣмъ раздумывать о вещахъ, въ которыхъ увѣрены.

— Неправда! Ложь! Клевета! Вы думаете, что намъ, женщинамъ, нужны только одни рукава?

— Никогда. Это было бы ужасно такъ думать! Кромѣ рукавовъ, нужны еще и юбки...

— Толпа поклонниковъ, блескъ, успѣхъ? Вы считаете женщину эгоисткой, которая, однако, живетъ только для другихъ? Нелѣпѣйшимъ изъ существующихъ существъ? Клевета, клевета, клевета! Мы, женщины, знаемъ себя лучше, — и я васъ увѣряю, что женщина способна довольствоваться „счастьемъ въ уголкѣ“. Да, способна, способна, способна!

Женщина всегда и все повторяетъ по три раза. Большое иногда для насъ неудобство.

Но мнѣ не нужно было повторять даже двухъ разъ.

— Женщина способна удовольствоваться „счастьемъ въ уголкѣ“.

Это наполнило мое сердце восторгомъ, и я полетѣлъ домой, чтобы написать письмо своей невѣстѣ.

Какъ, въ какихъ краскахъ я описывалъ ей ожидающее насъ „счастье въ уголкѣ“.

Но, впрочемъ, я могу привести и самое письмо.

Я писалъ:

Дорогая моя!

Съ моихъ глазъ спала какая-то пелена, и я теперь знаю, что дѣлать.

Я бросаю всѣ свои занятія и поступаю на службу на 17 рублей въ мѣсяцъ.

Это сдѣлаетъ насъ счастливыми.

Я не буду шататься и исчезать по клубамъ, ты не будешь думать о нарядахъ! На 17 рублей не распустишься.

За неимѣніемъ о чемъ думать, ты будешь думать обо мнѣ. За неимѣніемъ куда уйти, я буду сидѣть около тебя.

Это будетъ настоящее „счастье въ уголкѣ“.

Во-первыхъ, мы, конечно, разссоримся со всѣми нашими знакомыми

Узнавъ, что мы рѣшили жить „въ уголкѣ“ на 17 рублей, они сочтутъ насъ за сумасшедшихъ и — верхъ счастія—перестанутъ съ нами кланяться.

Нѣкоторые даже будутъ при встрѣчѣ съ нами въ испугѣ перебѣгать на другую сторону.

Ты себѣ не можешь представить этого удовольствія!.. Твои бывшія подруги будутъ отворачиваться отъ тебя при встрѣчѣ.

Какой восторгъ!

Когда же ты по забывчивости раскланяешься и подлетишь здороваться, тебѣ скажутъ:

— Вы ошиблись, сударыня! Я не имѣю чести васъ знать.

А чтобъ извиниться передъ толпой за то, что къ нимъ подошла такъ плохо одѣтая женщина, нѣкоторые будутъ громко добавлять:

— Должно-быть, какая-нибудь пьяная. Удивляюсь, чего смотритъ полиція!

Это доставитъ нѣсколько веселыхъ минутъ гуляющей публикѣ.

А иногда тебя даже будетъ, послѣ этого, забирать полиція.

Но, дорогая моя, не бойся: въ участкѣ все объяснится, и тебя отпустятъ домой, конечно, въ сопровожденіи городового для удостовѣренія личности.

Такъ что къ тебѣ не пристанетъ ни одинъ нахалъ.

Такъ мы будемъ жить, счастливые, доставляя много веселыхъ минутъ гуляющей публикѣ.

Иногда тебя будутъ принимать за пьяную, иногда за сумасшедшую, иногда за попрошайку.

Сколько веселыхъ минутъ, сколько смѣшныхъ разсказовъ по возвращеніи домой.

Какъ мы весело будемъ смѣяться надъ этими ошибками людей.

Жить мы, конечно, будемъ гдѣ-нибудь на Молдаванкѣ.

Въ небольшой комнаткѣ, рубля за два, за три, съ тонкой перегородкой, отдѣляющей насъ отъ нашего квартирнаго хозяина, вѣчно пьянствующаго сапожника.

Тонкая перегородка, конечно, нѣсколько неудобна при супружеской жизни, но это будетъ давать нѣсколько отрадныхъ минутъ.

По праздникамъ пьяный сапожникъ будетъ колотить свою жену, и это составитъ такой чудный контрастъ съ нашимъ тихимъ семейнымъ счастьемъ.

Это бурное семейное несчастье еще ярче оттѣнитъ наше „счастье въ уголкѣ".

Ты будешь бояться, дрожать съ ногъ до головы и не спать по цѣлымъ ночамъ.

Какой восторгъ!

Что можетъ быть выше счастія опереться въ минуту опасности на руку любимаго человѣка.

Конечно, иногда будетъ случаться, что пьяный сапожникъ будетъ бить и насъ.

Но это будетъ случаться не всегда, что, само по себѣ, составляетъ ужъ огромную прелесть.

Это будетъ настоящій пріютъ счастья, маленькій, чистенькій уголокъ.

Чистенькій до того, что въ немъ не будетъ даже мебели.

Кроватка, столикъ,—я не думаю даже, что это необходимо, чтобъ имѣть всѣ четыре ножки. Это ужъ придирка: столъ можно прислонить къ стѣнѣ.

Стульчикъ,—и больше ничего.

Какое маленькое, милое хозяйство!

Кровать мы, для экономіи, купимъ, конечно, дѣтскую.

Немножко коротко, но удобно, просунулъ до колѣнъ ноги между прутьями спинки, и спи!

При этомъ обыкновенно снится, какъ будто тебя заковали въ ножные кандалы, но тѣмъ слаще будетъ пробужденье!

Всякое пробужденье будетъ доставлять тебѣ душевную радость и наполнять твое сердце восторгомъ, что это только снилось и ты вовсе не на каторгѣ.

Подъ столомъ будетъ стоять небольшая чашка для умыванья,—она же будетъ намъ служить и суповой миской.

А воду для умыванья я буду подавать тебѣ прямо изъ ведра, обливая при этомъ всю голову

Очень здорово!

Словомъ, это будетъ настоящій райскій уголокъ, съ небольшою сыростью по угламъ, — безъ этого нельзя же.

Но это пустяки!

Противъ этого есть какой-то порошокъ.

Мы сдѣлаемъ экономію,—не будемъ два дня обѣдать,—и купимъ этого чуднаго порошка!

Вотъ и все.

А если этотъ порошокъ не поможетъ, мы опять два дня не поѣдимъ и купимъ другого порошка противъ сырости.

Конечно, я не могу обѣщать тебѣ, что у насъ не будетъ того, что называется клопами.

Самъ я ихъ разводить не буду, но пьяный сапожникъ, навѣрное, разведетъ множество.

Но я тебѣ даю слово посвятить всѣ свои силы на борьбу съ этими хищными и злобными существами, составляющими истинный бичъ человѣчества.

И сколько отрадныхъ минутъ дастъ сознаніе, что ты борешься со зломъ, заѣдающимъ человѣчество, что борешься со врагами своихъ ближнихъ.

Какое увлеченіе охотой и торжество при побѣдѣ!!!

О, мы переживемъ много этихъ отрадныхъ минутъ.

Твоя милая головка не будетъ утруждаться мыслями о костюмахъ и нарядахъ.

Потому что при 17 рубляхъ въ мѣсяцъ думать или не думать о нарядахъ,—это рѣшительно все равно.

Но ты будешь одѣта всегда чисто, а главное—тепло.

„Въ виду господствующей въ квартирѣ сырости",—выражусь книжно,—ты будешь, конечно, ходить въ шерстяныхъ чулкахъ, для чего я тебѣ подарю вязальныя спицы.

Ты не будешь терпѣть нужду ни въ чемъ: каждые два дня мѣнять чулки и каждую недѣлю надѣвать свѣжее бѣлье.

Хорошую коленкоровую рубашку и „остальное" изъ миткаля.

Если бъ ты знала, какъ шуршитъ коленкоръ, особенно новый!

Изъ этого шьютъ саваны,—такъ даже въ гробу покойники шуршатъ коленкоромъ.

Вотъ что такое коленкоръ!

Какой-то злой человѣкъ сказалъ, что женщины вообще любятъ музыку, но есть музыка, безъ которой онѣ прямо не могутъ обходиться: это шуршаніе шелковыхъ юбокъ.

Увѣряю тебя, что коленкоръ шумитъ еще погромче шелка.

Это будетъ настоящій трескъ, когда ты будешь ходить по комнатѣ.

Воображаю, какъ ты будешь хороша во всемъ бѣломъ и въ бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ—лѣтомъ!

Я буду смотрѣть на твои чудныя ножки и приходить въ восторгъ:

— Какъ это практично: носить нитяные чулки.

Юбки мы будемъ дѣлать изъ бумазеи.

Ахъ, есть чудные рисунки!

Есть даже бумазеи съ оранжевыми и черными разводами, въ родѣ тигровой шкуры.

Такой тебѣ и нужно.

Въ ней ты будешь имѣть видъ дикой, одѣтой въ звѣриную шкуру.

Тепло и живописно.

Ботинки—очень важная вещь.

Башмаки я тебѣ буду покупать для экономіи, конечно, подержаные.

И какъ можно больше размѣромъ.

Стоитъ одно и то же, а удобнѣе: не будетъ мозолей.

Такъ мы будемъ жить, предохраняя другъ друга отъ мозолей.

Что можетъ быть выше, лучше, чище, какъ посвятить всю жизнь заботамъ другъ о другѣ!

Дома, чтобы сохранить башмаки, ты будешь носить однѣ резиновыя калоши.

А для выхода на улицу я буду покупать тебѣ старыя платья, пальто, шляпы.

Стараясь, чтобъ все это давно ужъ вышло изъ моды: дешевле.

Такъ что ты будешь появляться на улицѣ то въ кринолинѣ, то съ тюрнюромъ, возбуждая веселый смѣхъ прохожихъ.

Люди, когда счастливы, добры.

Пусть веселятся всѣ, если счастливы мы!

Нѣтъ женщины, которая могла бы обходиться безъ духовъ.

И ты не будешь чувствовать недостатокъ въ этой роскоши: ты будешь душиться анисовой водой или одеколономъ, который мы будемъ покупать въ аптекѣ па 10 копеекъ.

Въ бѣлье мы будемъ класть для запаху корицу и гвоздику и умываться не иначе, какъ миндальнымъ мыломъ, 7 копеекъ фунтъ.

Вотъ мы какъ!

Такъ что, въ общемъ, ты будешь пахнуть тминомъ, анисомъ, корицей, гвоздикой и миндалемъ, какъ только что испеченная пасха!

Нашимъ домашнимъ очагомъ будетъ служить подержаная керосиновая кухня, на которой ты будешь жарить картофель, морковь, рѣпу.

Мы будемъ, конечно, вегетаріанцами: всѣ люди, получающіе 17 рублей въ мѣсяцъ, всегда вегетаріанцы.

Но когда ты захочешь полакомиться мясомъ, мы будемъ ѣсть кошку.

Ты еще никогда не ѣла кошки, моя дорогая?

Въ кухмистерскихъ она извѣстна подъ псевдонимомъ зайца, и наиболѣе богатые посѣтители ѣдятъ даже по двѣ порціи.

До того это вкусно!

Послѣ этого не слѣдуетъ только подзывать и ласкать собакъ.

А то собака можетъ укусить за животъ.

Точно такъ же будемъ дѣлать и мы.

Будемъ отрубать кошкѣ хвостъ, ѣсть и потомъ не будемъ ласкать собакъ.

Изъ шкуръ съѣденныхъ кошекъ я буду дѣлать тебѣ манто и ротонды.

Мѣхомъ вверхъ, это оригинальнѣе.

Женщины вообще не любятъ одѣваться такъ, „какъ всѣ“.

И посмотрѣла бы ты на себя въ кошачьей ротондѣ мѣхомъ вверхъ—настоящая кошечка.

Иногда мы будемъ дѣлать себѣ небольшіе праздники: покупать пару сосисокъ.

И ѣсть одну сосиску сразу, вдвоемъ, съ разныхъ концовъ.

Ты будешь ѣсть, и я буду ѣсть, и съ каждымъ укусомъ уста наши будутъ приближаться другъ къ другу для поцѣлуя. А когда доѣдимъ другъ до друга, поцѣлуемся.

Милыя, супружескія забавы!

Можно даже иногда покупать „негодные въ пищу продукты“: телятину, испортившуюся съ одного конца, и т. п.

Можно вырѣзать то мѣсто, которое испортилось, а остальное съѣсть.

Зачѣмъ себѣ отказывать?

Газетъ мы выписывать, конечно, не будемъ: дорого.

Зачѣмъ намъ знать, что дѣлается тамъ, въ Испаніи, когда у насъ, въ нашемъ чудномъ „уголкѣ“, царятъ миръ, счастье и довольство.

Зато иногда, когда лавочникъ завернетъ намъ въ клочокъ газетной бумаги четвертку сахара, мы съ радостью будемъ узнавать, что знаменитый Жюль Фавръ воскресъ, и прочія новости.

Книгъ мы тоже, разумѣется, покупать не будемъ.

А будемъ, вмѣсто этого, разсказывать другъ другу содержаніе раньше прочитанныхъ нами книгъ.

Ты мнѣ разскажешь содержаніе „Мертвыхъ душъ“. Какъ мы будемъ смѣяться надъ похожденіями Чичикова!

А я тебѣ разскажу содержаніе „Нана“. Это помогаетъ воображенію.

Къ тому же я въ порывѣ вдохновенія немножко привру своего, отъ чего романъ Золя станетъ только интереснѣй.

Но мы ни въ какомъ случаѣ не будемъ чужды театру.

Мы будемъ посѣщать его каждые два-три года. Непремѣнно!

И, для экономіи, брать по одному билету.

Такъ: ты посидишь одинъ актъ, а потомъ погуляешь около театра, я посижу одинъ актъ и погуляю возлѣ театра.

Театръ, такимъ образомъ, не будетъ насъ утомлять.

Сидѣть мы будемъ не гдѣ-нибудь внизу, въ партерѣ или бельэтажѣ, а наверху, среди славной, отзывчивой публики.

Одинъ обопрется о твое колѣно, другой обопрется о твое колѣно, третій обопрется на твои плечи, и всѣ эти молодые люди будутъ громко, во весь голосъ, изо всѣхъ силъ кричать имя отличнаго пѣвца.

Какое удовольствіе!

Мы будемъ получать двойное наслажденіе, слушая голоса не только пѣвцовъ, но и публики!

Такъ будемъ мы жить, наслаждаясь нашимъ „счастьемъ въ уголкѣ“.

Ты только представь эту жизнь.

Утро.

Съ страшнымъ воплемъ я просыпаюсь: мнѣ снилось, что меня заковали въ кандалы.

Я высвобождаю ноги изъ прутьевъ кровати, пью вчерашній спитой чай и иду на службу.

Ты жаришь кошачью ногу и идешь гулять.

Я возвращаюсь въ нашъ тихій уголокъ, усталый какъ собака,—тебя нѣтъ.

Что съ тобой? Захворала? Умерла?

Мое сердце охватываетъ смущеніе, робость, ужасъ,—я не ѣмъ даже кошки!

Но въ эту минуту появляешься ты, въ твоей кошачьей ротондѣ, мѣхомъ вверхъ.

— Дорогая! Что случилось?

Ты разсказываешь, какъ тебя по костюму приняли было за сумасшедшую и отправили на Слободку - Романовку, гдѣ даже доктора одно время сомнѣвались на твой счетъ.

И мы до упада хохочемъ надъ ошибкой публики и докторовъ, весело ѣдимъ нашу кошку и только что хотимъ слиться въ блаженномъ поцѣлуѣ, какъ отворяется дверь, и въ комнату входитъ нашъ пьяный квартирный хозяинъ, сапожникъ.

— Вонъ, такіе-сякіе!—крикнетъ этотъ добрый человѣкъ.—Чтобъ духъ вашего не пахло! Кошекъ только ѣдите, сумасшедшіе черти! Гнать васъ нужно!

Но мы слушаемъ все это совершенно спокойно.

Мы знаемъ, что онъ только пьянъ и говоритъ не серьезно.

Затѣмъ онъ уходитъ, ударивши насъ всего разъ или два, и мы, обрадованные, что избавились отъ

такого непріятнаго посѣтителя, начинаемъ приносить пользу человѣчеству: бьемъ гнусныхъ враговъ его, противъ которыхъ не помогаетъ даже персидскій порошокъ.

Но на сегодня довольно. Темнѣетъ! Побѣдоносная охота кончена.

И мы садимся въ темнотѣ, чтобъ не жечь керосинъ, разсказывать другъ другу разные романы и повѣсти.

А за стѣной война: сапожникъ бьетъ жену, а у насъ на душѣ такъ тихо, такъ чудно, такъ хорошо.

И мы ложимся и лишь только закрываемъ глаза, какъ видимъ во снѣ, что снова попали на Сахалинъ, будто насъ опять заковали въ кандалы.

Мы оремъ вплоть до утра, адскими воплями будя другъ друга: предлогъ для поцѣлуевъ!

И такъ изо дня въ день!

Ужели это тихое „счастье въ уголкѣ" не тянетъ тебя къ себѣ, какъ магнитъ, моя дорогая?

О, не мучь меня, не томи, — отвѣчай, ради всего для тебя дорогого, отвѣчай: хочешь ли быть моей, итти со мной въ „уголокъ"?

Такъ писалъ я.

Отвѣта на письмо еще не получено.

Вѣроятно, читаетъ.

Что мнѣ отвѣтитъ невѣста, не знаю.

Вѣроятно то же, что отвѣтили бы и вы.

Легенда о происхожденіи корсета.

Легенда о происхожденіи корсета.

Милостивыя государыни!

Васъ, конечно, интересуетъ происхожденіе вашего друга.

Лучшаго друга!

Съ которымъ вы разстаетесь такъ рѣдко.

Который обнимаетъ вашу талью одинаково плотно...

И которому даже вашъ мужъ не можетъ запретить этого!

Словомъ, вы, вѣроятно, интересуетесь происхожденіемъ корсета.

Историки пишутъ на этотъ счетъ разное.

А потому ихъ не стоитъ читать.

Мало ли глупостей написано въ исторіи?

Правда сохранилась въ нашъ вѣкъ только въ старыхъ легендахъ,—и ее-то я хочу разсказать вамъ.

Храбрый рыцарь Рауль, прозванный „Синей Бородой“, очень любилъ женщинъ.

Изъ этого я заключаю, что онъ былъ, навѣрное, болѣе храбръ, чѣмъ уменъ.

И, можетъ-быть, по этой причинѣ пользовался небольшимъ успѣхомъ у женщинъ.

Стоило славному рыцарю уѣхать на годъ въ какой-нибудь походъ, какъ по возвращеніи онъ обязательно находилъ прибавленіе къ семейству.

Въ дѣтской стояла маленькая кроватка съ гербомъ предковъ Рауля, а въ ней лежалъ маленькій пискунъ, похожій какъ двѣ капли воды... или на пажа, или на оруженосца.

Это происходило не въ наши времена, а потому Рауля это сердило.

Для подобныхъ случаевъ онъ вырабатывалъ себѣ такое обыкновеніе.

Новорожденнаго приказывалъ записать въ пажи, супругу отравить, а самъ немедля женился на другой.

Отдохнувъ дома, онъ ѣхалъ въ походъ, и черезъ годъ повторялась точка въ точку та же исторія.

Такимъ образомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Рауль фонъ-Синяя Борода могъ быть увѣреннымъ, что онъ будетъ имѣть всѣхъ пажей и оруженосцевъ въ двухъ копіяхъ, а его алхимикъ Пополани, занимавшійся отравленіемъ женъ, доложилъ рыцарю, что въ фамильномъ склепѣ больше нѣтъ свободныхъ мѣстъ.

Тогда Рауль фонъ-Синяя Борода пришелъ къ заключенію, что женщинамъ не слѣдуетъ вѣрить.

Заключеніе жестокое, но нельзя сказать, чтобы скороспѣлое.

Рыцарь Рауль фонъ-Синяя Борода ничего не рѣшалъ такъ, „съ кондачка“.

Придя къ такому заключенію, Рауль отправился въ фамильный склепъ и въ этомъ грустномъ мѣстѣ предался своей горести, одинъ на одинъ съ гробницами покойныхъ женъ, чтобъ пажи и оруженосцы не смѣялись, что онъ оплакиваетъ ихъ любовницъ.

— О Розалинда! — рыдалъ онъ, обращаясь къ одной гробницѣ.—Я ли тебя не любилъ? Я ли не подарилъ тебѣ отличныя четки изъ крупныхъ изумрудовъ? Чтобъ достать тѣ изумруды, я разрушилъ замокъ барона фонъ-Габенихтса, упокой Господь его душу, и переколотилъ всѣхъ: и его и его вассаловъ, чтобъ ихъ песъ побралъ! Я считалъ тебя такою богомольною, а ты...

— Ты, Леонора! — плакалъ онъ надъ другой гробницей.—Ты такъ любила лошадей. Развѣ плоха была шестерка бѣлыхъ безъ отмѣтинъ арабскихъ коней? Чтобъ достать ихъ, я объѣхалъ полсвѣта! Сжегъ сорокъ сарацинскихъ городовъ, двѣсти деревень, трупы валялись по дорогѣ такъ, что ни пройти ни проѣхать! А ты, что ты дѣлала, пока я бился съ сарацинами? Была ты бѣла и безъ отмѣтинъ, какъ тѣ лошади, которыхъ я велъ тебѣ въ подарокъ? Нѣтъ.

— Ты, Изора, прекраснѣйшая изъ женъ! Не подарилъ ли я тебѣ и четокъ Розалинды, и лошадей Леоноры, и драгоцѣнное ожерелье, сорванное мною съ чалмы султана, и еще массу драгоцѣнныхъ подарковъ? А ты—чѣмъ ты отплатила мнѣ за все это? Промѣнять рыцаря на оруженосца! Гдѣ была твоя голова?

— А ты... имени твоего я не припомню... А на гробницѣ прочитать,—здѣсь темно, да я и неграмотенъ. Но ты была хорошенькой женщиной, клянусь твоимъ прахомъ. Твои губки были какъ вишни, щечки какъ розы, волосы какъ золото. И все это—и вишни, и розы, и золото — отдать кому же? Пажу! Который даже и толка-то въ вишняхъ, какъ слѣдуетъ, не понимаетъ!

Такъ плакалъ славный рыцарь Рауль фонъ-Синяя Борода по горячо любимымъ женамъ, и когда опла-

калъ послѣднюю гробницу, вынулъ мечъ и далъ торжественную клятву честнаго рыцаря никогда больше не вѣрить женщинамъ и впередъ принимать свои мѣры.

Довольно!

Онъ вышелъ изъ склепа совсѣмъ другимъ.

— Собираться въ дорогу! — крикнулъ онъ черезъ недѣлю послѣ того, какъ женился на хорошенькой Алисѣ.—Да собирайтесь всѣ! Всѣ до одного! Пажи, оруженосцы,—всѣ!

— А кто же будетъ защищать нашу знатную госпожу, если на замокъ вдругъ сдѣлаютъ нападенье?

— Для этого останутся только хромые, слѣпые, горбатые оруженосцы, и то не моложе пятидесяти лѣтъ! Знаемъ мы, собаки, какъ вы заботитесь о вашей госпожѣ, когда меня дома нѣтъ! Этотъ способъ заботъ мнѣ не нравится! Такъ-то.

— Алиса,— обратился онъ къ женѣ,— наша вѣрная супруга! Ни шагу не переступать черезъ ворота замка! А вы, старые псы, смотрите въ оба за нашей вѣрной супругой! И чтобъ сюда не переступалъ ногой ни одинъ мужчина. Женской прислуги тебѣ оставлено довольно, а насчетъ пажей... Нѣтъ, шалишь, мой вѣрный другъ!

Сказалъ, далъ шпоры коню и былъ таковъ со всею свитой.

Прошелъ годъ.

Рыцарь Рауль фонъ-Синяя Борода возвращается изъ блестящаго похода, везетъ подарки вѣрной женѣ.

Дома все благополучно.

— Всѣ ли выполнила мои приказы? — спрашиваетъ Рауль.

— Всѣ! — отвѣчаетъ Алиса.

— Молодцомъ! Видишь, можно прожить и съ одной женской прислугой. Пажи, это — глупость! Эге... да ты себѣ новенькую горничную завела... Мила! Какъ тебя зовутъ, моя красавица?

— Бертраномъ, г. рыцарь!—крикнула во все горло оторопѣвшая „горничная“.

— Пополани!—только съ грустью позвалъ Рауль фонъ-Синяя Борода.

Два дня онъ чинилъ судъ и расправу, вѣшая по стѣнамъ хромыхъ, горбатыхъ и слѣпыхъ оруженосцевъ.

— Какъ же вы, старые псы, пропустили его?

— Кто жъ ее, господинъ, кромѣ барыни-покойницы, зналъ, что она женщина. Прошелъ въ замокъ въ женскомъ платьѣ,—да и все!

Два дня длилась расправа, а на третій Рауль фонъ-Синяя Борода праздновалъ новую свадьбу.

Отъ дурныхъ привычекъ люди отвыкаютъ съ трудомъ!

— Но теперь-то я знаю, что дѣлать!

И рыцарь Рауль фонъ-Синяя Борода не раньше уѣхалъ изъ дома, чѣмъ готова была высокая башня.

— Сиди здѣсь, мой другъ, до тѣхъ поръ, пока я не вернусь! Припасовъ запасено въ башнѣ довольно, а прислуги не нужно. Безъ прислуги обойдешься!

И Рауль фонъ-Синяя Борода собственными руками замуровалъ дверь, ведущую въ башню.

Годъ прошелъ—и Рауль возвращается изъ похода. Оглядѣлъ дверь,—цѣла.

„Теперь-то душа моя спокойна!“ думаетъ Рауль, и принялся ломать дверь.

Какъ вдругъ изъ окна показалась мужская голова.

— Ты чего здѣсь чужія двери ломаешь? Вотъ постой, вернется рыцарь Рауль фонъ-Синяя Борода, онъ тебѣ покажетъ, какъ къ его женѣ двери ломать.

Рауль глазамъ не повѣрилъ:

— Да ты-то какъ сюда попалъ, если дверь замурована?

— А по стѣнѣ влѣзъ.

— Да кто жъ ты такой, что по гладкимъ стѣнамъ лазать можешь?

— Я-то? Я — трубадуръ. Иду по полю, вижу башня, окно открыто, и въ окнѣ прекрасная дама. Я ей пѣсни началъ сочинять и пѣть, а она, пока я пѣсни сочинялъ, мнѣ лѣстницу плела! Вотъ и все. А этотъ дуракъ Рауль фонъ...

Жену было поручено „обработать“ Пополани, а трубадура рыцарь „обработалъ“ самъ...

— Ну, теперь-то я ее въ землю упрячу! — рѣшилъ Рауль фонъ-Синяя Борода, женясь какъ только кончился у него трауръ,—черезъ два дня.

— Въ землѣ сидя, не надуешь!

Вырылъ въ лѣсу пещеру, отдѣлалъ ее какъ замокъ настоящій,—кровать, туалетный столикъ поставилъ,—все.

— Въ сосѣднихъ пещерахъ найдешь все: припасы, масло для свѣтильника. Воздухъ есть,—для воздуха я тебѣ отверстіе въ землѣ оставилъ и желѣзную трубочку сдѣлалъ, чтобы не завалилось. Сиди и жди меня, а главное—не скучай!

Сказалъ, завалилъ входъ въ пещеру и приказалъ всѣмъ пажамъ и оруженосцамъ три раза по этому мѣсту проѣхать, чтобъ и слѣдовъ никакихъ не осталось.

Потомъ хорошенько запомнилъ мѣсто:

— Еще потомъ и самъ не найдешь!

И уѣхалъ.

Прошелъ годъ.

Летитъ назадъ, съ нетерпѣніемъ отрываетъ входъ, входитъ и... чуть на мѣстѣ не умеръ.

Жена кушанье готовитъ, а какой-то мужикъ ей дрова рубитъ.

Хозяйство завела!

— Ты какъ здѣсь?—крикнулъ Рауль такимъ голосомъ, что даже земля со стѣнъ посыпалась.

Мужикъ—бухъ въ ноги.

— Не гнѣвайтесь, добрый господинъ! Я, бѣдный дровосѣкъ, выкорчевывалъ пни. Рылъ, рылъ землю, какъ вдругъ возьми и провались. Сперва испугался даже, а потомъ вотъ госпожу увидалъ. Я бѣдный дровосѣкъ.

— Это ничего, что ты дровосѣкъ, — всякій трудъ почтененъ. Но только вотъ зачѣмъ у васъ въ сосѣдней пещерѣ ребенокъ пищитъ, — этого я никакъ не пойму!

Опять Пополани досталась работа.

Дровосѣка живымъ закопали.

— Чтобъ ему впередъ наука была!—Какъ рѣшилъ Рауль фонъ-Синяя Борода.

„Наважденіе какое-то! Ничего съ ними не подѣлаешь! — думалъ Рауль, снова стоя подъ вѣнцомъ.— Развѣ вотъ что попробовать“

Снарядили ладьи, — и Рауль фонъ - Синяя Борода отвезъ молодую жену на необитаемый островъ, въ море.

— Сиди здѣсь, гуляй, сколько хочешь, и жди!

„Ну, теперь - то, моя душа спокойна, наконецъ!“

Такъ думалъ Рауль и, вмѣсто одного года, провоевалъ цѣлыхъ три.

Возвращается, ѣдетъ на островъ, и первымъ долгомъ навстрѣчу ему мальчикъ.

Умненькій такой мальчикъ, лѣтъ двухъ, а ужъ говоритъ.

— Дяденька,—спрашиваетъ,—ты не рыцарь Рауль фонъ-Синяя Борода, о которомъ мама говорила?

— Онъ самый! А ты кто такой?

— Я тутъ съ папой и мамой живу. Папа теперь съ охоты пришелъ, отдыхаетъ, а мама мою сестренку качаетъ.

Словно буря ворвался Рауль фонъ - Синяя Борода въ скромную хижину.

— Ты кто такой?—крикнулъ онъ на мужчину, развалившагося на коврѣ.

— Не убивайте меня, сострадательный баринъ! Я несчастный мореплаватель. Нашъ корабль потерпѣлъ крушеніе близъ этихъ береговъ. Весь экипажъ погибъ,—я одинъ, измученный, обезсиленный, доплылъ до острова. Видитъ Богъ, я ничего дурного не хотѣлъ сдѣлать вамъ, я только жизнь свою спасалъ!

— Гмъ!—сказалъ Рауль фонъ-Синяя Борода,—Пополани! Оруженосцы! Веревку!

Въ страшномъ гнѣвѣ вернулся Рауль фонъ - Синяя Борода въ свой замокъ!

Въ гнѣвѣ и въ горѣ:

— Нигдѣ! Ни въ воздухѣ, на неприступной башнѣ, ни въ землѣ, ни на водѣ...

Три дня онъ предавался этимъ безрадостнымъ мыслямъ, а на четвертый приказалъ позвать къ себѣ Пополани.

Приказалъ очень серьезно:

— Подать мнѣ сюда этого ученаго бездѣльника,— я раскрою его ученую голову!

Такъ что всѣ сразу поняли, что дѣло серьезное.

Пополани явился ни живъ ни мертвъ.

— Ты что жъ это, ученая шельма!—крикнулъ рыцарь. — Тебѣ мало моихъ великихъ милостей? Мало того, что я, по неизреченному великодушію своему, позволяю жить въ моемъ замкѣ человѣку, который ученѣе меня, и терпѣливо сношу такую дерзость? Мало, собака? Такъ вотъ что я тебѣ скажу. Ты хоть и ученый человѣкъ, а дуракъ! Вотъ сейчасъ, вотъ этимъ самымъ мечомъ — видишь? — я раскрою тебѣ голову и посмотрю, что за дрянь тамъ понапихана! Ты что жъ это? Ты что дѣлаешь? Только умѣешь отравлять моихъ женъ? Я по твоей милости сколько разъ вдовцомъ былъ?! А чтобы предохранить своего рыцаря отъ позора и измѣны, этого ты не можешь? Чтобы завтра же было найдено средство противъ измѣны! Слышишь! Работай своей ученой головой, пока еще есть время. Завтра же она разлетится пополамъ, какъ орѣховая скорлупа! Пшелъ!

Прошелъ день,—Пополани явился къ рыцарю еще блѣднѣе, чѣмъ прежде.

— Ну!—встрѣтилъ его рыцарь.

— О, господинъ, я рылся въ книгахъ, доискивался отвѣта среди звѣздъ, вызывалъ духовъ...

— Ну?

— Нигдѣ нѣтъ средства для охраненія вѣрности.

Рыцарь взялся за мечъ.

— Постой, благородный рыцарь! Испытай послѣднее средство.

— Ну?

— Если женщину предоставить самой себѣ, она навѣрное сочинитъ себѣ какую - нибудь пакость. Въ замкѣ прошелъ радостный слухъ, что ты хочешь жениться на Булоттѣ.

— Женюсь и на ней!

— Скажи ей послѣ свадьбы, что тебѣ въ ней что-нибудь не нравится. Посмотримъ, что выйдетъ!

— Ладно!

Сказано—сдѣлано.

— Что же мнѣ въ ней не нравится? — потихоньку спрашивалъ рыцарь у Пополани на свадебномъ пиру.

— Да хоть станъ. У нея талья полновата!

— Такъ я тебѣ очень нравлюсь?—кокетливо спрашивала Булотта, когда они остались одни.

— Талья немножко полновата! — мрачно буркнулъ рыцарь.

Булотта такъ разсердилась, что немедленно выгнала рыцаря изъ своей комнаты, а для Пополани было приказано приготовить веревку.

— Погоди!—едва умолилъ на колѣняхъ Пополани Рауля фонъ-Синюю Бороду.

Три дня плакала Булотта, а на четвертый послала за слесаремъ.

— За слесаремъ послала!—подозрительно замѣтилъ рыцарь.

— Ничего! Значитъ, что-нибудь выдумала!

— Ѣдемъ въ походъ!

— Охъ, смотри ты у меня! Кажется, придется мнѣ накормить моихъ борзыхъ учеными мозгами!—сказалъ рыцарь, однако рѣшилъ еще повременить и поѣхалъ въ походъ.

Проходитъ годъ.

Возвращается рыцарь изъ похода, а навстрѣчу ему выбѣгаетъ Булотта.

Талья какъ у осы.

— Милый,—говоритъ,—видишь, какая у меня талья.

— Въ тальи-то ты похудѣла! — мрачно буркнулъ рыцарь.—Ну, а вотъ гдѣ же ребенокъ?

— Какой ребенокъ?

— „Какой"! Твой. Не мой, конечно!

— Опомнись, рыцарь! Никакого ребенка нѣтъ.

— Странно! Сколько лѣтъ живу, а этакого чуда не видывалъ! Кажется, и пажи и оруженосцы были дома.

— До нихъ ли мнѣ было? Во-первыхъ, зачѣмъ они мнѣ? Въ твоемъ отсутствіи меня цѣлыми днями обнималъ вотъ этотъ корсетъ. Такъ жметъ, что и объ оруженосцахъ думать забудешь.

— А по вечерамъ?

— За день такъ нажметъ, что вечеромъ, какъ снимешь, заснешь словно убитая.

— Пополани! Ты хоть и ученый дуракъ, а умный человѣкъ!—крикнулъ рыцарь, соскакивая съ коня.

Такъ былъ изобрѣтенъ корсетъ, охранявшій супружескую вѣрность.

Впрочемъ, съ тѣхъ поръ корсеты стали дѣлать пошире.

Замѣчено, однако, что пока жена въ корсетѣ, у мужа никогда не чешется лобъ.

Крючки.

Крючки.

Насъ собралась небольшая компанія.

Исключительно мужчинъ,—и потому мы говорили исключительно о женщинахъ.

Въ нихъ отрицалось, разумѣется, все: способность любить, ненавидѣть какъ слѣдуетъ, просто чувствовать.

Даже, кажется, существованіе самой души.

Но вѣдь должно же быть хоть что-нибудь у этихъ существъ, у которыхъ нѣтъ ничего?!

— У нихъ есть дурныя привычки.

— И странности.

— Только!

X. разсказалъ о странной маніи у его жены къ страусовымъ перьямъ.

У нея ихъ милліонъ, но она не можетъ видѣть хорошаго страусоваго пера безъ того, чтобы его не купить.

— Вы не повѣрите, сколько ихъ у насъ! Когда я вижу эту коллекцію, я хохочу до слезъ. Мнѣ кажется что всѣ страусы въ Африкѣ ходятъ кургузыми. Ихъ всѣхъ ощипали для моей жены.

Жена г. Y. страдаетъ маніей, менѣе разорительной.

У нея страсть къ шпилькамъ.

— Не то, чтобы къ „шпилькамъ“, которыми женщины любятъ угощать добрыхъ пріятельницъ, — это было бы понятно! А къ самымъ обыкновеннымъ металлическимъ шпилькамъ.

Ими завалены всѣ столики, всѣ этажерки, ящики комодовъ, даже ящики письменнаго стола г. Y.

— Я думаю, что какой-нибудь англійскій фабрикантъ прямо существуетъ на нашъ счетъ. Мы его содержимъ!

Г. Y., дѣйствительно, весь свой вѣкъ „сидѣлъ какъ на шпилькахъ“.

Беретъ бумаги,—изъ самаго важнаго „дѣла“ вываливается пачка шпилекъ.

Предлагаетъ пріятелю сигару,—тотъ покатывается со смѣху: въ ящикѣ вперемежку съ сигарами лежатъ пачки шпилекъ.

— Это прямо манія.

Г-жа Y. теряетъ ихъ сотнями и покупаетъ десятками тысячъ.

— А вотъ у моей жены еще болѣе странная манія!— восклицаетъ г. Z.—Вообразите себѣ, что у нея страсть... къ крючкамъ для ботинокъ!

Неправда ли, странно?

У каждой женщины есть одинъ, два, ну, самое большее три крючка для застегиванія ботинокъ.

Вѣдь у женщинъ въ концѣ-концовъ все - таки только двѣ ноги!

А вотъ у моей жены... нѣтъ, да вы не повѣрите, сколько у нея крючковъ.

Она не можетъ выйти изъ дому безъ того, чтобы не зайти и не пріобрѣсти себѣ новаго крючка для ботинокъ.

— Да, да, это настоящая манія!

Болѣзнь, если хотите.

Я думаю, что это послѣдствіе перваго ребенка.

Знаете, съ женщинами это бываетъ.

У нихъ являются психическія странности.

Нѣтъ, нѣтъ! Не говорите! Тотъ, кто знаетъ женщинъ такъ, какъ я, тотъ не ошибается!

Раньше я этого не замѣчалъ.

Но на второй годъ замужества у нея, какъ только она уйдетъ изъ дома, при возвращеніи обязательно окажется новый крючокъ для ботинокъ.

Сначала она очень конфузилась, когда я поднималъ съ пола крючокъ, если она случайно теряла его во время переодѣванья.

Я понимаю! Ей стыдно было признаться въ своей смѣшной маніи.

Но потомъ привыкла.

Когда она возвращается, я обыкновенно спрашиваю:

— Ну, душечка, покажи мнѣ твой новый крючокъ для ботинокъ!

И она преспокойно достаетъ изъ кармана новый крючокъ.

Если она возвращается безъ меня, то я —нарочно, для смѣха—спрашиваю потомъ горничную:

— Въ какомъ платьѣ барыня выходила сегодня изъ дома?

И обязательно нахожу въ карманѣ новый крючокъ.

Ха-ха-ха!

Не правда ли, забавно?

А вы знаете, какой сюрпризъ я сдѣлалъ ей въ этомъ году въ день рожденія?

Я подарилъ ей пятьдесятъ крючковъ для ботинокъ.

Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Не считая этихъ пятидесяти, у насъ 216 крючковъ.

Въ полтора года 216 крючковъ. Какъ вамъ это понравится?

— Это, конечно, очень забавно! — замѣтилъ, вставая, г. М.—Но мнѣ кажется что намъ пора и расходиться!

Всѣ нашли то же самое.

Мы вышли первыми, я и г. W.

Онъ, видимо, былъ дурно настроенъ послѣ болтовни.

— Эти ослы... я говорю о мужьяхъ... Эти ослы стоятъ того, чтобъ ихъ вѣшали на крючкахъ для ботинокъ ихъ женъ.

— Почему такъ?

— Эта г-жа Z.—удивительно разсѣянная особа, надо ей отдать полную справедливость! Для каждаго свиданія приходится покупать новый крючокъ, чтобъ застегивать ботинки. И каждый разъ она по разсѣянности кладетъ этотъ крючокъ въ карманъ.

Г. W. сдѣлалъ жестъ, полный негодованія.

— Я, чортъ возьми, подарилъ ей такимъ образомъ 112 крючковъ! Но хотѣлъ бы я знать, откуда взялись остальные сто четыре?

— Мой другъ, васъ обманываютъ,—чуть было не воскликнулъ я,—потому что и я ей „подарилъ" такимъ же образомъ 76 крючковъ.

Но въ эту минуту насъ догналъ г. Z.

Онъ все еще былъ въ отличномъ настроеніи.

— Нѣтъ, какъ вамъ нравится эта манія моей жены? Сегодня я ушелъ сюда. Жена ушла куда-то къ знакомымъ. Но по дорогѣ она, навѣрное, зайдетъ въ магазинъ... хотите держать пари, что она принесетъ съ собой новый крючокъ? Ха-ха-ха! Въ концѣ-концовъ, я, кажется, открою магазинъ крючковъ для ботинокъ.

— Въ концѣ-концовъ, ты, кажется, откроешь магазинъ роговыхъ издѣлій!—проворчалъ г. W., но такъ, что, кромѣ меня, никто этого не слыхалъ.

Да! У женщинъ бываютъ странности.

Чужія жены.

Чужія жены.

Какая женщина откажетъ себѣ въ удовольствіи подвергнуть униженію счастливую соперницу? Въ особенности, если эта соперница еще и пріятельница! Анна Ивановна, молодая женщина, только что овдовѣвшая, подала связку писемъ совсѣмъ уничтоженной Марьѣ Петровнѣ.

— Вотъ. Я нашла ихъ въ бумагахъ покойника.

Марья Петровна взяла письма дрожащими руками.

— Я не знаю, что мнѣ думать о васъ... Вы или очень злы, или очень великодушны.

— Не то и не другое. Я просто удивлена.

По губамъ Анны Ивановны пробѣжала презрительная гримаска.

— Я прочла ваши страстныя изліянія... Вотъ никогда не думала, что покойный Николай Николаевичъ могъ внушать такую пылкую страсть!

Ея письма читали! Марья Петровна чувствовала себя такъ, какъ будто ее публично раздѣли.

— Вы можете меня презирать или ненавидѣть, но я любила вашего мужа. Я горячо, я безумно его любила. Да его и нельзя было не любить! Его...

— Моего Николая Николаевича? Вотъ не подозрѣвала!

— Онъ былъ такъ милъ, всегда любезенъ, трогательно предупредителенъ, веселъ.

— Николай?

— Такъ остроуменъ. Умѣлъ такъ говорить, заставлялъ такъ смѣяться. Часы съ нимъ летѣли такъ незамѣтно!

— Открытія, которыя дѣлаются послѣ его смерти! Этотъ увалень, этотъ лежебока, этотъ бука, отъ котораго трудно было добиться слова! Человѣкъ съ теплой водой вмѣсто крови!

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ! Не говорите! Онъ такъ любилъ, онъ такъ умѣлъ любить! Въ немъ было столько огня. Онъ опьянялъ своею страстью. И онъ, — онъ умѣлъ заставлять забывать обо всемъ въ мірѣ!..

— Вы... вы, кажется, говорите о Василіи Степановичѣ?

— О моемъ мужѣ?!

— Ну, да! Вы даете характеристику вашего мужа, и характеристику превосходную... подъ которой я готова подписаться обѣими руками.

— Вы?!

Онѣ смотрѣли другъ на друга тѣми взглядами, которыми смотрятъ одна на другую женщины, полныя взаимной ненависти, взглядами, полными настоящихъ рентгеновскихъ лучей, проникающими въ самую душу и читающими тамъ, какъ въ открытой книгѣ:

— Вы?! Вы?!

— Мы квитъ. Есть справедливость на свѣтѣ! Да, да! Въ то время, какъ вы, быть-можетъ, посмѣивались надо мной съ Николаемъ Николаевичемъ, я — это ужъ навѣрное! — хохотала надъ вами съ вашимъ мужемъ.

— Вы? Въ это дѣлали... съ нимъ?

— Ужъ не хотите ли вы спросить: по какому праву? По тому же самому, по которому вы обмѣнивались вотъ такими письмами съ моимъ мужемъ. По праву пріятельницы жены!

— Нѣтъ, нѣтъ... Но промѣнять такого мужа, какъ покойный Коля... виновата, я хотѣла сказать, какъ покойный...

— Ничего, ничего! Продолжайте! Я не вижу причинъ, почему мнѣ было не промѣнять его на Васю.

— На этого облома, на этого мужика, на этого ненавистника женщинъ?

— Я этого не замѣчала. Я не могу пожаловаться ни на недостатокъ любезности ни на недостатокъ живости.

— На этого тюфяка?

— О, нѣтъ! Онъ умѣетъ быть очень веселымъ, когда хочетъ! Со мной онъ всегда этого хочетъ.

— На эту рыбу!!!

— О, нѣтъ, вы ошибаетесь!

— На этого отжившаго человѣка?

— Вы ошибаетесь, повторяю вамъ, ma chere.

— Но я его жена!

— Позвольте и мнѣ его немножко знать! Со мной онъ никогда не былъ такимъ.

Все это можно скорѣе сказать про моего покойнаго мужа!

— Не называйте его имени рядомъ съ Василіемъ Степановичемъ! Коля!..

Можно ли забыть его ласки!

— Къ сожалѣнію, я не могу воскликнуть этого,— я, его жена! Какъ не можете того же сказать про Василія Степановича вы, его жена.

И онѣ протянули другъ другу руки, какъ протягиваютъ два человѣка, пораженные однимъ и тѣмъ же несчастіемъ.

— О, о своихъ мужьяхъ приходится узнавать отъ другихъ.

— Это чудовища!

— Все несчастье состоитъ въ томъ, что они женаты на своихъ женахъ. Тогда какъ имъ слѣдовало бы быть женатыми на чужихъ!

— Да... но, можетъ-быть, и намъ слѣдовало бы выходить за чужихъ мужей!

И онѣ поцѣловались, эти двѣ вдовы.

Трагедія наизнанку.

Трагедіи наизнанку.

— Это великолѣпно, что Отелло задушилъ Дездемону!

Я съ удивленіемъ взглянулъ на мою хорошенькую сосѣдку по креслу.

— Что-о-о-съ?!

— Я нахожу превосходнымъ, великолѣпнымъ, неподражаемымъ, что все кончилось такъ благополучно.

— Бла-го-по-луч-но?!

— Какъ нельзя болѣе. Въ трагедіяхъ все благополучіе состоитъ въ томъ, что герои въ пятомъ актѣ умираютъ. Богъ знаетъ, въ какую бы пошлость превратилась ихъ семейная жизнь, если бъ этого не случилось! Въ жизни все, что не трагедія—комедія! Средины не существуетъ. И вмѣсто возвышенной трагедіи мы имѣли бы, быть-можетъ, самую обыкновенную комедію...

Чортъ возьми, это мысль!

Вообще удачныя мысли родятся только у женщинъ.

Доказательство налицо.

Женщинамъ пришла самая удачная мысль въ свѣтѣ: выходить замужъ.

Тогда какъ мужчинамъ принадлежитъ самая неудачная: топиться.

Однако, слова хорошенькой сосѣдки не даютъ мнѣ покоя!

Что, если бы съ Отелло, съ Гамлетомъ не случилось трагедіи и все кончилось „благополучно"?!

Отелло.

Яго не клеветалъ. Отелло не задушилъ Дездемоны, а слѣдовательно и не зарѣзался. Онъ преспокойно губернаторствуетъ на островѣ Critѣ. Дездемона, въ качествѣ губернаторши, устраиваетъ пріемы.

V АКТЪ.

Сцена представляетъ спальную Дездемоны. Ночь. Отелло на цыпочкахъ входитъ и гаситъ свѣчу. Онъ желаетъ быть незамѣченнымъ: извѣстно, что чернаго мавра въ темнотѣ разглядѣть никакъ невозможно. Отелло снимаетъ саблю и проч., взбирается по лѣсенкѣ на постель, но задѣваетъ Дездемону.

Дездемона *(вскакивая, будто просыпаясь)*. Кто здѣсь?

Отелло *(шопотомъ)*. Это я, душечка! Я! Твой Отелльчикъ!

Дездемона. Зажгите свѣчу! Въ темнотѣ не видно вашего чернаго лица. Я должна съ вами поговорить!

Отелло. Но, душечка...

Дездемона. Безъ разговоровъ! Зажгите свѣчу, говорятъ вамъ!

Отелло. Изволь, душечка! Напрасно ты только сердишься! Это нехорошо для твоего цвѣта лица.

Дездемона. Онъ еще смѣетъ говорить о цвѣтѣ лица! Посмотрѣли бы на себя, какой у васъ цвѣтъ лица! Какъ только что вычищенный сапогъ!

Отелло (*слегка обидѣвшись*). Но, душечка, у тебя же были глаза, когда ты выходила замужъ.

Дездемона. Мы всѣ слѣпы, пока дѣвушки. Мы прозрѣваемъ, когда выходимъ замужъ. Къ сожалѣнію, это достается намъ слишкомъ дорогой цѣной. Цѣной лучшаго, что мы имѣемъ!.. Гдѣ вы были до сихъ поръ? Извольте отвѣчать!

Отелло. Но, душечка, ты не должна же забывать, что я все-таки губернаторъ острова Крита. Дѣла...

Дездемона. Скажите, какой усердный служака. Губернаторскія дѣла по ночамъ. Я думаю, пили критское вино въ обществѣ какихъ-нибудь...

Отелло. Но, душечка...

Дездемона. Молчите! Вы низкій, вы гадкій, вы черный человѣкъ!

Отелло. Я черный человѣкъ?

Дездемона. Да-съ, вы-съ! Не безпокойтесь, я знаю всѣ ваши шашни! Я знаю, какъ вы ухаживали когда-то за madame Яго! Мнѣ Яго все разсказывалъ!

Отелло. Но Яго же извѣстный клеветникъ!

Дездемона. Всѣ черные — низкіе люди, кромѣ васъ. Вы одинъ бѣлы какъ снѣгъ! И я могла увлечься этой ваксой, этимъ сапогомъ, этимъ трубочистомъ! Правъ былъ папаша, когда говорилъ, что вы меня околдовали, опоили. И за все, за все — какая же награда? Черная неблагодарность?!!! Впрочемъ, чего же и ждать отъ негра?

Отелло. М-me Отелло, вы забываетесь! Я не негръ, я мавръ!

Дездемона. Все равно, вы сажа! и для этой-то сажи я всѣмъ пожертвовала! Ему принесла въ жертву молодость, красоту, положеніе въ свѣтѣ, родство, для

него бросила прекрасную, веселую Венецію и должна прозябать на какомъ-то островѣ Критѣ! Промѣнять положеніе въ свѣтѣ на положеніе среди моря!

Отелло. Но вы не должны забывать, что, благодаря мнѣ, вы теперь губернаторша!

Дездемона. Большая честь! Когда я могла быть m-me Родриго, венеціанской патриціанкой! Потрудитесь сію же минуту говорить, гдѣ вы были? *(Наступая на него.)* Гдѣ вы были?

Отелло *(утирая платкомъ катящійся съ него градомъ потъ)*. Мамочка, я...

Дездемона. Платокъ, чей платокъ?! Чей, я васъ спрашиваю, платокъ?! Платокъ съ женской мѣткой? Чей платокъ!

Отелло *(окончательно растерявшись)*. Мамочка...

Дездемона. О, кррови мнѣ, кррови! Я его за муки полюбила, а онъ меня надуваетъ... Платокъ! чей платокъ?

Отелло. Мам...

Дездемона. Такъ вотъ же вамъ! *(Размахивается и даетъ Отелло такую безешку, что у него изъ носа показывается кровь, даже изъ шкапа раздается „ой“.)*

Отелло *(подскакивая къ шкапу)*. А, здѣсь кто-то крикнулъ!

Дездемона. Не отворяйте шкапъ, вы перемнете мои платья!

Отелло. Нѣтъ, врете, сударыня! У васъ, правда, „кричащія“ платья! Вы любите наряжаться! Но всетаки „ой“ платья кричать не могутъ! *(Отворяетъ шкапъ, оттуда выходитъ Кассіо и становится на вытяжку.)*

Отелло. Кассіо?!

Кассіо. Такъ точно.

Отелло. Здѣсь, и въ этотъ часъ! Такъ, значитъ, правъ былъ Яго, когда намекалъ... А я-то, черный дуралей, ему не вѣрилъ. Потрудитесь сказать, милостивый государь, какъ вы очутились ночью въ шкапу моей жены?!

Кассіо. Я шелъ къ вамъ по дѣлу...

Отелло. Ночью по дѣлу!..

Кассіо. По дѣлу, не терпящему отлагательства! Вѣдь вы же занимаетесь дѣлами по ночамъ? Только что сами изволили говорить.

Дездемона. Да, самъ только что говорилъ!

Отелло. А вы ужъ и подслушали?

Кассіо. Нечаянно. Я пришелъ по дѣлу и рѣшилъ подождать васъ. А чтобъ вы чего-нибудь не подумали, заставъ меня здѣсь, спрятался въ шкапъ.

Отелло. Гмъ... И вы, значитъ, все слышали?

Кассіо. Все...

Отелло. И... и... аплодисментъ?

Кассіо. И аплодисментъ!

Отелло. Гмъ... Какъ это нехорошо прятаться по чужимъ шкапамъ. Но въ чемъ же, скажите, состоитъ ваше неотложное дѣло?

Кассіо. Я хотѣлъ просить у васъ мѣсто старшаго лейтенанта!

Отелло. Гмъ... да... вотъ что... И это неотложно?

Кассіо. Да, я хотѣлъ бы ужъ проснуться старшимъ лейтенантомъ.

Отелло. Хорошо... Просыпайтесь!.. Я согласенъ... Я назначаю васъ старшимъ лейтенантомъ!

Кассіо. Покорнѣйше благодарю! Спокойной ночи, m-me Дездемона! Спокойной ночи, г. Отелло! *(Идетъ къ двери.)*

Отелло *(останавливая его)*. Но то, что здѣсь произошло, между нами.

Кассіо *(поднимая руку)*. Клянусь!

Отелло. И аплодисментъ?

Кассіо *(ударяя себя въ грудь)*. Могила! *(Уходитъ.)*

ЗАНАВѢСЪ.

Но еще печальнѣе кончился бы

Гамлетъ.

Гамлетъ не придалъ никакого значенія явленію тѣни, обратился къ придворному медику, принялъ cali bromati, нервы успокоились, и тѣнь больше не появлялась. Онъ женился на Офеліи. Прошло три года.

Сцена изображаетъ аппартаменты Гамлета. Гамлетъ сидитъ и читаетъ. Входитъ Офелія.

Офелія. Опять за чтеніемъ! Скажи, пожалуйста, что это ты вѣчно читаешь?

Гамлетъ. Слова, слова, слова!

Офелія. Ужасно глупый отвѣтъ! *(Пожимаетъ плечами.)* Думаешь, что остроумно? Нисколько! Я пришла къ тебѣ, чтобъ попросить денегъ на новое платье.

Гамлетъ. Вы наряжаетесь! Богъ далъ вамъ одно лицо, вы дѣлаете себѣ другое!

Офелія. Довольно-съ! Оставьте ваши рацеи про себя! Вы только и дѣлаете, что ходите да всѣмъ рацеи читаете! Всему Эльсинору надоѣли! До чего до-

ходите! Когда некому рацеи читать, сами съ собой разговариваете! Вчера еще васъ видѣли въ галлереѣ, вы ходили, руками размахивали, сами съ собой что-то говорили! Стыдъ! Вѣдь васъ принимаютъ за сумасшедшаго!

Гамлетъ. Я размышлялъ надъ вопросомъ: для души великой что лучше, что благороднѣе: быть или не быть?

Офелія. Глупый вопросъ! Вѣчно вы размышляете! Даже противно! Ничего не дѣлаетъ, только размышляетъ! Тряпка какая-то, а не человѣкъ!

Гамлетъ *(качая головой)*. И я любилъ тебя, Офелія.

Офелія. И напрасно дѣлали!

Гамлетъ. Любилъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ!

Офелія *(вздыхая)*. Я, слава Богу, знаю эту вашу братскую любовь! Тогда зачѣмъ же вы женились бы, если любите братской любовью! Правду мнѣ говорилъ мой папенька...

Гамлетъ. Этотъ старый дуракъ мнѣ надоѣлъ. Льстивый, низкопоклонникъ, лѣзетъ съ глупыми разговорами!

Офелія. Потрудитесь не оскорблять моего папеньку. Онъ почтенный старикъ, его всѣ при дворѣ уважаютъ. Даже вашъ дядя король, который въ тысячу разъ поумнѣе васъ...

Гамлетъ. Король умнѣе меня! Какою слѣпотою глаза твои покрыло небо?..

Офелія. Да-съ! Поумнѣе! Онъ вотъ король, а вы съ носомъ остались и въ принцахъ состоите! Я не позволю вамъ оскорблять моего папеньку! Онъ для меня все на свѣтѣ! У меня нѣтъ маменьки.

Гамлетъ. Да-съ, слава Богу, хоть тещей вы меня не подарили! Этого только и недоставало! Зато тестюшка... „Низкопоклонникъ-тесть“.

Офелія. Еще разъ вамъ говорю, не смѣйте оскорблять моего отца! Помните, что за него есть кому вступиться. Лаэртъ, мой братъ...

Гамлетъ. Сорванецъ, мотъ, по уши въ долгахъ, вашъ братецъ вотъ у меня гдѣ сидитъ, сударыня! Человѣкъ, который только и дѣлаетъ, что тянетъ деньги съ сестры. А я долженъ платить за кутежи брата своей жены!

Офелія. Онъ ведетъ себя соотвѣтственно своему званію и положенію! Хоть бы у него поучились, какъ вести себя. А то вѣдь стыдъ, срамъ, позоръ! Принцъ Даніи, который проводитъ свое время въ компаніи актеровъ! Ставитъ любительскіе спектакли! Устроилъ во дворцѣ какую-то школу драматическаго искусства.

Гамлетъ. Я люблю искусство!

Офелія. Такъ и подносите букеты, вѣнки, корзины, браслеты, а не режиссируйте въ любительскихъ спектакляхъ! Недостаетъ, чтобъ вы еще залѣзли въ суфлерскую будку! Да это ли еще! Съ кѣмъ знакомство свелъ! Съ могильщиками! Шатается по ночамъ по кладбищамъ, носитъ оттуда какія-то кости!

Гамлетъ. Это былъ черепъ Іорика!

Офелія. Вы сами шутъ гороховый! Вы не умѣете вести себя въ приличномъ обществѣ! Хоть бы взяли примѣръ съ Розенкранца или Гильденштерна!

Гамлетъ. Розенкранцъ! Гильденштернъ! Ваши „адъютанты“. Я знаю, сударыня, что вы изволите дѣлать имъ глазки. Придворныя куклы, умѣющія только кланяться да шаркать ногами!

Офелія. Да, они умѣютъ вести себя въ обществѣ! Я васъ предупреждаю. Если вы еще разъ позволите себѣ остроту, въ родѣ той, какую вы сказали тогда на спектаклѣ: „Позвольте прилечь у вашихъ ногъ"...

Гамлетъ. Я тогда былъ еще женихомъ!

Офелія. Тѣмъ хуже! Я васъ предупреждаю, будетъ плохо! Вы привыкли тамъ, будучи студентомъ, отпускать шуточки гризеткамъ. Здѣсь другое общество! Потрудитесь быть поприличнѣе, сидѣть на своемъ мѣстѣ, а не валяться на полу, какъ вы это обыкновенно дѣлаете!

Гамлетъ. Я не иду на спектакль!

Офелія. Нѣть-съ, пойдете! Вы своимъ поведеніемъ огорчаете королеву, вашу матушку, безпокоите вашего дядю, отравляете жизнь моему отцу, заставляете краснѣть моего брата! Вы посмѣшище для Розенкранца, Гильденштерна, для Озрика! Васъ даже послѣдній могильщикъ — и тотъ считаетъ сумасшедшимъ! Вы будете на спектаклѣ и на балу, который даетъ король въ Валентиновъ день по случаю прибытія Фортинбраса. Вы должны быть и вести себя вполнѣ прилично, чтобъ разсѣять эти слухи. Вы будете на балу короля...

Гамлетъ *(пожимая плечами)*. Что я Гекубѣ, и что Гекуба мнѣ!

Офелія. Вамъ не о Гекубѣ говорятъ, а о королѣ Вы обязаны быть!

Гамлетъ. Спектакль! Балъ! Пиры въ Эльсинорѣ! „Отъ похоронъ осталось много блюдъ"...

Офелія. Можете философствовать, сколько вамъ угодно, но потрудитесь выдать мнѣ деньги на платье. Я не хочу всю жизнь щеголять въ бѣленькомъ

платьицѣ! Это вы, если вамъ угодно, можете ходить постоянно весь въ черномъ, какъ факельщикъ! А я не желаю! Деньги на платье и на цвѣты! Вы знаете, я люблю цвѣты. Деньги!

Гамлетъ *(доставая бумажникъ)*. О, женщины, ничтожество вамъ имя!

Офелія *(беря деньги)*. И вы еще смѣете говорить о женщинахъ! Когда вы самъ баба! Баба! Баба! Баба! *(Уходитъ.)*

Гамлетъ. Здѣсь, въ Даніи, поневолѣ выучишься пить! *(Увидавъ входящаго Горацію.)* Есть много вещей на свѣтѣ, другъ Гораціо, которыхъ не слѣдовало бы дѣлать умнымъ людямъ. Напримѣръ, жениться. Не такъ ли?

Гораціо. Вы совершенно правы, принцъ!

Гамлетъ. Онъ думаетъ играть на моей душѣ, какъ на роялѣ. Выпьемъ съ горя, Гораціо!

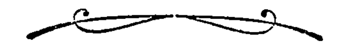
Гораціо. Выпьемъ, принцъ!

ЗАНАВѢСЪ.

Чортъ возьми, моя хорошенькая сосѣдка была, пожалуй, права, когда сказала, что самое лучшее въ трагедіяхъ—это то, что герои во-время умираютъ!

Женщинамъ иногда приходятъ въ голову очень умныя вещи.

Иногда!

Женихи.

Женихи.

(Одесская трагедія.)

Я шелъ по опушкѣ Хаджибейскаго парка. Какъ вдругъ изъ куста вылетѣлъ молодой человѣкъ.

Я даже вздрогнулъ:

— Бѣшеный!

Безъ шляпы. Костюмъ въ клочьяхъ. Зрачки глазъ расширены отъ ужаса. Мокрые волосы прилипли ко лбу.

И прямо мнѣ въ ноги:

— Ради Бога!.. За мной гонятся!.. Я кинусь въ эти кусты,— не выдавайте меня!.. Они!!!

И молодой человѣкъ ринулся въ кусты.

Что такое? Что случилось? Что человѣкъ надѣлалъ?

Убилъ кого-нибудь? Зарѣзалъ?

Можетъ-быть, просто укралъ, — нынче у молодыхъ людей это въ модѣ.

По парку шелъ трескъ.

Вправо отъ меня слышался легкій трескъ, словно летѣла какая-нибудь легконогая серна.

Полѣвѣе слышался трескъ посолиднѣе, словно прыгала тигрица.

И, наконецъ, прямо кусты трещали такъ, словно валилъ медвѣдь.

Трескъ слышался все ближе и ближе. Послышалось тяжелое, прерывистое дыханіе, какое-то сопѣніе...

Можетъ-быть, и на самомъ дѣлѣ медвѣдь?..

Я оглянулся на всякій случай,—близко ли дерево?

— У - лю - лю? — раздался отчаянный вопль; кусты раздвинулись, — и я остолбенѣлъ.

Изъ кустовъ показался Иванъ Ивановичъ, милѣйшій Иванъ Ивановичъ, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, почтенный отецъ семейства,—но въ какомъ видѣ!

Лицо налилось кровью, въ глазахъ ярость, волосы дыбомъ, и прямо ко мнѣ.

— Подлеца видѣлъ?

— Какого подлеца?

— Подлецъ тутъ пробѣжалъ. Не видалъ?

— Да почему же, Иванъ Ивановичъ, отличить человѣка, подлецъ онъ или нѣтъ? Нынче это трудно...

— Не видалъ, значитъ? Ну, да все равно. Онъ отъ меня не уйдетъ, не уйдетъ, негодяй!

Иванъ Ивановичъ погрозилъ кулакомъ:

— Благословлю!.. Благословлю анаѳему!..

И онъ такъ кричалъ „благословлю“, словно хотѣлъ оторвать голову:

— Благословлю!.. Не убѣжишь! Нѣтъ, ты только вообрази, какова шельма: изъ-подъ благословенія вырвался... Ну, да, братъ, ладно! Отъ меня не уйдешь! У меня это все правильно устроено: облава! Я, братъ, охотникъ. На медвѣдей ходилъ! У меня сторожа подкуплены. Куда ни побѣги, — на сторожа наткнешься. Весь паркъ оцѣпленъ. А по кустамъ жена и дѣти пу

сцены. Сынишка Петька на велосипедѣ рыщетъ. Дочь бѣгаетъ, жена. Какъ только увидятъ, сейчасъ на меня гнать начнутъ и «у-лю-лю!» кричать. Хорошо бы гончими его, ракалію, потравить. Ну, да за неимѣніемъ гончихъ своимъ семейством обойдемся. Женѣ прямо сказано: увидишь, мертвой хваткой за шею бери и вали. А отбиваться начнетъ, — за ноги кусай, чтобъ бѣгать не могъ. А я тѣмъ временемъ подойду и благословлю.

— Да что съ тобой, Иванъ Ивановичъ? Отъ жары это у тебя, что ли? Съ чего это ты такимъ неподходящимъ дѣломъ вздумалъ заняться! Анаѳемъ благословлять?!

— А что жъ съ ними дѣлать, какъ не благословлять? Благословлю,—и кончено. Нѣтъ, ты себѣ представить не можешь, до чего подлый нынче молодой человѣкъ пошелъ! Ты ему всякое удовольствіе, угощаешь, окрошку для него дѣлаешь, а онъ въ благодарность хоть бы на твоей дочери женился. Хоть бы изъ вѣжливости! Окрошку ѣстъ, и даже по двѣ тарелки, а какъ до свадьбы дошло, — «не расположенъ», говоритъ. Къ одной окрошкѣ расположеніе и чувствуетъ. Ты только представь себѣ. Пріѣзжаетъ на лиманъ молодой человѣкъ. Ну, я, натурально, сейчасъ черезъ кухарку узналъ. У меня вѣдь всѣ чужія кухарки на жалованьѣ. Какъ гдѣ показался молодой человѣкъ, сейчасъ обязана бѣжать и извѣщать. А ужъ я прихожу и знакомлюсь.

— Какъ, къ незнакомому приходишь?

— А мнѣ плевать, что онъ незнакомый. Познакомлюсь! Прихожу—вижу, молодой человѣкъ. «Ногой, — говоритъ, — страдаю». Мы въ немъ участіе приняли,

дочь даже за него замужъ выдать хотѣли. А онъ, на-ко! Черезъ перила!

— Какъ такъ? Черезъ перила?!

— Очень просто. Сидимъ это мы передъ обѣдомъ на террасѣ. Жена окрошку приготовляетъ. Она какую-то особенную дѣлаетъ, горчицы въ нее много кладетъ, — словомъ, отъ этой окрошки человѣкъ въ нѣкоторомъ родѣ чувствъ лишается: самъ не понимаетъ, что говоритъ, что дѣлаетъ. Я поодаль сижу, чтобъ молодымъ людямъ не мѣшать. А Олечка съ нимъ, съ анаѳемой, около перилъ объ окрошкѣ говоритъ. «Вы,— спрашиваетъ,—Семенъ Ивановичъ, окрошку любите?»— «Люблю, — говоритъ, — особенно съ раковыми шейками! Раковыя шейки — это восторгъ, что такое! Что можетъ быть лучше шейки?» Кажется, объясненіе прямое? Чего жъ еще ждать? Я къ нимъ: «Я, говорю, васъ, Семенъ Ивановичъ, понялъ! Берите Олечку, цѣлуйте ея шейку, сколько вамъ угодно»... И только что хотѣлъ благословить, а онъ, подлецъ, ногу черезъ перила—и въ кусты. Мы и погнали!

Въ эту минуту гдѣ-то вдали послышался отчаянный вопль:

— Иванъ Ивановичъ! Сюда! Держу!..

— Жена вцѣпилась!

И Иванъ Ивановичъ шарахнулся въ кусты.

— Держи!.. За ноги кусай!.. Я сейчасъ!.. За ноги... За ноги...

Голосъ Ивана Ивановича слышался все ближе и ближе къ тому мѣсту, откуда раздавались вопли.

— Скорѣе!—вопилъ женскій голосъ.—Рвется!

— За ноги кусай, за ноги!.. Олечка, Петька! У-люлю! Къ матери на помощь! — раздавался голосъ Ивана Ивановича. Вотъ онъ, вотъ я!..

Но въ эту минуту раздался страшный, отчаянный крикъ—и все смолкло.

Я стоялъ ни живъ ни мертвъ. Что за драма разыгралась въ чащѣ? Убили?

Сно́ва затрещали кусты — и на дорогу вывалился Иванъ Ивановичъ.

Именно, вывалился, а не вышелъ. Истомленный, измученный:

— Вырвался!.. И вѣдь какъ, подлецъ, ухитрился. Жена ему въ икры зубами вцѣпилась. Сынъ его два раза велосипедомъ переѣхалъ. Дочь за волосы держала. Думалъ: «благословлю». Нѣтъ! Увидалъ меня, анаѳема, словно каленымъ желѣзомъ кто его прижегъ. Вѣдь раздавленный, а какъ кинулся! У дочери въ рукахъ даже волосъ клокъ остался. А все Петька, каналья, виноватъ! Не умѣетъ съ женихами обращаться. Развѣ по жениху на велосипедѣ нужно уѣдить? Сѣлъ бы ему на голову,—и все тутъ. Вотъ какъ съ женихомъ нужно!

Иванъ Ивановичъ присѣлъ на скамейку.

— Не повѣришь, братъ, какъ трудно нынче жениха отыскать!

— Да, можетъ, насчетъ жениховъ вы очень разборчивы?

— Мы?! Да нынче, братъ, лакеевъ съ большей разборчивостью берутъ, чѣмъ жениховъ. Это прежде было: чтобъ женихъ не курилъ, въ карты не игралъ. А нынче просто; одно отъ него, отъ идола, только и требуется: женись! И того не хочетъ!

— Что жъ это они?

— А вотъ поди, спроси у нихъ, у идоловъ. Вотъ какіе они нынче молодые люди пошли! Никакъ не благословишь... Да я тебѣ вотъ что еще скажу...

Но Ивану Ивановичу не удалось договорить.

Къ намъ летѣла горничная:

— Баринъ! Баринъ! Домой скорѣе бѣгите! Къ вамъ кухарка съ сосѣдской дачи пришла!

Иванъ Ивановичъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Прощай, братъ, некогда... Новый появился... Благословлять побѣгу! Можетъ-быть, и удастся...

Мы встрѣтились съ Иваномъ Ивановичемъ недѣли черезъ двѣ на бульварѣ.

Онъ шелъ, понуривъ голову, изнемогая отъ жары.

— Иванъ Ивановичъ! Что это тебя въ такую жару въ городъ принесло?

— По дѣламъ былъ. Въ управѣ, потомъ въ справочную контору...

— Ужели жениха чрезъ контору искалъ?

— Его самаго. У меня, братъ, хитрая механика теперь подстроена. Съ членомъ управы съ однимъ познакомился. Обѣщался для меня въ управѣ мѣсто столоначальника поприддержать. Ты знаешь, это выгодно. Такъ вотъ по справочнымъ конторамъ и хожу: нѣтъ ли какого-нибудь молодого человѣка безъ опредѣленныхъ занятій? Я ему мѣсто въ управѣ, а онъ въ благодарность чтобы на дочери женился. И ему хорошо, и мнѣ выгодно: управскій столоначальникъ— это, братъ, по нынѣшнимъ временамъ женихъ—слава Тебѣ, Господи! Конечно, это не скотобойщикъ, но все-таки...

— Ну, и что жъ?

— И на это не идутъ. Мѣсто, — говоритъ,—возьму съ удовольствіемъ, а къ женитьбѣ расположенья не чувствую! По газетнымъ объявленіямъ ходилъ. Какой-то молодой человѣкъ 100 рублей предлагаетъ, чтобъ мѣсто ему доставить. „Вотъ вамъ, говорю, и безъ ста рублей и жена и мѣсто. И сто цѣлковыхъ цѣлы останутся и жену еще получите!" Да онъ, дуракъ, оказывается, ужъ женатъ. Дѣтей семеро. Конечно, жену можно бы и отравить, у меня порошокъ такой есть, а дѣтей по пріютамъ...

— Иванъ Ивановичъ!!!

— Да что ты мнѣ „Иванъ Ивановичъ!" „Иванъ Ивановичъ!" Я сорокъ пять лѣтъ Иванъ Ивановичъ! Была бы у тебя дочь на возрастѣ,—посмотрѣлъ бы я, что бы ты запѣлъ,

Зашли тутъ же на бульварѣ позавтракать.

Иванъ Ивановичъ рыбу съѣлъ, но надъ котлетой задумался.

— Ты что жъ, Иванъ Ивановичъ, не ѣшь?

— Постой,—мнѣ въ голову одна мысль пришла.

— Что еще?

— А знаешь ли, мнѣ этотъ лакедронъ очень нравится!

— Кто такой?

— Лакей, что намъ подаетъ! Приличный такой, почтительный! Въ Одессѣ немного и молодыхъ людей такихъ найдешь. Очень-очень приличенъ!

— Иванъ Ивановичъ, да неужели же ты...

— Что жъ тутъ такого необыкновеннаго? Что лакей? Такъ что жъ, небольшое приданое дамъ, — сами ресторанъ откроемъ, жена по кулинарной части, окрошку будетъ дѣлать, я по винной кое-что смыслю. Право, сейчасъ ему предложеніе сдѣлаю!

Но подошелъ кто-то изъ знакомыхъ, и Ивану Ивановичу помѣшали.

— Въ другой разъ, — рѣшилъ онъ, — а теперь къ себѣ на лиманъ поѣду. Да что ты къ намъ никогда не заѣдешь? Заѣхалъ бы, окрошки поѣлъ. Ты хоть и женатый человѣкъ, а все-таки заѣзжай, поѣшь!

Я собрался къ Ивану Ивановичу какъ-то на недѣлѣ.

Подъѣзжаю,—слышу вопли.

„Батюшки, думаю, должно-быть, Иванъ Ивановичъ кого-нибудь благословляетъ».

Хотѣлъ было повернуть назадъ, какъ вдругъ съ дачи вылетаетъ въ растерзанномъ видѣ жена Ивана Ивановича.

— Спасите! — кричитъ. — Изверіъ меня уродовать хочетъ!

— Какъ такъ уродовать?

— А вотъ спросите у него, онъ на дачѣ съ хирургическими инструментами возится.

Вхожу.

— Иванъ Ивановичъ, что ты тутъ за звѣрства дѣлаешь?

— Никакихъ,—говоритъ,—звѣрствъ; просто хотѣлъ женѣ на носу оспу привить.

— Это еще зачѣмъ? У нея не привита развѣ?

— Привита, и даже два раза,—этой зимой еще прививала. А я хотѣлъ на носу—для спокойствія.

— Иванъ Ивановичъ, опомнись, выкупайся, воды выпей, что ли...

— Да что ты меня за сумасшедшаго принимаешь, что ли? Я, братъ, знаю, что дѣлаю! Это я для жениховъ.

— Для какихъ жениховъ?

— Для Олечкиныхъ. Отыщешь для Олечки жениха, а онъ за мамашей ухаживаетъ. Вѣдь нынче молодежь какая! А будетъ носъ въ оспѣ, — небось, не станетъ ухаживать. Вотъ я и хотѣлъ...

— Иванъ Ивановичъ!

— Да что ты ко мнѣ присталъ: „Иванъ Ивановичъ!" Ты вотъ меня поздравь лучше! Подлеца поймалъ.

— Какого подлеца?

— А вотъ, за которымъ тогда по парку гонялся. Не миновалъ моихъ рукъ.—Благословлю!

— Какъ же это тебѣ удалось?

— А очень просто. Объявилъ всѣмъ сторожамъ, будто онъ у меня пятьсотъ рублей укралъ, и сто рублей награды обѣщалъ тому, кто приведетъ.

— Иванъ Ивановичъ, да вѣдь это клевета!

— Ужъ это тамъ что бы то ни было! А только поймали и привели.

— Да вѣдь за это подъ судъ можно!

— Вотъ, вотъ! И онъ меня изъ погреба судомъ пугаетъ.

— Какъ изъ погреба?

— Въ погребъ я его посадилъ. Заперъ и ключъ у себя держу. Кормлю селедкой, а пить не даю. Пока итти подъ благословеніе не согласится.

— Да вѣдь это истязаніе!

— Я и самъ знаю, что истязаніе! А онъ согласись жениться,—вотъ и истязаніе кончится. Надо же ихъ, наконецъ, заставлять жениться.

— Охъ, Иванъ Ивановичъ, попадешь ты на каторгу!

— Не попаду,—согласится. Я на своемъ поставлю: благословлю. Долго не продержится. Онъ и теперь ужъ—въ чемъ душа держится! Хочешь, пойдемъ, посмотримъ!

Смотрѣть я не пошелъ, но расчеты Ивана Ивановича сбылись.

Черезъ два дня я получилъ пригласительный билетъ:

„Иванъ Ивановичъ и Матрена Карповна Фунтиковы имѣютъ честь покорнѣйше просить васъ пожаловать на благословеніе ихъ дочери Ольги съ коллежскимъ регистраторомъ Семеномъ Ивановичемъ Скриповымъ, имѣющее быть въ субботу, 20 іюля, во дворѣ дачи Фунтиковыхъ“.

Я отправился.

Зрѣлище, которое мнѣ представилось, было поистинѣ изумительно.

Посреди двора два дворника держали за руки и за ноги распростертаго на землѣ „жениха“, а Иванъ Ивановичъ стоялъ надъ нимъ, плакалъ отъ умиленія и говорилъ:

— Дѣти мои, благословляю васъ, будьте счастливы!

Въ тотъ же вечеръ я встрѣтилъ Ивана Ивановича въ Грандъ-Отелѣ.

Онъ былъ выпивши:

— Дочку замужъ выдаю! Жениха нашелъ!

И даже хвастаетъ:

— А ужъ какъ ее любитъ!!!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Южные журналисты	5
Двадцатый вѣкъ	21
Поэтесса	35
За день	45
Неясныя времена	55
Лѣченіе земляникой, клубникой, садовой красной смородиной	65
На кончикѣ пера	75
Противъ бѣдныхъ	87
Война будущаго или штука конторы Кука	99
Банкиръ	109
За ночь	117
Визитеръ безъ головы	127
Визитеръ	141
Въ чистый понедѣльникъ	153
Часы	167
Мужья	177
Легенда о происхожденіи одесситки	189
„Счастье въ уголкѣ“	201
Легенда о происхожденіи корсета	215
Крючки	229
Чужія жены	237
Трагедія наизнанку	243
Женихи	255

В. М. Дорошевичъ.

Собраніе сочиненій.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Томъ I. Семья и школа.
Томъ II. Безвременье.
Томъ III. Крымскіе разсказы.
Томъ IV. Литераторы и общественные дѣятели.
Томъ V. По Европѣ.
Томъ VI. Юмористическіе разсказы.
Томъ VII. Разсказы.
Томъ VIII. Судебные очерки.
Томъ IX. Сцена.
Томъ X. По бѣлу-свѣту.
Томъ XI. Легенды.
Томъ XII. Фельетоны.

Цѣна за каждый томъ 1 р.